

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка*

В данной работе рассматриваются возможности изучения лексики языка Древней Руси, возникшие в последние десятилетия в связи с публикацией новых исторических, этимологических и диалектных словарей русского языка. Открылись, в частности, новые перспективы исторического изучения лексики с функционально-стилистической и генетической точек зрения.

Во многих учебниках современной лексикологии с этих точек зрения описывается лексика современного русского языка. Учебники содержат в разной степени содержательные обобщения функционально-стилистических и генетических свойств этой лексики. Обобщения опираются прежде всего на материалы толковых и этимологических словарей современного языка, где лексика охарактеризована с указанных точек зрения.

Всего этого была лишена историческая лексикология русского языка. Серьезные обобщения, опирающиеся на полный материал, не могли быть сделаны в силу отсутствия такого материала, сведенного в фундаментальные словари. Материалы И.И. Срезневского, долгое время бывшие единственным серьезным справочником по лексике языка Древней Руси, при всем своем богатстве, остаются все-таки «материалами», страдающими несистематичностью в подборе этих материалов и слабостью лексикографической обработки.

Положение, как известно, стало меняться в последние 40 лет. С 70–80-х гг. начали выходить фундаментальные исторические СДРЯ XI–XIV, Сл XI–XVII) и этимологические (ЭССЯ, *Slow. prasl.*, PS, ESJS, Фасмер 1964–1973, ЭСРЯ) и др. словари, которые дают возможность приступить к предварительным обобщающим работам по исторической лексикологии русского языка.

В данной работе делается попытка дать такую обобщающую характеристику небольшой части лексического состава языка Древней Руси.

* В соавторстве с Т.Н. Солдатенковой.

Возможность создания функционально-стилистической классификации словарного состава Древней Руси появилась, на наш взгляд, прежде всего благодаря публикации первых томов СДРЯ XI–XIV, являющегося первым древнерусским тезаурусом: при его создании учитывалось каждое употребление данного слова во многочисленных списках XI–XIV вв. памятников самых различных жанров. Сочетание тезаурусности и почти предельного жанрового разнообразия источников — явление достаточно редкое в исторической лексикографии: для сравнения можно указать, например, с одной стороны, Сл XI–XVII, охватывающий весьма разнообразные жанры, но не являющийся тезаурусом; с другой стороны, такие словари, как пражский SJS, проектируемый в Киеве *Словарь старославянского языка* восточнославянской редакции или *Словник староукраїнської мови* XIV–XV ст. (СУ), являющиеся тезаурусами, но основанные на материале памятников, однородных в языковом отношении: первые два — на материале языка церковных памятников, а последний — на материале светской деловой письменности.

Названные свойства СДРЯ XI–XIV дают возможность определить место слова в системе разновидностей языка Древней Руси с максимальной для современного состояния источников (хотя далеко не всегда абсолютной) точностью, т. е. создать функционально-стилистическую типологию словарного состава языка XI–XIV вв. Естественно, что при этом должны учитываться и другие лексикографические и лексикологические источники, прежде всего Сл XI–XVII и Срезн.

Публикация указанных выше и других этимологических словарей даст возможность, несмотря на отсутствие «Этимологического словаря древнерусского языка», начать создание генетической классификации лексики древнерусского периода.

Принципиально важным является, на наш взгляд, соотнесение данных классификаций друг с другом (чему не уделялось необходимого внимания даже в лексикологии современного русского языка). Такое соотнесение даст, с одной стороны, сведения о генетических свойствах слов одной и той же функционально-стилистической группы, с другой — сведения о функционально-стилистических свойствах генетически тождественных слов. Сфера употребления слова, как известно, тесно связана с его генетическими свойствами. Для русского языка эта связь особенно актуальна, поскольку характер его стилистических средств опирается на хронологические признаки, в отличие, например, от сербохорватского языка, где, как показал Н.И. Толстой [1988: 27–33], решающую роль играет локализация слова.

Изложенная ниже классификация лексики, включенной в СДРЯ XI–XIV, начинается с определения функционально-стилистического статуса

слова. Основной, но далеко не единственный критерий определения этого статуса — характер памятников, в которых зафиксировано это слово. Массовый характер материалов СДРЯ XI–XIV, опирающегося на двух-миллионную картотеку, способствует точному определению этого статуса по крайней мере для достаточно частотных слов. Если в СДРЯ XI–XIV слово неоднократно зафиксировано, например, в грамотах и летописях, но ни разу — в многочисленных церковно-книжных памятниках (а при сплошной расписке материала это означает его отсутствие в этих памятниках), то это, на наш взгляд, уже достаточно ясно определяет функционально-стилистический статус данного слова как единицы языка повседневного общения (для краткости будем условно называть такие слова «разговорными»), не свойственной церковно-книжной разновидности языка. Используя терминологию двуязычия, следует считать такие слова частью лексикона древнерусского языка, но не церковнославянского (русской редакции).

Помимо основного показателя — сферы фиксации, могут использоваться другие показатели, особенно необходимые для определения функционально-стилистического статуса малочастотных слов.

Важным показателем является, как известно, наличие/отсутствие слова в говорах. Функциональный статус нередко определяется и с помощью различных формальных показателей слова. Так, полногласное *берема* должно быть отнесено к древнерусскому языку повседневного общения, несмотря на то, что оно зафиксировано (но лишь 4 раза) в СДРЯ XI–XIV только в церковно-книжных памятниках, для которых типично *брема* (77 раз). В данном случае формальный показатель, свидетельствующий о происхождении, является решающим показателем и функционального статуса, а сфера фиксации этому статусу не соответствует. К числу формальных показателей, связанных с происхождением (образованием) слова, относятся, в частности, словообразовательные аффиксы, типичные для разговорной речи (например, уменьшительные). Слова, возникшие в результате народной этимологии, также относятся к разговорным; ср., приведенное ниже *боѡринъ* или глагол *куролесить*, возникший в результате народно-этимологического переосмысления Κύριε ἐλέησον ‘Господи, помилуй’, часто (иногда нестройно) повторявшегося во время богослужения. Функционально-стилистические свойства определяются и характером заимствования — устным (мирским) или книжным (сакральным) путем.

Разговорный или книжный статус слова выявляется и на фоне системных отношений (стилистические синонимы, различаемые в памятниках иногда с помощью глосс, омонимическое отталкивание и т. п.).

Естественно, что для определения сферы функционирования слова в разновидностях языка Древней Руси существенно его значение: многие семантические сферы, например, хозяйственная, экономическая практически не представлены в церковно-книжных произведениях.

Все кратко перечисленные критерии определения функционально-стилистического статуса слова могут использоваться изолированно или в сочетании с другими критериями.

В результате применения этих критериев лексику, содержащуюся в СДРЯ XI–XIV, начинающуюся на буквы А, Б, Г и Д (всего около 4000 слов)¹, с функционально-стилистической точки зрения разделяем на три группы:

- 1) лексика языка повседневного общения, или лексика древнерусского языка, не входящая в лексический состав церковнославянского языка (условно и огрубленно — разговорная лексика);
- 2) лексика, используемая в любых жанрах, или лексика, общая для древнерусского и церковнославянского языков (нейтральная лексика);
- 3) лексика, свойственная только книжным жанрам, или лексика, входящая в состав только церковнославянского языка (книжная лексика).

Каждая группа слов, близких с функционально-стилистической точки зрения, делится на подгруппы в соответствии с происхождением.

Изложенная в работе классификация в схематическом виде представлена в табл. 1. Горизонтальные ряды отражают деление слов в соответствии с функционально-стилистическим статусом, вертикальные — деление по происхождению. В клетках помещены примеры слов, характеризующихся определенными функциональными и генетическими свойствами. Например, слово *доброчьстьѣ*, помещенное в клетке 3/5, относится к книжным, а по происхождению является старославянизмом.

Разговорные слова. Слова этой группы составляют не более 10 % общего объема исследуемой лексики (из 4000). Это вполне объяснимо, если учесть, во-первых, что, как известно, светских рукописей XI–XIV вв. было и сохранилось меньше, чем церковных (словари более поздней эпохи — это ясно без статистики — отражают иное соотношение разговорной, нейтральной и книжной лексики), поэтому среди источников СДРЯ XI–XIV церковные тексты по объему существенно превышают светские; во-вторых, что живая речь во многих случаях подвергалась обработке даже в светских жанрах, и, в-третьих, что обследованный материал (слова на А, Б, Г, Д), по-видимому, не наиболее показателен для всего слова-

¹ В работе учтены следующие исправления к I–IV томам СДРЯ XI–XIV, исправления к I тому, опубликованные во II т., исправления к I, II томам, опубликованные в III т., исправления к I–IV томам, опубликованные в V томе.

Функцио- нально- стили- стиче- ский статус слов	П р о и с х о ж д е н и е						
	1	2	3	4	5	6	7
	Пра- славян- ские	Восточно- славян- ские ре- флекс- ы прасла- вянских слов	Восточ- нославян- ские новооб- разова- ния	Устные заим- ствова- ния	Старо- славян- низмы	Новообра- зования церковно- славян- ского языка	Заимство- вания в церковно- славян- ском языке
1. разгово- рные	бѣлка	голова	беспень- ныи	бадьа	—	—	—
2. нейт- ральные	быти	горачии	—	—	добро- дѣяние	благора- зоумьныи	—
3. книж- ные	блоудь- никъ	досажати	—	—	добро- чѣстьє	благобо- изнивыи	адамантъ

ря, поскольку среди слов на А преобладают книжные заимствования, а среди слов на Б и Д много книжных слов с *благо-*, *бого-*, *добро-* и производных с приставкой *без-*.

В целом СДРЯ XI–XIV будет содержать, по-видимому, 2500–3000 (из общего числа 30 000) разговорных слов. С генетической точки зрения эти слова делятся на: 1) праславянские (состав праславянских слов дается в соответствии с ЭССЯ²); 2) восточнославянские рефлекс-ы праславянских слов; 3) восточнославянские новообразования; 4) устные (реже книжные светские) заимствования.

Праславянские слова

Исследование использования праславянской лексики в памятниках разных жанров — и соответственно в разновидностях языка Древней Руси, — возможное в полном объеме только после завершения этимологических праславянских словарей, СДРЯ XI–XIV и Сл XI–XVII, должно выявить, какие праславянские слова распространены во всех разновидностях языка и какие ограничены определенными разновидностями. Видимо, сфера употребления большей части праславянских слов (см. с. 160, 161) не ограничена, но имеется (и этому не уделялось необходимого вни-

² «Пропуск» слов на букву В объясняется тем, что в вышедших выпусках ЭССЯ пока нет слов, начинающихся на эту букву.

мания) достаточно много праславянских слов, представленных в разговорной древнерусской речи, но не в церковно-книжных памятниках.

В пределах рассматриваемого материала можно утверждать, что ограниченность сферы употребления праславянизмов светскими памятниками во многом обусловлена их семантикой: большая часть этих слов (почти все они — имена существительные) означает бытовые, хозяйственные, юридические или военные реалии, например, *бѣръть* (41)³ ‘1. колода для пчел, дерево с ульем; 2. бортное угодье’, *биричь* (6 — ЛН XIII₂, ЛЛ 1377, ЛИ ок. 1425 и в грамоте) ‘представитель княжеской власти, занимающийся в частности объявлением распоряжений’, *бѣлила* (1 — берестяная грамота № 288) ‘белая краска, белила’, *броусь* (1 — берестяная грамота № 384) ‘точильный брусок’, *бѣчька* (7 — ЛН XIII₂, ЛИ ок. 1425, грамота, СБУВ XIV₂), *блюдьце* (2 — грамота), *бродьници* (2 — ЛН XIII₂, ЛИ ок. 1425) ‘разноплеменные бродячие группы, жившие в степях Северного Причерноморья и участвовавшие в военных походах Руси’, *братыщина* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘пир вскладчину’, *говядина* (1 — ЛЛ 1377), *голоубьи* (3 — 2 грамоты, том числе берестяная № 142; ЛИ ок. 1425) ‘конская масть’, *голоубина* (2 — берестяные грамоты № 263, 713) ‘голубая ткань’, *гонь* (1 — грамота) ‘участок земли для охоты’, *гоньць* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘гонец’, *господыни* (2 — берестяные грамоты № 84, 112), *господарь* (65), *гостиньць* (4 — в значении ‘большая дорога’, только в РПр сп. 1285–1291, РПрМус сп. XIV₂ и грамоте), *грабежь* (12), *граница* (6 — только в грамотах), *гребьць* (6: 2 — в ЛЛ 1377, 2 — в ЛИ ок. 1425 и 2 — в Пал 1406), *дача* (2 — в РП сп. 1285–1291 и РПрТр сп. XIV₂) ‘выдача ссуды, займа в денежной или натуральной форме’, *дворьныи* (4 — РПр сп. 1285–1291; РПрМус сп. XIV₂, ЛИ ок. 1425, также ГрБ № 496) и др.

Мы привели те значения указанных слов, в которых они отмечены в письменности XI–XIV вв. В современных говорах, сохранивших многие из перечисленных слов, они могут употребляться и в других значениях: например, СРНГ 6, 337 дает три омонима голубина: 1) ‘голубь’, 2) ‘голубка, голубица’, 3) ‘голубика’ (о значениях соответствий этому и другим перечисленным словам в славянских языках см. ЭССЯ).

О семантических причинах жанрового распределения праславянских слов свидетельствует, в частности, отражение в словарях сферы употребления различных слов одной и той же семантической группы, а также разных значений некоторых праславянских полисемантических слов. Так, из названий животных в светских памятниках наиболее распространены те, которые употребляются в письменности не только для обозначе-

³ Цифра в скобках после слова означает его частотность в СДРЯ XI–XIV с учетом [Зализняк 1995].

ния самого животного, но и (иногда чаще) для обозначения хозяйственно-экономических реалий. Это прежде всего названия белки: *бѣла* (24), *бѣлка* (18), *въверица* (19), *вѣкиа* (31). Существительное *бѣла* (ЭССЯ, вып. 2: 79) и *бѣлка* (ЭССЯ, вып. 2: 81–82) имели «экономические» значения: ‘шкура белки, денежная единица’. (В ЛИ отмечено и название реки: а межю ими рѣка Бѣлка. ЛИ ок. 1425, л. 116 об., образованное от *бѣлыи* и к названию животного отношения не имеющее). Оба слова представлены почти исключительно в грамотах, редко — в летописях. Естественно, что эти слова употреблялись для называния животного (ср. *бѣлка* в сочинении XII в., сохранившемся в списке XVII в.: Коли иметь свиниа на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится. Сл. Дан. Зат. 24, Сл XI–XVII, вып. 1: 133). Только в летописях в СДРЯ XI–XIV зафиксировано собирательное *бѣль* (ЭССЯ, вып. 2: 84–85) ‘беличий мех’.

Более древнее («древнеевропейское»: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 522]) название белки — *въверица* (19), *виверица* в значении ‘пушной зверек’ в СДРЯ XI–XIV зафиксировано в ЛИ ок. 1425, а в значении ‘денежная единица, деньги’ — в ЛЛ 1377 и ГрБ № 105, 246, 335, 657, 722; единичны фиксации в переводных ПНЧ (1296 и к. XIV); *вѣкъша* (31) в СДРЯ XI–XIV представлено только контекстами, в которых слово имеет значение ‘денежная единица’; почти все фиксации относятся к деловой письменности, единичные — к книжной.

Интересно было бы исследовать распространение различных названий животных (равно как и других семантических групп) в памятниках различных жанров, выявить причины (в том числе, возможно, связанные с их ритуальной и культовой ролью) различий в их распространении, контексты и ситуации их использования. В пределах рассматриваемого ограниченного материала можно лишь отметить, что только или главным образом в светских памятниках представлены *бобръ* (9), его вариант *бѣбръ* (1), производное *бобровый* (4), *боранъ* (6), *горностаи* (1). Все эти слова со значением ‘животное’ имели и значения, связанные с хозяйственным использованием этого животного: *бобръ* ‘шкурка бобра’, *боранъ* ‘баранья туша’, ‘выделанная баранья кожа’, ‘единица натурального обложения’ (для *боранъ* эти значения отмечены в памятниках XV–XVII вв.; см. Сл XI–XVII, вып. 1: 71–72), *горностаи* ‘шкурка горностая’.

Иначе распространены по памятникам праславянские названия животных, не имеющие значений, связанных с хозяйственным использованием этих животных: например, *быкъ* (34) представлено лишь в одной из летописей — Повести временных лет (ЛЛ 1377, л. 42 об.) в переяславском предании, введенном Нестором (992 г.), а все остальные употребления — в церковно-книжных памятниках (ГА XIV₁, ПрЮр XIV₂ и др.); ср.

также географическое название *быковицина* (в берестяной грамоте № 477, [Зализняк 1995: 597]). В поздних памятниках это слово также получило вторичные, в том числе и хозяйственные, значения, основанные, однако, не на использовании животного, а на внешнем сходстве с ним: ‘внешний устой для поддержания стен здания’; ‘каменный скалистый мыс, подводное продолжение его, образующее порог’; ‘стропило’ (Сл XI–XVII, вып. 1: 363, 364). Семантика всех приведенных праславянских слов (названий животных — только во вторичных хозяйственных значениях) не стимулировала их употребления в церковно-книжных памятниках, хотя, разумеется, и не исключала полностью; ср. *бѣтарь* (б) ‘бочка, большой сосуд’, представленное только в книжных памятниках.

Существовал и другой семантический пласт лексики, который следует считать принадлежностью живой речи, исходя из сферы распространения в письменности (деловые памятники и летописи), хотя семантика в данном случае, казалось бы, должна предопределять книжную сферу употребления. Это слова, означающие некоторые церковные реалии. Неупотребительность таких слов в церковно-книжных памятниках, частотность в светских, противопоставленность близким по значению книжным словам говорят о том, что это, скорее всего, разговорные названия церковных реалий. Они отражают связь церкви с повседневным бытом. Представляет большой интерес максимально полное выявление этого пласта лексики — задача, вполне разрешимая для XI–XIV вв. на материале СДРЯ XI–XIV (в данном случае также важно не только наличие, но и отсутствие слова в каждом из источников). Эта лексика, видимо, неоднородна: интересно прежде всего изучить ее в соотношении с аналогичной тематической группой лексики, представленной только в церковно-книжных памятниках (ср. *боготворити* (5), *богохоульный* (10) и мн. др.), или жанрово не ограниченной (ср. *богъ* (> 11 000), *богородица* (> 1000) и мн. др.). К числу церковно-разговорных слов относятся, по-видимому, *божьница* (31), *божьнька* (4), *перекръстити* и др. (о двух последних см. ниже). В более поздних памятниках «церковно-разговорная» лексика не редкость. Церковные значения могут развиваться у слов с исконным нецерковным значением; ср. *батюшка*, отмеченном в значении ‘священник’ лишь в XVIII в. (Сл XVIII, вып. 1: 151). Ср. также приведенные ниже многочисленные образования от *дѣякъ*, *дѣяконъ*.

Божьница в ЭССЯ (вып. 2: 229) отнесено к праславянской лексике на основании чеш. стар. *božnica* ‘храм’, укр. *божниця* ‘полочка для икон, храм’, блр. *божніца* ‘полка с иконами, молельня’ [ср. также согд. (маних.) *βун-(vagn-)* ‘храм’ < пр. *bagina-*]. Оно широко представлено в грамотах, летописях и очень редко — в церковных памятниках. Словом *божь-*

ница (равно как и *божьнѣка*, о котором **см. с. *****) называлась часовня, церковь, в том числе неправославная, а также полка или киот с иконами (последнее — только в деловых памятниках XVI, XVII вв. — СлРЯ XI–XVII, вып. 1: 274). *Божьница* нередко в контекстах противопоставлялась православной церкви: Къ латынской ей божницѣ не ходити, а ходити ей къ своей церкви. Польск. д. 1, 163. 1485 г. — Сл XI–XVII, вып. 1: 274).

Особо следует отметить ряд праславянских служебных слов, свойственных только восточнославянской речи и светским памятникам [союзы *аже* (571), *али* (38), *аль* (3), *ано* (1), частицы *ать* (83), *атъ* (17), *ати* (2), *ато* (3)], имеющих более употребительные синонимы (*аще*, *или*, *да* и др.), широко распространенные во всех жанрах письменности.

Таковы некоторые праславянские слова, которым есть основания приписать статус слов языка повседневного общения Древней Руси.

Среди праславянских слов имеются многозначные слова, лишь в отдельных значениях употребляющиеся исключительно или преимущественно в светских памятниках. Так, глагол *бити* (547) и прич. *биѣнь* (119) в значении ‘наносить удары, поражать (с помощью метательного оружия)’ отмечен только в летописях (напр., вежа же средѣ города высока, ѡкоже бити с неѡ ѡкр(с)тъ града. ЛН ок. 1425, 282), в значении ‘убивать, уничтожать’ — главным образом в светских памятниках, причем ситуации применения глаголов дифференцированы по жанрам: убийство в битвах описывают летописи (Той же зимѣ придоша литва. повоюѡваша около тѣржкоу бе-щисла... и гость биша многѣ. и торопыцьскоую волюсть всю поимаша. ЛН XIII₂, л. 101 об. (1225); і гониша іхъ быюче и до города... ѡкоже не мочи ни коневи стоупити троупиємъ. ЛН ок. 1330, 146; ср. также об уничтожении урожая: і на осень би морозѣ обилѣе. ЛН ок. 1330, 132), убийство на охоте — грамоты [а свѣи ти бити за .ѣ. в<е>рстѣ ѡ г<о>рода. Гр. 1264 (2, новг.)]. В остальных значениях слово употребляется в памятниках разных жанров.

Праславянский глагол *бѣрати* в значении ‘взирать’ употреблен почти исключительно в летописях и грамотах (посажа посадники по город(м) и дани нача брати. ЛЛ 1377, л. 85 об.), в остальных значениях — в светских и церковных памятниках.

Аналогична сфера употребления праславянского предлога *без* в сочетании с числительным [‘за вычетом’: аще оударитъ по лицу или за волосы имѣть. или батогомъ шибѣть. платити безъ четверти грѣна серебра. Гр 1229 сп. 1270–1277 (смол.)].

Каждое из двух значений праславянских *гостити* (23) и *гость* (124) закреплено, судя по СДРЯ XI–XIV, за разными функциональными сферами: в значениях, относящихся к торговой деятельности, оба слова пред-

ставлены почти исключительно в грамотах, а в значениях, относящихся к приему гостей, — почти исключительно в церковно-книжных произведениях: *гостити* ‘ездить с целью торговли в чужие города или страны’: немечькому гостю в полочскую волно еха(т) и торгова(т) купити и прода(т). тако (ж) полочано(м)... волно гостити в ригу и на го(ть)скы берегъ. Гр 1264 сп. н. XV (полоцк.); *гость* ‘тот, кто торгует в чужом городе или чужой стране’: роусьскыи гъсть свои тьварь дасть въ д<ъ>лгъ. Гр. сер. XIII (смол); *гостити* ‘оказывать гостеприимство, угощать’: и приходящую страннюю бранию гостити и кормити. КР 1284, л. 43а: *гость* — ‘гость’: Желаяштьюумоу вѣчьныа жизни... иако гость бо пришьдъ въ миръ сь. сътърпитъ бештъѣ гды//своѣа. по<н>еже оутро <н>адѣтъ са ѿбити. Изб 1076, л. 34 об.—35. Праславянское *grivъna* (593) только в значении ‘весовая или денежная единица’ представлено многочисленными употреблениями в деловых памятниках, в остальных значениях (‘шейный ободок, служащий украшением или знаком отличия’ и ‘шейная колodka’) — только или преимущественно в книжных. Существительное *дань* (197) в значении ‘дань, подать, налог’ представлено главным образом в грамотах, а в значении ‘дар, подарок’ — как в книжных, так и в светских памятниках.

Описанные различия в употреблении разных значений этих праславянских слов вызваны, понятно, особенностями содержания памятников разных жанров: чаще реализуются те значения многозначного слова, которые соответствуют ситуациям, типичным для содержания грамот и летописей. В рассмотренных случаях семантико-стилистическая дифференциация остается, по-видимому, на уровне полисемии, не приводя к системным изменениям: возможно (и это отражено в единичных реализациях) употребление слов в указанных «деловых» или «светских» значениях в церковно-книжных памятниках (напр., и ѿтуду идоша въ тыль ц(с)ра жидовьска ...и начаша бити вои юго. ПрЛ 1282, 576; и сьродници ти... ни что же ѿ того приѿбращють. но людьскы поборьца. иже беретъ н(а) людехъ ц(с)рьскыа дани. КР 1284, л. 126в).

Восточнославянские рефлексy праславянских слов

Как известно, употребление многих восточнославянских рефлексов праславянских слов (и шире — слов с восточнославянскими фонетическими признаками) вполне соответствует их происхождению: они употребляются главным образом в светских памятниках. Все более-менее частотные (более 10 употреблений по материалам СДРЯ XI–XIV) полногласия представлены главным образом в грамотах, «Русской правде» и светских частях летописи, например, *берегъ* (135), *болонижъ* (16), *болото*

(26), *борода* (17), *боронити* (23), *голова* (143), *голодь* (26), *городъ* (847), *дерево* (10), *дереваныи* (14), *дорога* (25), *дорогыи* (18). Из слов, находящихся за пределами рассматриваемого материала, отметим глаголы *перекрестити* и *перекреститиса* — слова церковного значения, употребляющиеся, однако, в бытовых описаниях в памятниках, отражающих живую речь, и не отмеченных в церковно-книжных памятниках, где представлено только *прекрестити(са)*. Большая часть малочастотных полногласий также выступает в светских памятниках: *безперестани* (2 — ЛЛ 1377), *бережистъ* (1 — ЛИ ок. 1425), *березовъ* (1 — ЛН XIII₂), *бересто* (2 — ГрБ № 27, 40), *болого* (2 — РПр сп. 1285–1291 гг.; РПрМус сп. XIV₂), *боровъ* (2 грамоты), *бородать* (1 — ЛИ ок. 1425), *бородьныи* (2 — ЛИ ок. 1425), *деревьє* (1 — ЛЛ 1377), *борона* (2 — РПр сп. 1285–1291 гг.; РПрМус сп. XIV₂), *боронъ* (5 — грамоты). Вместе с тем, небольшое количество малочастотных полногласных слов представлено не только в светских, но и в церковных памятниках, а иногда — только в церковных: *горохъ* (2 — РПр сп. 1285–1291 гг.; РПрМус сп. XIV₂, 1 — КН 1285–1291, 1 — ПКП 1406, 1 — ГрБ № 220), *белень* (5 — КЕ XII, МПр XIV₂), *берема* (4 — Изб 1076, МПр XIV₂), *бороти* (3 — ЛЛ 1377, Парем. 1271, ГБ к. XIV), *боротьє* (1 — ГБ к. XIV), *борошьно* (1 — Изб 1076), *долонь* (1 — КН 1285–1291), *дорожити* (1 — ГБ к. XIV). Интересен редкий случай участия полногласного коррелята в образовании сложного слова: *доброноровиє* (1): Радоватиса съ исправльшими доброноровиє. и не завидѣти (ἀρετήν). Изб 1076, л. 103 об. при *добронравиє* (6).

Фиксация приведенных узуальных полногласных слов неадекватно (в силу малочисленности сохранившихся контекстов) отражает сферу их употребления в языке, но свидетельствует о том, что церковно-книжные памятники могут быть источниками и для изучения восточнославянской разговорной лексики. Одной из важнейших задач, материалы для решения которой содержит и СДРЯ XI–XIV, является определение сферы и причин употребления восточнославянской лексики в церковно-книжных памятниках различных жанров.

Как известно, различные восточнославянские фонетические показатели по-разному свидетельствуют о функционально-стилистическом статусе слова: если полногласие — это обычно свидетельство «разговорности» слова, то, например, *ж* (< *dj), *ч* (< *tj), начальные *оу*, *о* хронологически и/или стилистически отличны от полногласий⁴.

⁴ О хронологических и стилистических различиях между восточнославянскими фонетическими показателями см.: [Улуханов 1968].

Восточнославянские новообразования

Третья составная часть разговорной древнерусской лексики — восточнославянские новообразования. К их числу с разной степенью вероятности относим разговорные слова, не представленные в праславянских словарях (ЭССЯ, Slow. prast.). Почти все эти слова для рассматриваемого периода являются мотивированными; мотивирующие — чаще всего праславянские слова, реже — восточнославянские рефлексy праславянских слов (*безголовию, боронению*) или заимствования: *бесоурьменька, бесоурьменьский, бърковъскъ* ‘мера веса, равная 10 пудам’ (< **бърковъскъ пждъ* ‘мера веса города Бърке на озере Меларен’, Фасмер 1964–1973, т. I: 156–157), *бискоуповъ, болярыни, грамотица, грамотка, диаконишка*.

Восточнославянские новообразования означают главным образом конкретные реалии, относящиеся к бытовой, деловой, военной сфере. Это юридические термины: *беззадъница* (2 — РПрМус сп. XIV₂) ‘выморочное имущество’, *беззадъщина* (3 — берестяная грамота № 3, УЯрЦерк сп. н. XV, УЯрЦерк сп. сер. XV) то же; *безпенъный* (1 — грамота) ‘свободный от уплаты пени’, *безсоудъный* (3 — грамоты) (*безсоудъная грамота* ‘данная без суда’), *бърковъскъ* (см. выше, 11 — грамоты, ЛН XIII₂, ЛИ ок. 1425), *деньга* (4 — ГрБ № 495, 536), *гривнька* (1 — грамота) ‘единица веса’, *доводъ* (1 — грамота) ‘разыскание, расследование’, *доканъчивати* (3 — грамоты) ‘заключать договор’, *докладъница* (1 — грамота) ‘письменное объяснение’, *докончалъная* жен. в роли с. (1 — грамота) ‘мирный договор, утвержденный окончательно’, *доконъчание* (20 — грамоты) ‘1. Утверждение, заключение (о договоре); 2. Договор, соглашение’, *доконъчивати* (1 — грамота) ‘заключать договор’; *довѣдка* ‘дознание’ (1 — ГрБ № 724), *досочитиса* ‘найти, доискаться’ (2 — РПр сп. 1285–1291; РПрМус сп. XIV₂), *досталь* (1 — грамота) ‘остаток’, *достатиса* (12 — грамоты, ЛИ ок. 1425; ФСт XIV/XV) ‘достаться’, *досъмотрити* (5 — грамоты) ‘рассмотреть, рассудить, разобрать’, *доходъ* (13 — грамоты) и др.; названия лиц по должности, действиям, общественному положению, вере: *брънникъ* (1 — ЛН ок. 1330) ‘воин, латник, кольчужник’, *болярыни* (2 — ЛИ ок. 1425), *боларьць* (1 — ЛЛ 1377) ‘уменьш. к *боларинъ*’, *глинаръ* (2 — грамоты) ‘тот, кто месит глину, штукатур’, *диаконишко* [1 — одна из первых фиксаций (само)уничижительных образований, распространившихся в приказном языке Московской Руси: Сиа книги глѣмыа тетравангело. написаны быша в градѣ переаслави... а писалъ. послѣднии в грѣшницѣхъ. диаконишко зіновишко. Ев. 1406–1410, 166 (приписка)]⁵ *головъникъ* (9 —

⁵ Позднее зафиксированы и другие «церковно-разговорные» производные от *дыакъ, дыаконъ*, представленные, судя по Сл XI–XVII, только в светских памятниках: *дыако-*

РПр сп. 1285–1291 гг., РПрМус сп. XIV₂) ‘убийца’, *гридьба* (3 — ЛН XIII₂, ЛЛ 1377) ‘собр. к *гридь*’, *гръчьникъ* (3 — ЛИ ок. 1425) ‘купец, ведущий торговлю с Византией по Греческому пути (между Киевом и Византией)’, *даньщикъ* (16 — грамоты) ‘сборщик дани’, *дворьскыи* (22 — грамоты, РПрМус сп. XIV₂, ГБ к. XIV, ЛИ ок. 1425) и *дворьчьскыи* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘в роли сущ.; должностное лицо при дворе князя, боярина и др.’, *дворанинъ* (51 — грамоты, ЛН XIII₂, ЛЛ 1377, ЛИ ок. 1425) ‘княжеский слуга (вольный или холоп), выполняющий различные хозяйственные и административные обязанности’, *доумьъ* (5 — ЛН XIII₂, ЛЛ 1377, ЛИ ок. 1425) ‘советник князя’; военные действия: *боронение* (1 — ЛИ ок. 1425), *додържати* (3 — РПр сп. 1285–1291; РПрМус сп. XIV₂, ЛЛ 1377) ‘удержать (удерживать) силой (до какого-л. времени)’, *достеречиса* (1 — ЛЛ 1377) ‘подстеречь’; термины родства: *братанъ* (14 — грамоты, ЛН XIII₂, ГА XIV₁, МПр XIV₂) ‘сын брата’, *братаньна* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘дочь брата’, *братеникъ* (2 — ЛН XIII₂, ЛЛ 1377) ‘брат’, *братенькъ* (1 — ЛЛ 1377) то же, *братиичъ* (2 — ЛЛ 1377) ‘сын брата’, *батько* (1 — ГрБ № 290); хозяйственные предметы: *боумажьникъ* (1 — ГрБ № 138) ‘ватный тюфяк’, *голоубьникъ* (2 — ЛЛ 1377) ‘голубятня’, *гъришкъ* (1 — ГрБ № 220) ‘горшок, род сосуда’, *деревьна* (10 — грамоты, ЛЛ 1377), *гридьница* (6 — ЛН XIII₂, ЛЛ 1377, ЛИ ок. 1425) ‘помещение для гриди’, *достоканъ* (1 — грамота) ‘стакан’, *доубьць* [1 — Надп. XIV₁ (2)] ‘прут, розга’ и др.; ср. также *божьнька* (4 — ЛЛ 1377; ЛИ ок. 1425) ‘то же, что *божьница*’ (см. с. 152).

Приведенные тематические группы, насколько пока можно судить по ограниченному материалу, составляют большую часть восточнославянских новообразований. За пределами этих групп имеется некоторое количество новообразований, отраженных только в светских памятниках и также возникших скорее всего в восточнославянской разговорной речи. К их числу относятся, например, *борькъ* ‘уменьш. к *борь*’ (6 — грамоты, УСвят 1136/1137, ЛИ ок. 1425, в том числе — в роли или составе географического названия), *безголовие* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘опасность для жизни, беда, несчастье’, *безлѣница* (2 — ЛЛ 1377; только в сочинениях Владимира Мономаха) ‘то, что не подобает, не следует делать: нелепость’, *безмѣстье* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘лишение должности, места’, *безнарядьъ* (1 — ЛЛ 1377) ‘отсутствие порядка, присмотра’, *богородичьскыи* (4 — грамоты, главным образом в роли географического названия), *бесоурменьскыи* (4 — грамоты, ЛЛ 1377, Пал 1406), *бискоуповъ* (2 — грамоты), *борсоуковыи* (2 — ЛИ ок. 1425), *бѣльчатыи* (2 — ЛИ ок. 1425), *деваностьо*

новъ, дяческий, дячество, дячий, дячитити, дячишко, дячище, дячко, дячковъ, дячковский, дячокъ.

(7 — грамоты, ЛИ ок. 1425)⁶, *домолитиса* (2 — ЛЛ 1377, ЛИ ок. 1425) ‘достигнуть просьбами, вымолить’, *дослужитиса* (1 — грамота) ‘дослужиться до чего-л.’, *досълати* (1 — ЛИ ок. 1425), *до досытька* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘досыта’, *досѣдѣти* (1 — ЛЛ 1377) ‘добиться чего-л. ожиданием, высидеть’, *дотисноутиса* (1 — ЛЛ 1377) ‘прикоснуться, дотрогнуться’, *дотагноути* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘дотерпеть, дождаться’ и др.

Некоторые (очень немногие и малочастотные) восточнославянские новообразования отмечены только в церковно-книжных памятниках. В этих случаях сфера фиксации не совпадает с основной сферой употребления: эти слова, несомненно, были свойственны живой разговорной речи, но не отмечены в светских памятниках XI–XIV вв. В более поздних светских памятниках многие из них зафиксированы. К числу этих слов в пределах исследованной части словаря относятся *берегыни* (3) ‘береговая фея, русалка’ (СбСоф. XIV–XV вв., СбПаис. н. XV), *березозоль* (1) ‘апрель’ (Пр 1383), *бъчелица* (1 — Пр 1383) и др.

Материалы СДРЯ XI–XIV, по-видимому, существенно дополняют известный в настоящее время состав разговорных слов, зафиксированных в книжных памятниках.

Устные заимствования

Заимствованные слова, вошедшие устным путем в восточнославянскую разговорную речь (главным образом из тюркских, реже — западно- и северноевропейских языков), означают хозяйственно-бытовые, военные и административные реалии: *бадьа* (1 — грамота) ‘вид сосуда, чаша’ (ЭСРЯ, т. I, 2: 9), *аламь* (4 — грамоты) ‘вид нагрудного украшения’ (тюрк., Фасмер 1964–1973, I: 68), *боугаи* (1 — грамоты) ‘верхнее платье на меху’ (тюрк., Фасмер 1964–1973, I: 228; ЭСРЯ, I, 2: 209), *бармы* (4 — грамоты) ‘часть украшений нарядной княжеской одежды, оплечье с драгоценностями’ (др.-исл., ЕСУМ 1982: 144, 145), а также лиц по национальности, вере или должности, занятию: *бохмити* (2 — ЛЛ 1377, ЛИ ок. 1425) ‘последователи Магомета’ (тюрк., Мелиоранский 1905: 113; Львов 1968: 385, 386), *бесоурменинь* (*бесерменинь*) (12 — ЛЛ 1377, Пал 1406, ЛИ ок. 1425) ‘мусульманин; нехристианин, иноверец’ (тюрк., Фасмер 1964–1973, I: 132, 133, 160), *баскакъ* (3 — ЛН ок. 1330, ЛЛ 1377, ЛИ ок. 1425) ‘областной правитель в покоренных землях, поставленный ханом для сбора дани и наблюдения за исполнением ханских распоряжений’ (тюрк., Фасмер 1964–

⁶ В.Б. Крысько обнаружил древнейшее употребление (в форме *деваносѣтъ*) этого восточнославянского числительного (праславянского диалектизма по ЭССЯ [вып. 4: 220–221], исправленного на книжное *девати*, *десати* в Толстовском сборнике второй половины XIII в. (РНБ, Ф. п. I. 39) (см. [Крысько 2001]).

1973, I: 131), *богатырь* (3 — ЛИ ок. 1425), *богатоурь* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘воевода; храбрый воин, витязь’ (тюрк., Фасмер 1964–1973, I: 183), *бискупъ* (5 — только западно-русские грамоты) ‘епископ’ (ср. стпольск., стчеш. biskup), *арцибискоупъ* (3 — ЛИ ок. 1425; ср. стпольск. стчеш. arcybiskup; см. СУ, I: 96), *бровсть* (1 — грамота) ‘настоятель католического соборного капитула’ (ср.-в.-нем., Фасмер 1964–1973, I: 215), *герцикъ* (5 — ЛИ ок. 1425) ‘герцог’ (из нем.; ср. Фасмер 1964–1973, I: 403), *гофмистръ* (1 — грамота, из нем.; ср. Фасмер 1964–1973, I: 149) ‘придворный воин’, *грьдь* (6 — РПр 1285–1291; РПрМус сп. XIV₂; ЛН XIII₂, ЛЛ 1377) ‘член младшей княжеской дружины’ (из др.-сканд., Фасмер 1964–1973, I: 459), *докторъ* (1 — грамота) ‘доктор, ученое звание’ (через нем. или польск. из лат.; ср. Фасмер 1964–1973, I: 523); ср. также другие заимствования: *броунатънии* (1 — грамота) ‘ярко-красный’ (стчеш. brunatny, стпольск. brunatny, ср.-в.-нем. branat; см. СУ, I, 320); *боурии* (2 — грамоты; тюрк. < перс, Фасмер 1964–1973, I: 249); *безпечънии* (1 — грамота) ‘надежный, безопасный, уверенный’ (польск. bezpieczny, чеш. bezpečný); *але* (4 — грамоты, польск. ale, чеш. ale и др.); *билинчъ* (1 — ЛИ ок. 1425) ‘улика, примета, признак, по которому можно узнать что-л.’ (тюрк., Фасмер 1964–1973, I: 165). Светским заимствованием из греч. является *грамота*.

В словарный состав восточнославянской разговорной речи входило, видимо, и слово *боляринъ*, восходящее к стсл. *боларинъ* (< тюрк., Фасмер 1964–1973, I: 203; ЭСБМ, I: 340). В разговорной речи произошло, очевидно, народноэтимологическое преобразование *боларинъ* → *боляринъ* под влиянием слова *бои* (мнение Ягича, см. Фасмер 1964–1973, I: 203). Русская огласовка *боляринъ* (459) широко представлена в грамотах, Русской Правде, летописях, хотя проникла и во многие церковно-книжные произведения. Старославянизм *боларинъ* (157) в деловых памятниках отсутствует. Он отмечен в одной летописи (ЛЛ 1377) и в многочисленных церковно-книжных памятниках.

Исследование заимствованной лексики восточнославянской разговорной речи XI–XIV вв. в полном объеме существенно обогатит наши сведения об источниках и путях заимствования, семантике заимствованных слов. Этимологические словари современного языка нередко дают более поздние данные о заимствовании слов, отраженных в СДРЯ XI–XIV и в Сл XI–XVII в более ранних памятниках (ср., например, данные Фасмера о словах *герцог*, *гофмистр*, *доктор*). Большой интерес представило бы сопоставление этих данных с соответствующими данными о заимствованной церковно-книжной лексике.

Таковы основные генетические разновидности восточнославянской лексики XI–XIV вв., относительно которой можно с большой долей вероят-

ности утверждать, что она принадлежала языку повседневного общения и не входила в состав церковнославянского языка. Ее проникновение в церковно-книжные памятники следует рассматривать как факт влияния окружающей речевой среды, как стихийное или сознательное заимствование.

Нейтральные слова. Эта лексика, отмеченная, как правило, в памятниках самых различных жанров (причем количество употреблений в церковных памятниках обычно значительно больше, чем в светских), генетически во многих отношениях существенно отличается от лексики, типичной для светских жанров. Исконную часть этой общеупотребительной лексики составляют главным образом праславянские слова, а заимствованную — старославянизмы. Кроме того, имеется небольшое число книжных образований, не отмеченных в старославянских памятниках.

Праславянские слова

Праславянские общеупотребительные слова — это многочисленные названия наиболее распространенных предметов, действий, признаков. К этой группе лексики, весьма разнообразной по семантике, относится большая часть наиболее частотных слов. Приведем многие из этих общеупотребительных праславянских слов (все они отмечены в ЭССЯ) в соответствии с убывающей частотностью их употребления (буквы А, Б, Г, Д; СДРЯ XI–XIV; приводятся слова с частотностью не менее 10): *быти* (> 50 000), *а* (союз) (~ 13 000), *бо* (союз) (~ 13 000), *да* (част.) (~ 13 000), *богъ* (> 11000), *днь* (~ 10 000), *господь* (~ 7000), *божи* (~ 5000), *братъ* (> 3000), *дати* (> 3000), *без* (~ 3000), *дамъ* (~ 3000), *дѣло* (~ 2500), *грѣхъ* (2447), *братина* (> 2000), *бывати* (> 2000), *добрый* (~ 1500), *дајати* (1416), *боли* (~ 1300), *дѣла* (1139), *господъни* (< 1000), *друзьги* (> 1000), *доухъ* (> 1000), *доуша* (> 1000), *дѣва*, *дѣвѣ* (> 1000), *даръ* (981), *бѣсъ* (887), *гора* (833), *достойный* (815), *държати* (764), *гнѣвъ* (736), *дѣла* (665), *бѣда* (640), *бојатисѧ* (627), *друзина* (600), *гривъна* (593), *друзъ* (590), *богѧтъство* (574), *гробъ* (562), *господинъ* (558), *бити* (547)⁷, *дѣлати* (542), *грѣшныи* (531), *болѣзнь* (506), *бѣжати* (456), *богѧтъи* (441), *да* (союз) (421), *дньсь* (411), *ближньи* (410), *дѣлжньи* (406), *двѣрь* (391), *десѧтъ* (385), *близъ* (374), *дързнути* (373), *бесѣдовати* (360), *дѣвица* (351), *дворъ* (346), *дѣлати* (328), *болѣти* (324), *блоудъ* (316), *доити* ‘дойти’ (313), *дивъныи* (307), *дѣва* (306), *десныи* (285), *даровати* (253), *глоубина* (249), *грасти* (246), *далече* (242), *бѣгати* (232), *горе* (223), *бесѣда* (217), *диви-*

⁷ Ср. сказанное выше о тех значениях праславянских *бити*, *брати*, *гостити*, *гость*, *гривъна*, *данъ*, которые типичны только для светских памятников.

тиса (215), *дѣлатель* (208), *даже* (198), *гонити* (197), *дань* (197), *държава* (186), *дързати* (186), *годъ* (182), *горькыи* (178), *дѣлгъ* (176), *дѣвои* (169), *дѣлгыи* (163), *готовыи* (162), *дѣждъ* (158), *блоудьныи* (157), *дѣтище* (148), *горѣти* (145), *бързыи* (143), *бѣлыи* (137), *доброта* (136), *доже* (135), *блоудьница* (131), *гърдось* (130), *гось* (124), *боура* (120), *бѣдѣти* (119), *блостиса* (117), *гърдыи* (115), *дѣвство* (114), *гънати* (105), *братънь* (102), *бана* (97), *горьнии* (96), *гоубити* (96), *блоудити* (93), *абы* (91), *глоубокии* (87), *доселѣ* (84), *десница* (83), *дъневьныи* (82), *доколѣ* (81), *ако* (76), *година* (72), *грабити* (71), *болестъ* (70), *дымъ* (70), *громъ* (69), *дыхати* (68), *гърдыни* (65), *дрѣва* (65), *дружъба* (64), *десатый* (63), *деватый* (62), *глоухыи* (60), *горестъ* (60), *дѣлжъникъ* (60), *дѣска* (60), *давати* (59), *десатина* (59), *дивии* (56), *дързось* (53), *добыти* (52), *дѣлгота* (52), *братство* (50), *дальнии* (47), *двигноути* (47), *бласти* (45), *дѣвашьды* (44), *бездѣна* (42), *бързо* (42), *бѣчела* (42), *господа* (41), *гоусли* (41), *гърдитиса* (41), *градъ* 'град' (40), *дѣно* (40), *баба* (39), *гладати* (39), *доспѣти* (39), *блюдо* (37), *гоумьно* (37), *гърдѣти* (37), *дѣбръ* (37), *било* (36), *большии* (36), *гъртанъ* (36), *досада* (36), *борьць* (33), *дождѣдати* (33), *ближии* (32), *давьныи* (32), *добытъкъ* (32), *брѣна* (31), *дотолѣ* (29), *дѣньница* (29), *блостии* (28), *боуи* (28), *бѣгъ* (28), *девать* (28), *бѣланъ* (26), *гроза* (26), *бѣдрыи* (25), *дома* (25), *домашьнии* (25), *доубъ* (24), *дѣвая* (24), *гостити* (23), *гробьныи* (23), *доблестъ* (23), *гвоздъ* (22), *голоубъ* (22), *гоньзноути* (22), *дале* (22), *дробьныи* (22), *държавьныи* (22), *грозьныи* (21), *гоуба* (21) 'губка', *диво* (21), *домыслитиса* (20), *бости* (19), *давѣно* (19), *даньникъ* (19), *бедра* (18), *блистаниѣ* (18), *бѣрати* (18), *гладькыи* (18), *голень* (18), *блистатиса* (17), *дебелыи* (17), *дивѣно* (17), *доуга* (17), *гърло* (16), *дрѣмати* (16), *доубрава* (16), *бѣцатиса* (15), *годитиса* (15), *гърѣшити* (15), *доуброва* (15), *босыи* (14), *быстрыи* (14), *гнити* (14), *батогъ* (13), *гърлица* (13), *бокъ* (12), *голыи* (12), *гърньць* (12), *гъбноути* (12), *дѣтство* (12), *блистати* (11), *бързось* (11), *долъ* (11), *боубѣнь* (10), *гробла* (10), *дозърѣти* (10), *доходити* (10).

Изучение лексики с точки зрения частотности ее употребления в сочетании с ее генетическими и функциональными свойствами может способствовать выявлению наиболее актуальных понятий и реконструкции тем самым картины мира человека праславянской и древнерусской эпох.

Восточнославянские рефлексы праславянских слов

Среди слов, представленных как в светских, так и церковно-книжных памятниках, имеются восточнославянские рефлексы праславянских слов и другие слова с теми древнерусскими фонетическими чертами, которые, в отличие, например, от полногласий не являются показателями

функционально-стилистического статуса слов. Так, прил. *горачи* (7) (с восточнославянским *ч*) представлено в СДРЯ XI–XIV в памятниках самого различного характера: от грамот до переводных книжных произведений. Аналогично жанровое распространение употребительного *дѣчи* (84) (прасл. **dьkt'i*), коррелирующего с еще более распространенным старославянизмом *дѣци* (430).

Слова с *ж* (< *dj) в древнерусский период являются, как известно, нормой для всех жанров и практически не коррелируют в этот период со старославянизмами с *жд*; ср. *госпожа* (140), представленное как в *Русской Правде* и грамотах, так и в церковно-книжных оригинальных и переводных произведениях. Коррелирующие старославянизмы с *жд*, если они вообще зафиксированы, представлены единичными употреблениями; ср. *госпожда* (1 — КЕ XII).

Старославянизмы

Старославянизмы, представленные как в светских, так и в церковно-книжных памятниках, заслуживают, конечно, специального изучения, поскольку очень важно установить, какие славянизмы и почему проникают в светские памятники (а далее и в разговорную речь). Количественные данные о старославянизмах на буквы А, Б, Г, Д см. в табл. 2. Всего в СДРЯ XI–XIV на указанные буквы имеется 555 старославянизмов (т. е. примерно 1/8 всех зафиксированных слов). Количество старославянизмов, конечно, гипотетично, поскольку о старославянском происхождении многих слов, представленных в источниках СДРЯ XI–XIV, можно судить

Т а б л и ц а 2

Частотность старославянизмов	Общее количество старославянизмов (А, Б, Г, Д)	Количество старославянизмов, зафиксированных в светских и церковных памятниках	Количество старославянизмов, зафиксированных только в церковных памятниках	Процент старославянизмов, зафиксированных в светских и церковных памятниках
400 и более (400–10000)	29	28	1	96,5
100–399	47	39	8	83
110–99	192	67	125	34,9
111–9	287	24	263	8,3
В с е г о	555	158	397	28,5

лишь предположительно. Все слова, условно трактуемые ниже как старославянизмы, отсутствуют в праславянском языке (по данным ЭССЯ) и в русских народных говорах (по данным СРНГ), но имеются в SJS. При этом мы учитываем, что, как известно, славянизм может проникнуть и в говоры и что слово может иметь книжное старославянское происхождение и при наличии параллелей в других славянских языках, позволяющих реконструировать праславянскую праформу. Во многих случаях целесообразнее заимствование из старославянского языка считать допустимым или вероятным, но не обязательным; ср. формулировку, типичную для таких случаев, в ЭССЯ: «Книжное происхождение отдельных примеров [речь идет о словах, восходящих к прасл. **božьskъ(jь)*. — И. У., Т. С.] (ср. рус. *божеский*...) вполне допустимо, однако есть и надежные примеры употребления на уровне диал. речи» (ЭССЯ, вып. 2: 229). Многие из слов, трактуемых нами как старославянизмы, рассматриваются как таковые и в этимологических словарях современного русского языка; речь идет о таких словах, как *ад*, *ангел*, *апостол*, *аромат*, *бдение*, *безбожный*, *безвинный*, *безгрешный*, *бездождие*, *беззаконный*, *бесценный*, *бесчисленный*, *благочестивый*, *богородица* и мн. др. Чаше всего это греческие заимствования или кальки. Таких слов много в ЭСРЯ, поскольку этот словарь включает и многие мотивированные слова.

Данные табл. 2 говорят о том, что в светские памятники проникает менее 30 % (158 из 555) старославянизмов. Приведем эти 158 «нейтральных» (точнее, более адаптированных, чем старославянизмы, не зафиксированные в светских памятниках) славянизмов в порядке убывающей частотности употребления: *аще* (~ 10 000), *глаголати* (< 7000), *азъ* (> 2000), *божъствънныи* (~ 2000), *глава* (~ 2000), *апостоль* (> 1500), *ангель* (1352), *блаженныи* (1310), *глась* (1046), *благыи* (> 1000), *богородица* (> 1000), *градъ* (~ 1000), *благодать* (905), *добродѣтель* (888), *абиѣ* (857), *добрѣ* (нар.) (838), *бракъ* (741), *доньдеже* (658), *диаконъ* (656), *диаволь* (619), *древо* (619), *благословити* (549), *добро* (сущ.) (501), *брань* (478), *глаголь* (447), *дѣщи* (430), *брашьно* (427), *беззаконіе* (403), *архиѣпископъ* (393), *достойно* (371), *доушевънныи* (370), *достояти* (368) ‘надлежать, соответствовать’, *благо* (сущ.) (336), *аминь* (327), *добро* (нар.) (290), *беззаконьнныи* (268), *гладъ* (261), *дързновениѣ* (249), *грѣшникъ* (242), *благочѣстивыи* (209), *адъ* (207), *благовѣрънныи* (204), *грѣховънныи* (203), *благословениѣ* (200) (ср. *благословение*), *градъскыи* (185), *бѣсовъскыи* (179), *довѣлѣти* ‘быть достаточным’ (179), *благословеныи* (175), *боларинъ* (157), *бѣдѣниѣ* (157), *годѣ* (150), *благословениѣ* (148) (ср. *благословение*), *гнѣватисѧ* (144), *архиѣрѣи* (143), *бесчисльнныи* (140), *авгоустъ* (138), *достояниѣ* (137), *дѣство* (130), *априль* (128), *добродѣтельнныи* (126),

безбожьныи (121), алкати (109), архангель (108), боголюбивыи (104), генварь (102), декабрь (101), безпрестани (100), гражанинъ (99) — с русским ж, *благовѣриѣ* (97), *брачьныи* (92), *больма* (86), *дѣствовати* (86), *благородьныи* (83), *долоу* (83), *брегъ* (78), *говѣниѣ* (76), *донынѣ* (76), *безчѣствовати* (75), *богословъ* (75), *больши* (70), *дѣтищѣ* (70), *аѣръ* (69), *благовѣщаниѣ* (69), *долѣ* (68), *донелѣже* (68), *богословиѣ* (64), *архистратигъ* (61), *бранити* (60), *домови* (59), *глаголаниѣ* (58), *блаженство* (57), *бисъръ* (56), *дѣмонъ* (54), *акыи* (52), *беззаконьникъ* (47), *диакъ* (47), *богоявлениѣ* (46), *добродѣяниѣ* (46), *градьныи* (45), *гемонъ* (43), *братолюбие* (42), *благословеныи* (40), *боголѣпныи* (40), *доуховно* (40), *благоволити* (39), *безгрѣшныи* (37), *главьныи* (37), *богочѣстивыи* (34), *благо* (нар.) (34), *граблениѣ* (33), *блазнитисѧ* (32), *бѣсьноватисѧ* (32), *боголюбыѣ* (31), *богохранимыи* (31), *благословлати* (29) [ср. более частотное *благословити* (549)], *антихристъ* (25), *дѣньшныи* (25), *безвиньныи* (23), *грабитель* (23), *безмѣздникъ* (20), *диаконство* (18), *дроугоици* (18), *бездѣждиѣ* (17), *гласити* (17), *благоуханьныи* (16) [ср. более частотное *благооуханиѣ* (66) и менее частотное *благооухати* (2)], *богомоудрыи* (16), *безцѣпныи* (15), *богооугодно* (15), *двигноутисѧ* (15), *благыни* (14), *аромать* (11), *боларьскыи* (11), *анафема* (10), *безводиѣ* (10), *агна* (9), *багрыйный* (9), *антипасха* (8), *благопотребьныи* (8), *бѣсованиѣ* (8), *дѣлголѣтныи* (8), *братооубиство* (7), *бѣшеныи* (7), *архангеловъ* (6), *архиѣрѣискыи* (6), *благовѣрно* (6), *дѣтисѧ* (6), *беззаконыи* (5) (ср. *беззаконьныи*), *газофилакиѧ* (5), *двизатисѧ* (5), *богоприимыѣ* (4), *бѣшениѣ* (4), *донелѣ* (4), *дроугояко* (4), *безмилостивъ* (3), *благодѣтствовати* (3), *геноуарь* (3), *дворыѣ* (2), *дѣнѣшныи* (2).

Ниже (см. с. 168) славянизмы данной группы будут сопоставлены со славянизмами, зафиксированными только в церковных памятниках, и сделаны общие выводы о связи употребительности славянизма и сферы его жанрового распространения.

В нашем материале (А, Б, Г, Д) не встретились старославянизмы, зафиксированные только в светских памятниках, хотя единичные случаи такой фиксации за пределами этого материала имеются. К ним относится, например, старославянизм *вѣрабиш*, употребленный в рассказе о четвертой мести Ольги из *Повести временных лет* по Лаврентьевскому списку, видимо, с целью разнообразить текст чередованием полногласных и неполногласных слов: и повелѣ Ѡльга... пустити голуби и *воробѣи* во емѣ своимѣ. голуби же и *воробѣе* полетѣша въ гнѣзда своя. Ѡви въ голубники. *вѣрабѣе* жи подѣ стрѣхи [ЛЛ 1377, л. 17]. В старославянских памятниках отмечено одно употребление этого слова: *прѣвѣтаі по горама ѣко пѣца. вѣрабѣи* (Ѡс στρουθιον). Пс 10, 1 — Син. — SJS, 1: 218.

Новообразования церковнославянского языка

Среди слов, отмеченных как в церковно-книжных, так и в светских памятниках, имеется небольшое число образований, не являющихся (по ЭССЯ) праславянскими и не представленными в памятниках старославянского языка. Судя по структуре и семантике, это книжные новообразования, возникшие либо в церковнославянских русских памятниках, либо заимствованные из других редакций церковнославянского языка (болгарской, сербской). К числу этих слов относятся сложные или суффиксально-сложные слова: *богобоязньивыи* (38), *доушепользьныи* (32), *благоразоумьныи* (21), *богостоудьныи* (14), *братолюбыць* (14), *богоприятьныи* (12), *достохвальныи* (9), *доушегоубьство* (5), *благодравьнь* (4), *влаголюбивыи* (3) и др. Большая часть употреблений этих слов (за исключением *благодравьнь*) приходится на церковно-книжные памятники, меньшая — на летописи, где прилагательные «положительного» значения обычно характеризуют князей [напр., бл҃горазу(м)ныи кнѧ(з) Юрги. призва ихъ на сне(м) в Суждаль. и исправивше все нелюбые межю собою. ЛЛ 1377, л. 156], а *богостоудьныи* — Кончака и агарян: Сии же б҃гостоудныи Кончакъ (ЛЛ ок. 1425, л. 215 об.); и бьющимса крѣпко, с богостоудными тыми Агараны (ЛЛ ок. 1425, л. 231 об.).

Книжные слова. Поскольку объем сохранившейся церковно-книжной письменности XI–XIV вв. неизмеримо больше объема сохранившейся светской письменности, естественно, что книжных слов, представленных только в церковных памятниках, гораздо больше, чем разговорных слов. Анализ слов на А, Б, Г, Д показал, что старославянизмов в церковно-книжных памятниках примерно столько же, сколько разговорных слов во всем изученном материале (≈ 400). Помимо этих старославянизмов, только в церковно-книжных памятниках отмечены праславянские слова и очень много более поздних книжных образований, в том числе восходящих к старо- и церковнославянским образцам. Имеются также книжные заимствования из греческого.

Кроме указанных рядов слов, в церковно-книжных памятниках отмечено очень небольшое число слов (описанных на с. 158), имеющих черты, свидетельствующие об их принадлежности живой восточнославянской речи. Ниже рассматривается состав книжных слов.

Праславянские слова

Употребление праславянских слов только в церковно-книжных памятниках, насколько пока можно судить по исследованному материалу, в боль-

шинстве случаев вряд ли можно объяснить какими-либо их свойствами (семантическими или стилистическими), поэтому большинство из них к книжным не относится. Скорее всего употребление подавляющего большинства из них было равно возможно и в церковных и светских памятниках, и в разговорной речи, а в сохранившейся письменности XI–XIV вв. отражена лишь часть возможной сферы употребления. Например, существительное *блудьникъ* (94) зафиксировано только в церковно-книжных памятниках, в то время как более частотный коррелят женского рода *блудьница* (131) представлен не только в церковно-книжных памятниках, но и в летописях. Многие из праславянских слов, отмеченных только в церковно-книжных памятниках XI–XIV вв., зафиксированы в светских памятниках более поздней эпохи (по данным Сл XI–XVII). Это относится к *блудьникъ*, *древьнии* (199), *боязь* (90), *досадити* (53), *бѣсити* (47), *бѣсьнии* (47), *бѣдънии* (38), *бѣльць* (37) ‘мирянин, не монах’, *гонитель* (37), *дольнии* (33), *драхлыи* (32), *богатѣти* (31), *гоубитель* (28), *друюжънии* (28), *дѣвичии* (27), *готовити* (25), *достигати* (23), *говѣниныи* (20), *доуноути* (19), *братъскыи* (18), *богатити* (15), *близньць* (13), *бѣгоунъ* (13), *безвѣстьныи* (13), *дѣлити* (13), *бръвьню* (12), *домачадыць* (12), *домовъныи* (11), *дѣждити* (11), *горьница* (10), *дѣньныи* (10), *боль*, -а (8) ‘больной’, *безплодъныи* (8), *блѣвати* (7), *безименьныи* (4), *безчастъныи* (4), *безродъныи* (3), *дразнити* (3), *бездѣньныи* (1), *безпоутьныи* (1), *блискати* (1) и др.

Однако нельзя, видимо, полностью исключить и семантической обусловленности употребления некоторых праславянских слов только в церковных памятниках. В этом отношении показательны случаи употребления полисемантических праславянских слов в некоторых значениях только в этих памятниках. Так, глагол *болѣти* (324) в «физическом» значении этого слова представлен как в церковных, так и в светских памятниках, а в «морально-духовных» значениях [‘мучиться, страдать духовно, морально’; ‘быть приверженным к чему-л. (обычно отрицательному), обладать каким-л. пороком’] — только в церковных [например, *земла же ѿсѣства нашего, акы сѣма, слово Бжїе приимши, и страхомъ ѿго присно болаши, дхъ сп(с)ниа ражаеъ. КТур XII сп. XIV₂, 21*]. Прилагательное *блїжънии* (410) [в значениях ‘всякий человек по отношению к другим людям’ (в роли сущ.), ‘родной, близкий’, ‘близкий в духовном отношении’] отмечено только в церковных памятниках; в других значениях оно представлено и в светских памятниках, и мн. др.

Восточнославянские рефлексy праславянских слов

Как уже отмечалось, слова с некоторыми русскими фонетическими особенностями могут быть нормой не только для разговорной речи, но и для церковно-книжных памятников; ср. представленные только в этих памятниках *досажати* (55) при *досаждати* (2 — Изб 1076, КЕ XII), *досажениѣ* (115) при *досаждениѣ* (2 — Изб 1076) и т. п.

Старославянизмы

Естественно, что значительную часть слов, представленных только в церковно-книжных памятниках, составляют старославянизмы. Приведем ряд примеров (в границах изученного материала), расположив их по степени частотности: *доуховъный* (688), *благочестіѣ* (340), *авва* (283), *безсмъртънь* (158), *агньць* (142), *благодарити* (141), *благость* (120), *безконъчъный* (110), *ариане* (98), *благодарениѣ* (96), *гноушатиѣ* (95), *бездоушъный* (86), *безплътъный* (86), *благостыни* (85), *дѣланиѣ* (80), *аллилоуиѣ* (79), *безначальный* (78), *бремѣ* (77), *благодѣать* (76), *благодѣаниѣ* (76), *драгыи* (73), *безстрастіѣ* (71), *дѣтель* (69) ‘действие’, *достоинство* (67), *дълготърпѣниѣ* (64), *дарованиѣ* (61), *алчъный* (60), *былиѣ* (57), *геона* (54), *благодатьный* (51), *даѣаниѣ* (50), *богоносьный* (49), *благоговѣиный* (48), *безстоудъный* (47), *безмѣръный* (46), *боговѣстити* (45), *безсмъртиѣ* (44), *богочъстъный* (44), *даниѣ* (44), *боговолениѣ* (42), *диакониса* (42), *безмълвиѣ* (41), *безстрастъный* (41), *дѣвоуженьць* (37), *безстоудиѣ* (36), *безчъстіѣ* (35), *богочъстіѣ* (35), *безчъстъный* (34), *благодатель* (32), *благообразъный* (32), *диавольскыи* (32), *дълготърпѣливыи* (29), *дѣвѣствовати* (28), *безмълвѣствовати* (27), *богоноси-выи* (27), *безсквърный* (26), *благовѣствовати* (26), *безглавъный* (25), *благоговѣниѣ* (24), *богоприѣтънь* (24), *достойнѣ* (24), *баграница* (22), *богооугодъный* (22), *боговидѣць* (21), *богодѣхновеныи* (21), *богоносивыи* (21), *богоразоумиѣ* (21), *безпечальныи* (20), *богословити* (20), *гладъный* (20), *аспида* (19), *беззлбъный* (19), *безчеловѣчъный* (19), *благоизволити* (19), *безводъный* (18), *благородиѣ* (18), *боголѣпно* (18), *дѣврѣникъ* (18), *благовоныйи* (17), *благооугодъный* (17), *богогласъный* (17), *богоносьць* (17), *богородичинѣ* (17), *бѣхъма* (17), *дълготърпѣти* (17), *арианъскыи* (16), *благолѣпныйи* (16), *блзъныйи* (16), *древльнии* (16), *безвѣствованиѣ* (15), *безвременъныйи* (14), *безчадъныйи* (14), *блзнь* (14), *безвѣстъныйи* (13), *безмѣстъныйи* (13), *благосърдиѣ* (13), *благочъстѣнь* (13), *господѣствовати* (13), *дързовати* (13), *багрѣ* (12), *безгодъныйи* (12), *блато* (12), *богоблаженыи* (12), *господѣстиѣ* (12), *безлѣтъныйи* (11), *безчадиѣ* (11), *благодоушиѣ* (11), *благодѣѣати* (11), *благообразнѣ* (11), *благодворити* (11),

блазнити (11), *градъць* (11), *доити* (11) ‘кормить грудью’, *доужсь* (11), *анафема* (10), *антифонъ* (10), *безмълвѣньи* (10), *блазнитель* (10), *длань* (10), *доброчѣстиѣ* (10), *досадитель* (9), *акинфъ* (8), *грѣхолоубъць* (8), *доушегоубъньи* (8), *бѣство* (7) ‘бегство’, *гостиньникъ* (7), *гоубительство* (7), *брачитисѧ* (6), *гоубительньи* (6), *доброродъньи* (6), *брита* (5), *глашати* (5), *доброгласъньи* (5), *драгма* (5), *братъскы* (4), *брашъньи* (4), *геонъскыи* (4), *глагольникъ* (4), *гласъньи* (4), *доблестъньи* (4), *доброличънь* (4), *доброобразънь* (4), *добропобѣдъньи* (4), *доушегоубъць* (4), *алавастръ* (3), *анфракъ* (3), *быстрость* (3), *быль* (3), *гробокопатель* (3), *гражданинъ* (3), *добровольньи* (3), *добровоніѣ* (3), *доброродѣство* (3), *доброчѣстивыи* (3), *догматъ* (3), *авъ* (2), *бѣхъма* (2) [ср. *бѣхъма* (17)], *бѣдъникъ* (2), *гладивши* (2), *градъникъ* (2), *грамотъникъ* (2), *доброродиѣ* (2), *доброчѣстъньи* (2), *досаждати* (2), *дързостъньи* (2), *апокалипсисъ* (1), *артава* (1), *аспидъ* (1), *брадѣти* (1), *бранъникъ* (1), *бранъѣ* (1), *братосътворениѣ* (1), *брацанъѣ* (1), *гноусивыи* (1), *гостолобиѣ* (1), *градити* (1), *динарь* (1), *доброприятънь* (1), *добросътворениѣ* (1), *довольство* (1), *доместикъ* (1), *домодържица* (1).

Сопоставив эти примеры с приведенными на с. 162–165 данными о старославянизмах, зафиксированных в СДРЯ XI–XIV в церковно-книжных и светских памятниках, можно констатировать существенно различие в частотности употребления старославянизмов этих групп. Эти различия, представленные в табл. 2, заключаются в следующем:

1) почти все наиболее частотные славянизмы (в нашем материале с частностью не менее 400) употребляются не только в церковно-книжных, но и в светских памятниках. Лишь единственное частотное *духовъньи* (688) употреблено только в книжных памятниках;

2) большая часть славянизмов с достаточно высокой частотностью (100–399) также представлена как в книжных, так и в светских памятниках (83 % от общего числа этих слов);

3) среднечастотные славянизмы (10–99), наоборот, в большей степени представлены в книжных памятниках, лишь 34,9 % из них отмечены в светских памятниках;

4) малочастотные славянизмы (1–10) почти не выходят за пределы церковно-книжных памятников (лишь 8,3 % из них представлены немногочисленными употреблениями в светских памятниках).

Таким образом, с увеличением частотности славянизмов увеличивается процент их использования в светских памятниках (см. об этом также с. 162–165).

С генетической точки зрения старославянизмы, зафиксированные только в церковно-книжных памятниках, представляют собой производ-

ные слова, возникшие по продуктивным моделям (с *без-*, *благо-*, *бого-*, *добро-* и др.), старославянские корреляты праславянских слов (*блато*, *бразда*, *брема*, *брещи*, *гладьныи*), грецизмы (*акинфъ*, *алавастръ*, *анафема*, *антифонъ*, *анфраксъ*, *апокаписисъ*, *артава*, *аспидъ* и мн. др.), в том числе — восходящие к древнееврейскому языку (*аллилоуиа*, *авъ* и др.).

Новообразования церковнославянского языка

К этим старославянизмам во многих отношениях близки многочисленные слова, не зафиксированные в старославянских памятниках и зафиксированные в СДРЯ XI–XIV почти исключительно в церковно-книжных памятниках, например, *благодобязнивыи* (42), *беззлобию* (41), *адовъ* (40), *благодобязнство* (38), *благочинию* (33), *бездѣльныи* (31), *достовѣрныи* (24), *благодворению* (23), *беззълובивыи* (22), *баснословити* (21), *болѣзновати* (21), *благодарьныи* (20), *благородьство* (20), *авгоустьскыи* (19), *близочьство* (19), *беззаконьствовати* (18), *безпечалию* (18), *богovidѣнию* (18), *безтѣлесныи* (17), *благооумию* (17), *благоразоумию* (16), *безстрашию* (15), *благота* (14), *богovidѣныи* (13), *боголюбию* (13), *безматеежьныи* (12), *блоголюбию* (12), *браньныи* (12), *бытиишкыи* (12), *достогоубьныи* (9), *доушетьлѣньныи* (9), *благодоушьныи* (8), *громогласьныи* (3), *друоголюбивыи* (2), *друоужьбъникъ* (2), *дълговременьныи* (2), *горьковъкоушению* (1), *гостолубивыи* (1), *достопаматьнъ* (1), *драгоцѣнью* (1), *древлеобразьныи* (1) и др.

Эти образования, конечно, весьма условно могут быть отделены от старославянизмов: они образованы по моделям, свойственным старославянскому языку, и вполне могли в нем существовать (ср. наличие в SJS *благодворити*, *благородьныи* и отсутствие *благодворению*, *благородьство* и т. п.). В то же время, конечно, многие из них возникли в более поздних памятниках церковнославянского языка различных редакций.

Интересно, что ряд подобных малочастотных слов аналогичной структуры (сложных, сложно-суффиксальных) засвидетельствован только в оригинальных русских церковно-книжных памятниках, что может свидетельствовать не о калькировании, а о самостоятельном создании книжных окказионализмов или заимствовании их из каких-то других источников: *благоизправляющъ* (1 — ЖФП XII) ‘исправляющий, улучшающий’, *благотишъныи* (1 — ПКП 1406), *богодѣяти* (1 — ЖФП XII) ‘совершать благодѣяние (о Боге)’, *богознаменаныи* (1 — ПКП 1406) ‘отмеченный божьим знамением’, *богоплодьныи* (1 — КТур XII сп. XIV₂) ‘приносящий плоды, угодные Богу’. Часть таких образований впоследствии могла превратиться в узуальные слова; ср. *богохоульникъ* (1 — КТур XII сп. XIV₂, затем — в Сух Прос.; см. Сл XI–XVII). Более того: можно отметить еди-

ничные случаи употребления книжных новообразований только в светских памятниках. К их числу относится, например, лексикографически зафиксированный лишь в СДРЯ XI–XIV глагол *вражъствовати* ‘враждовать’, употребленный (а возможно созданный) волинским летописцем: два Сомовитовича... начаста. вражъствовати межи собою. и воеватиса. ЛИ ок. 1425, 293.

Материалы, содержащиеся в СДРЯ XI–XIV и в Сл XI–XVII, дают новые данные для определения распространения книжных слов в различных редакциях церковнославянского языка.

Отнесение конкретных слов к каждой из этих редакций нередко достаточно гипотетично. Наличие новых лексикографических материалов, с одной стороны, во многих случаях уменьшает эту гипотетичность, с другой стороны, нередко ставит новые вопросы, предохраняющие от излишне категоричных утверждений о генетическом статусе слов. Так, А. Давидов [1988: 91] считает «бесспорно староболгарскими» многие слова, имеющиеся в Шест., но отсутствующие у Срезн. (большая часть из них отсутствует и в SJS). Между тем, часть этих слов, отсутствуя у Срезн., имеется в СДРЯ XI–XIV, где представлены цитатами из различных памятников, перевод которых на Руси очень вероятен, а некоторые — и в произведениях, написанных на Руси. Это обстоятельство, не отвергая полностью возможности староболгарского происхождения этих слов, вместе с тем не исключает и их параллельного возникновения в церковнославянском языке русской редакции, тем более, что многие из них образованы по словообразовательным моделям, продуктивным в этом языке (а некоторые и в восточнославянской разговорной речи). К числу таких слов относятся: *безмѣръство* (ГБ к. XIV), *безначалие* (-ѣ) (ПрЛ 1282, ГБ к. XIV), *бесплѣтие* (ГБ к. XIV), *быстрокочивъ* (МПр XIV₂), *бѣлообразьнъ* (Пр 1383), *въскърмлати* (ГБ к. XIV, в Шест., *въскърмлати*), *въскоурение* (Пал 1406), *въспарение* (Пал 1406), *добронравъ* (-ѣи) (Пр 1383), *доводити* (Пал 1406), *дорости* (ГБ к. XIV), *достижимъ* (-ѣи) (ГБ к. XIV).

Встречается в других памятниках (по данным СДРЯ XI–XIV) и ряд слов, взятых, как отмечает А. Давидов [1988: 91], И.И. Срезневским только из Шест и/или Богословия Иоанна Экзарха, например, *безоумство* — в ГБ к. XIV, *жельна* (*жълна*) — МПр XIV₂, *завои* — в Пал 1406, *кырпъ* — ВЧас XIV₂ (запись), *ластоунъ* — в МПр XIV₂.

Среди слов, которые А. Давидов обнаружил только в Шест., имеются и слова, употребленные в оригинальных сочинениях, написанных на Руси; таков глагол *въдолити* ‘выдолбить, углубить’: Капла бо часто каплющи і камень вдоли(т). Кир Тур XII сп. XIV₂; сущ. *быванье* отмечено не только в переводных ГБ к. XIV, но и в оригинальном ПКП 1406: Та антонии

преблж(е)ны. обрѣте яко не порочныа, стадо ти порочають словесны(х) овецъ, ѣже оумножи сѣе. направи на поуть бина хотѣныа. въ нб(с)ныа бываныа. ПКП 1406, л. 7а.

Многие из книжных новообразований достаточно частотны и представлены в нескольких памятниках, что говорит об их принадлежности к узуальной лексике. Вместе с тем, в книжных памятниках достаточно много индивидуальных образований, созданных, по-видимому, переводчиками для передачи греческого слова. Приведем лишь некоторые из таких слов, отмеченных в СДРЯ XI–XIV более одного раза, но в одном памятнике, что может свидетельствовать об их принадлежности лишь к идиолекту переводчика.

Только в КЕ XII отмечено:

бѣсобояниѣ (2), напр., бѣсобояниѣмъ (1426) (δεισιδαιμονία);

в ГА XIV₁:

богогнѣвныи (3), напр., бѣгнѣвныа (52б) (θεηλάτου);

богозрачныи (3), напр., бѣзрачныи (72а) (θεορήμων);

богоизписаныи (3), напр., бѣисписаны (62а) (θεογράφους);

в ФСт XIV/XV:

благодарныи (3), напр., бѣгодарници (76б) (εὐχάριστοι);

благодостоинство (2), напр., бѣдостоинство (159в) (ἡ...εὐταξία);

благопробывание (2), напр., бѣгопробываныи (133а) (εὐτόνως; sic);

благославие (3), напр., бѣгославина (2г) (αἱ εὐδοξίαι);

благосъвершении (2), напр., благосвершено (83в) (εὐτελές);

благотърпѣти (2), напр., бѣготерпѣти (58б) (περὶ τοῦ εὐχαρίστως φέρειν);

блудодлюбыцъ (3), напр., блудодлюбци (2в) (φιλόπορνοι);

богодвижныи (2), напр., богодвижноѣ (89б) (θεοκίνητος);

богонаоучении (2), напр., бѣонаоучении (6в) (οἱ θεοδίδακτοι);

богоподобныи (3), напр., бѣподобноѣ (10б) (θεομίμητος).

Особенно показательны серии индивидуальных однокоренных образований, свойственных одному переводчику и не отмеченных, как правило, ни в одном другом памятнике, например,

в КЕ XII:

безприобыщении (3), напр., безприобыштени (22а) (ἀκοινώνητοι);

безприобыщеньнъ (1): безприобыштеньноу (32а) (ἀκοινώνητον);

безприобыщеньнѣ (1): безприобыштеньнѣ (28–29) (ἀκοινωνήτως);

безприобыщъникъ (1): безприобыштьници (27а) (ἀκοινώνητοι);

в ГБ к. XIV:

благокрасьнии (2), напр., бл̑окрасьныа (87г) (εὐκοσμον) и
благокрашеные (1): бл̑окрашенье (158а) (εὐκοσμίας);

в ФСт XIV/XV:

благоподвижноутиса (1): благоподвигнушеса (68в–г) (εὐκίνητοι);

благоподвижьникъ (1): бл̑гоподвижници (76б) (εὐκίνητοι);

благоподвижно (1): бл̑гоподвижно (9а) (εὐμαρῶς);

благоподвижныи (4): напр., бл̑гоподвижении (191б) (εὐκίνητοι) [это слово, правда, есть в ГБ к. XIV: бл̑гоподвижно(м) (εὐμετακινήτους), что говорит о сходстве способов индивидуального словотворчества у разных переводчиков];

благоподвизанье (1): бл̑гоподвизанье (139б) (τὴν... εὐκινήσιαν);

благоподвизатиса (1): бл̑гоподвизающеса (33в) (εὐκίνητοι).

Книжные заимствования в церковных текстах

Книжным путем (в процессе перевода греческих текстов на Руси) осуществлялось заимствование греческой лексики в церковнославянском языке русской редакции. Приведем ряд грецизмов, отсутствующих в SJS, употребление которых ограничено (по данным СДРЯ XI–XIV) церковно-книжными памятниками: *адамантъ, аѣстиане, акадимия, акунтъ, алко-ность, аллилоуарь, алтарь, амофоръ, анафора, афира, гаианити, гигантъ, гипъ, графина, диктаторъ, димотъ, дискосъ, диффера, догматисати, докидесъ, дидаस्कаль* (в SJS 1: 480 только *дидаस्कальство*; ср. *дидаस्कальствие* в СДРЯ XI–XIV), *донатане* и мн. др. (соответствующие греческие слова, иногда восходящие к древнееврейским, толкования и контексты употребления даны в СДРЯ XI–XIV).

Книжные заимствования из западноевропейских языков в XI–XIV вв. весьма немногочисленны; ср. *шпильманъ*, толкуемое в КР 1284 словом *глоумьць*: всакъ же съгрѣшаи. аще ѣсть шпильманъ. рекъше плумець. аще ѣсть пласецъ. илѣ гоудецъ. КР 1284, л. 115–116.

Заключение

Актуальной задачей исторической лексикологии является, с нашей точки зрения, создание полной функциональной и генетической классификации лексики языка Древней Руси. Итоговые результаты этой классификации могут быть положены в основу композиции, а возможно — и концепции исторической лексикологии русского языка. В рамках этой дисциплины выделенные пласты лексики могут быть подвергнуты

дальнейшему рассмотрению с других точек зрения — семасиологической, культурно-исторической, диалектологической и мн. др.

Новый материал словарей позволяет делать более обоснованные суждения и о региональном распределении лексики восточнославянской разговорной речи, хотя данных, позволяющих выделить явные регионализмы, в общем немного — особенно для старшего периода. Словарный материал, отраженный в СДРЯ XI–XIV, в диалектном отношении слабо дифференцирован. Однако, в некоторых случаях фиксация слова только в памятниках, относящихся к определенной территории (например, довольно много слов представлено только в новгородских памятниках, см. [Зализняк 1995]), говорит для разных слов с разной степенью достоверности — об их диалектной локализации.

Определение функционального и генетического статуса слов даст базу для их описаний и за пределами исторической лексикологии — в исторической морфологии, синтаксисе и словообразовании. Например, могут быть выделены словообразовательные модели, свойственные какой-либо одной из разновидностей языка Древней Руси. Изучение слов, однородных в функциональном или генетическом отношении, может способствовать и уточнению грамматических норм, присущих разновидностям языка Древней Руси.

Семантика древнерусской разговорной лексики*

0. Данная работа представляет собой попытку реализации части тех возможностей изучения лексики языка Древней Руси, которые появились в связи с публикацией исторических, этимологических и диалектных словарей русского языка и рассмотрены нами в предшествующем разделе. В нем изложена функционально-генетическая классификация лексики языка Древней Руси. Классификации подверглись ~4000 слов, содержащихся в СДРЯ XI–XIV и начинающихся на буквы А, Б, Г, Д. Предлагаемая вниманию читателей работа основана на изучении семантики всей лексики, содержащейся в шести томах СДРЯ XI–XIV (18 110 слов, не считая отсылочных), но полному описанию в ней подверглась та часть лексики, которая рассматривается (в соответствии с функционально-генетической классификацией) как лексика только языка повседневного общения XI–XIV вв. («разговорная лексика», см. с. 148). Не описываются требующие специального анализа устойчивые словосочетания.

* В соавторстве с Т.Н. Солдатенковой.

Критерии гипотетического отнесения лексики к разряду разговорной изложены в предшествующем разделе. Главным критерием, основанным на тезаурусном характере СДРЯ XI–XIV, является сфера фиксации слова в памятниках XI–XIV вв.; учитываются, естественно, фиксации в Сл XI–XVII и Срезн. Помимо этого критерия, используются фонетический, словообразовательный и семантический критерии, а также наличие/отсутствие слова в говорах (см. с. 145–149).

Используя эти критерии, из 18 110 рассмотренных слов СДРЯ XI–XIV к «разговорным» мы отнесли ~ 2000, т. е. ~11 %. Эту лексику гипотетически можно считать собственно древнерусской лексикой, поскольку она отсутствует в церковнославянском языке — если пользоваться терминами двуязычия, или в церковно-книжной разновидности древнерусского языка. Основные сферы ее употребления в XI–XIV вв. — деловая и бытовая письменность и летописный рассказ (вслед за И.П. Ереминым (1949) и В.В. Виноградовым (1978) мы выделяем в летописи два типа контекстов — книжные «повести» и летописный рассказ; первые могут рассматриваться как написанные по-церковнославянски, вторые — по-древнерусски; подробнее см. [Улуханов 1969: 128–176].

Лексика древнерусского языка повседневного общения заслуживает изучения с самых различных точек зрения — семантической, генетической, словообразовательной, словоизменительной и т. п. Полное описание данной лексики с указанных точек зрения может быть дано в монографии, а может быть, и в серии монографий. В данной работе изучается семантика этой лексики, т. е. определяется тот круг реалий, который называется древнерусскими словами, отсутствующими в церковнославянском языке русской редакции (в основном по данным СДРЯ XI–XIV). Отсутствие в этом словаре цитат из каких-либо, в том числе и из церковно-книжных памятников, означает отсутствие описываемого слова в этих памятниках, поскольку СДРЯ XI–XIV основан на картотеке, включающей каждое употребление каждого слова во всех источниках словаря (о которых см.: СДРЯ XI–XIV, I: 23–68 и VI: 9–65).

Семантическая классификация изучаемой лексики (естественно, с учетом ее древнерусской специфики) дается на основе наиболее полной и детальной классификации современной русской лексики, представленной в публикуемом *Русском семантическом словаре* (РСС I, II). Конечной ступенью семантической классификации в этом словаре является «лексико-семантический ряд» (или конечное подмножество), отражающий определенный фрагмент картины мира. Вместе с авторами РСС мы полагаем, что «конечное или предконечное подмножество не просто является подборкой близких по значениям слов: оно имеет глубокий позна-

вательный смысл. Соединенные здесь слова открывают перед нами то, что можно назвать «картинкой жизни»: они именуют ее определенный узкий участок, о нем информируют и его живописуют» (РСС I: X). Это, как известно, не пассивная информация о существующем, а информация, так или иначе интерпретированная (и поэтому для разных языков не вполне одинаковая); ср. сказанное в РСС о языковой основе созданной классификации: «вычленение лексических классов как конструкторов, созданных самим языком в ходе его истории, оказывается описанием его собственного строения, разграничением органических участков языковой системы» (РСС I: XI).

Языковая «картинка жизни», отраженная в нашем описании, не может претендовать на полноту, поскольку мы описываем не всю лексику сферы повседневного общения, а лишь лексику XI–XIV вв., принадлежащую только этой сфере, и не включаем в основной корпус описания (хотя и приводим для сопоставления) ту лексику повседневного общения, которая является общей с церковнославянским языком (так называемые «нейтральные» слова, по нашей классификации, см. с. 160). В то же время представляет безусловный интерес, какие лица названы изучаемой нами «разговорной» лексикой, какие не названы или названы нейтральной или книжной лексикой.

Неполнота описания «картинки жизни» древнерусского человека обусловлена также и тем, что мы изучаем лишь названия самого человека, но не его признаки и действия, или окружающую его ситуацию (ср. учет этих факторов, например, в: [Апресян 1995; Чернышева 1998; Вендина 2002]). Семантика древнерусских разговорных прилагательных и глаголов, их сочетаемость с названиями лиц заслуживают специального исследования.

Эта лексика, выделяемая как основной объект («основной корпус»), однако, не может быть описана изолированно от соотносительной лексики, входящей в другие функционально-стилистические и хронологические сферы языка. Поэтому, описывая наиболее подробно лексику языка повседневного общения XI–XIV вв., мы даем обзорное (не претендующее на полноту и нередко в виде списков) описание: а) разговорной лексики, зафиксированной в более поздних (XV–XVII вв.) светских памятниках; б) нейтральной и книжной лексики XI–XIV вв., относящейся к тому же подмножеству, что и описываемое⁸.

⁸ Полностью рассмотрены и приведены с цитатами разговорные слова XI–XIV вв., представленные в СДРЯ XI–XIV, т. I–VI. В качестве дополнительного рассматривается материал Сл XI–XVII и Срезн.

Размеры работы не дают возможности описать семантику всех 2000 разговорных слов, содержащихся в указанных томах СДРЯ XI–XIV, поэтому мы ограничимся описанием части самого объемного лексического класса существительных — названий лиц (см. сводную схему их классификации в современном русском языке в РСС I: 66).

Из лексического класса названий лиц в данной статье описаны⁹ (номера раздела нашей классификации соответствуют номерам разделов данной работы):

1. Общие обозначения лиц (РСС I: 65).

2. Названия лиц по характерным признакам: по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, по функциям (РСС I: 68).

2.1. По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению (РСС I: 68–72); это подмножество будем сокращенно называть национально-территориальным подмножеством.

2.2. По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, свойству, качеству и их проявлению (РСС I: 73–121); это подмножество можно сокращенно назвать интеллектуально-характерологическим (в дальнейшем для краткости просто характерологическим), поскольку слова этого подмножества характеризуют называемое лицо.

Названия лиц — это, как известно, одна из самых обширных семантических групп существительных, неоднократно рассматривавшаяся как

⁹ В своей основе сохраняется классификация слов и названия классов, подмножеств и лексико-семантических рядов, выделенных в РСС I. Опускаются те единицы классификации (это всегда конечные лексико-семантические ряды), которые в нашем материале не представлены. В данной работе рассматриваются лишь названные первые два раздела (2.1 и 2.2) из пяти подмножеств, входящих в более крупное (и основное для названий лиц) подмножество «названия лиц по характерным признакам». Помимо национально-территориального (п. 2.1) и характерологического (п. 2.2) подмножеств, к названиям лиц по характерным признакам относятся: названия лиц «по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям» (РСС I: 121–191); сокращенно назовем его социальным подмножеством; названия лиц «по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям» (РСС I: 195–325); сокращенно — профессиональное подмножество; названия лиц «по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» (РСС I: 325–341); сокращенно — физико-психологическое подмножество. Кроме того, в лексический класс «названия лиц» на разных ступенях классификации (см. схему 9 в РСС I: 66) входят «религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа» (РСС I: 386–395), «совокупности лиц» (РСС I: 350–386) и «названия собственно оценки, обращения» (РСС I: 341–350). Все эти группы могут быть предметом диахронического исследования.

с диахронической, так и с синхронической точек зрения. В предложенном ниже описании части этой группы исследованы древнерусские названия с функционально-стилистической и семантической точек зрения.

1. Конечный лексический ряд «общие обозначения» (лица, человека) (РСС I: 65) разговорными словами в древнерусском языке, по-видимому, не был представлен: все относящиеся к этому ряду слова являются чаще всего нейтральными (общие понятия в данном случае обозначаются общеупотребительными словами), реже — книжными. К нейтральным относятся *человѣкъ*, *людинѣ* (24)¹⁰, *моужь* (> 2000), *людикъ* (~ 10 000), *доуша* (> 1000) (в значении ‘человек’), *чадь* в значении ‘люди’.

К книжным «общим обозначениям» человека относится частотное слово *лице* (> 1000), интересное тем, что в разных значениях оно, вероятно, относилось к разным функционально-стилистическим разновидностям древнерусского языка. В значении ‘личность, отдельный человек’ (см. СДРЯ XI–XIV, IV: 411–412; Сл XI–XVII, вып. 8: 254) это слово зафиксировано почти исключительно в церковно-книжных памятниках: Трехъ лицъ пакоститъ клеветникъ. ѡкселеветаемому и слышащому и самому себѣ (прѡсѡлоу). Пч. н. XV (1), л. 37; единственный пример из летописи относится к книжному контексту-молитве «Символ веры», восходящей к греческому «Исповеданию веры» Михаила Синкелла (Пов. вр. л. 1950, II: 340). Слово означает ‘ипостась’: не трее Бзи единъ Бъ. по нему же едино Бж(с)тво. въ трехъ лица(х). ЛЛ 1377, л. 39. Возможно, современный книжный характер этого слова именно в данном значении сохранился с древнего периода — так же, как и нейтральность этого слова в значении ‘передняя часть головы человека’; ср. фиксацию в этом значении не только в книжных памятниках, но и в летописном рассказе об ослеплении Василька (ѡвчюхъ Стополчъ держа ножъ. и хота оударити в око. и грѣшиша ѡка и перерѣза юму лице. ЛЛ 1377, л. 88 и в грамоте: аще оударитъ по лицу или за волосы имать... платити безъ четверти грѣвна серебра. Гр. 1229 сп. 1270–1277 (сгол.). В значении же ‘личное, украденная вещь, обнаруженная у вора или покупателя и опознанная хозяином’ слово принадлежало скорее всего древнерусской деловой речи, о чем свидетельствуют его фиксации в памятниках в XI–XIV вв. (в СДРЯ XI–XIV приведено пять контекстов из Русской правды, два контекста — из летописи и лишь один контекст из книжного юридического памятника — МПр XIV₂, куда оно могло проникнуть из древнерусской деловой речи).

¹⁰ Цифра, стоящая в скобках после приводимого слова, означает частоту этого слова в СДРЯ XI–XIV. Отсутствие этой цифры означает, что приводимое слово не входит в вышедшие т. I–VI данного словаря и описывается по Сл XI–XVII или Срезн.

К книжным словам относятся *соуцѣство*, *суцѣиѣ*, означавшее, по-видимому, не только человека, но все «сущее», живое (см. Срезн., т. III: 634, 635), а также субстантиваты *земьныи*, *земльныи*, *земьскыи* ‘житель земли’ (СДРЯ XI–XIV, т. III: 370, 377–379).

С XV в. в светских памятниках фиксируется заимствование, *персонъ* (*персона*): Государь нашъ Ирикъ... прислалъ къ вамъ своихъ честныхъ мужей, воеводу болшого надъ суды... да меня съ нимъ малого персона. Швед. д., 151, 1568 г. (ср. швед. *person*); Сиа государства разлучна бѣша... разныхъ персонъ ко владѣнию ихъ... призваніемъ и избраниемъ. Польск. д. I, 383, 1583 г. (ср. ст.-польск. *persona*) и *особа*: Почту его милости пана Миколая Талвоша, кашталяна менского ... двору его милости самого и зъ дворяны его королевской милости, которые при его милости идутъ, людей особъ 257, коней 300. Польск. д. III, 621, 1570 г. (ср. ст.-польск. *osoba*); ср. В.В. Виноградов [1999: 272; первая публикация в 1946 г.] так характеризовал семантику этих слов: «Слова *персона* и *особа*, вошедшие в русский литературный язык XVI–XVII вв., не обозначали индивидуального строя и внутренних, моральных прав и склонностей человеческой особи. Они выражали лишь официальное положение лица, его общественно-политическую или государственную неприкосновенность и важность (ср. связанные с основой *osob-* обозначения личности в западнославянских языках: польское *osobistość*, чешское *osobnost*)».

Характеризуя всю совокупность общих обозначений лица, В.В. Виноградов отмечал ее тесную связь с представлением о человеке, отраженным в текстах XI–XVII вв.: «В древнерусском языке до XVII в. не было потребности в слове (имеется в виду слово *личность*. — И. У., Т. С.), которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Конечно, некоторые признаки личности (например, единичность, обособленность или отдельность, последовательность характера, осознаваемая на основе тех или иных примет, сконцентрированность или мотивированность поступков и т. д.) были живы, очевидны и для сознания древнерусского человека. Но они были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек*, *людие*; ср. *людин*, *лице*, *душа*, *существо* и некоторые другие). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеке».

ском «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т. п.) [Виноградов 1999: 271–272].

2. Центральное место среди названий конкретных разновидностей «реальных лиц, людей» занимает подмножество «названия лиц по характерным признакам: по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, по функциям», являющееся основным предметом описания в данной работе. Оно делится на пять подмножеств (см. Примечание 2), два из которых описываются в разделах 2.1–2.2.

2.1. Национально-территориальное подмножество в свою очередь делится на два подмножества, которые можно сокращенно назвать национально-расовое (раздел 2.1.1) и территориальное (названия живущих или пребывающих на какой-л. территории) (раздел 2.1.2).

2.1.1. Слова национально-расового подмножества включают в РСС I лишь один лексический ряд — названия лиц «по расовой, национальной принадлежности, по внешним расовым признакам» (РСС I: 68). Это один из многих лексико-семантических рядов, не отраженных, судя по историческим словарям, в лексике древнерусского языка. Не имея возможности в дальнейшем характеризовать такие ряды, отметим, тем не менее, что факт их отсутствия также в какой-то мере характеризует древнерусскую лексику, указывая на то, что ей не свойственно. Так, данный лексический ряд в современном языке включает в себя поздние заимствования типа *австралоид*, *арав*, *ариец*, *креол*, *метис*, *негр* и др. (названия конкретных народов помещены в РСС I: 353 в подмножество «совокупности лиц», что не бесспорно) или такие слова, которые еще не развили расово-национального значения: *белый*, *желтый*, *цветной* и т. п. Значение ‘темнокожий’ у слова *чърный* в древнерусском языке означало цвет кожи, а не принадлежность к определенной расе; ср.: а дѣмонѣ суть неключии. черни, тѣмнѣ. Жит. Андр. Юр., 373; слово может употребляться для обозначения отдельного народа (жителей Мавритании), но не расы: властелѣ чърныхъ (τῶν Μαύρων) КЕ, л. 140а.

2.1.2. Наибольшее число древнерусских слов содержит территориальный раздел национально-территориального подмножества: «по отнесенности к месту жительства, пребывания, к территории, местности» (РСС I: 70).

2.1.2.1. Правда, открывающий его лексико-семантический ряд «общие обозначения», подобно рассмотренному выше (п. 1) соответствующему ряду, включающему названия лиц вообще, в древнерусской лексике отражен слабо.

Ни об одном из четырех слов лексико-семантического ряда «общих обозначений», приведенных в (РСС I: 70) — *жилец*, *житель*, *обыватель*, *сосед*, — нельзя сказать с полной уверенностью о его принадлежности к разговорной лексике XI–XIV вв. (об этих словах см. ниже).

Несомненно, однако, принадлежат этой лексике сущ. *сабѣрь* ‘сосед, член одной общины’, представленное в Срезн. цитатами только из деловой письменности, наиболее ранняя из которых относится к 1400 г.: Се розапаша сабри Вастечкии ободѣ Вастечьской земли съ старыхъ грамотъ. Обв. Зап. Васт. земли ок. 1400 г. (Срезн., т. III: 907; в списке источников Срезн. данное сокращение отсутствует) и его фонетическая модификация *шабѣрь*, зафиксированная только в Новгородской судной грамоте 1471 г.: А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнеть просить сроку на управы или на шабѣры, ино ему дать одинъ срокъ: на сто верстъ три недѣли. Новг. судн. гр. 1471 г. (Срезн., т. III: 1581).

Сущ. *сѣѣдѣ* зафиксировано в СлРЯ XI–XVII и иллюстрировано многочисленными примерами из светских памятников, но наличие его в Библ. Генн. 1499 г. (Псал. XXX, 12) и общеславянское распространение (Фасмер 1964–1973, т. III: 726) свидетельствует в пользу его нейтральности.

Употребительный синоним *сѣѣдѣ* также был нейтральным: в Срезн. (т. III: 629) он зафиксирован в книжных (ср. стсл. *сѣѣдѣ*) памятниках, летописях и грамотах, женский коррелят *сѣѣда* (Срезн., III: 628) — только в книжных.

В книжных памятниках XI–XIV вв. употреблялись и другие малочастотные, а возможно, окказиональные названия рядом или совместно живущих людей: *иносельникъ* (1), *сѣдомъникъ*, *сѣжитель*, *сѣжитель*, *сѣжитъникъ*, *сѣклѣтъникъ*, *сѣклѣтъникъ*, *сѣмежъникъ* (*сѣмеждѣникъ*), *сѣмѣсьникъ*, *сѣхрамъникъ*.

Из названных выше четырех «общих обозначений» лиц данного подмножества наиболее вероятна принадлежность к пласту разговорных слов сущ. *жилецъ*. В СДРЯ XI–XIV оно отсутствует, но с XV в. фиксируется (по данным Сл XI–XVII, 5,110) в многочисленных деловых документах, поздних летописях и в сочинении Г. Котошихина *О России в царствование Алексея Михайловича*.

Менее вероятна принадлежность к данному пласту слова *житель* (23). По имеющимся в нашем распоряжении данным, лишь единичные слова с суффиксом *-тель* (например, *волостель*) относились к разговорной лексике. Стилистическая нейтрализация, или вхождение в разговорную лексику слов с этим суффиксом, началась, по-видимому, не ранее XVI в., а особенно интенсивно продолжалось в XVII в. История слова *житель* полностью отражает сказанное: в СДРЯ XI–XIV оно представлено цитатами

исключительно из книжных памятников, а также из книжного места летописи: взоренъ бываеъ во вратѣхъ мужъ ена <доброй жены> внегда аще садеть на сонмищи. съ старци и съ жители земли. ЛЛ 1377, л. 26; а в Сл XI–XVII имеется цитата с этим словом из делового памятника XVII в.: Иркуцкие жители словесно въ разговорѣ. говорили (ДАИ, X, 327, 1684 г.).

Другое «общее» слово на *-тель* — *обыватель* — фиксируется в Сл XI–XVII с XVII в. в светских памятниках, например: Се аз, Яковъ Петровъ мещанин и обыватель<ь> Погарский, ведомо чиню сею моею купью, же яз продал своего коня. Калуж. а., 49, 1671 г.

С XV в. в светских и книжных памятниках встречается *сельникъ* в знач. ‘житель’ (Сл XI–XVII, вып. 24: 49).

2.1.2.2. В языке повседневного общения этой эпохи достаточно широко были представлены слова конкретного значения, относящиеся к территориальному множеству. Большая часть разговорных слов языка XI–XIV вв., принадлежащих к данному подмножеству, означает жителей (постоянных или непостоянных; ср. РСС I: 70–72) какого-либо места, начиная с самой земли; ср. *землянинъ* в знач. ‘житель земли, страны, государства’: Коли все земляне имуть давати дань у татары (Жал. гр. кн. Александра) Др. пам.¹, 265, 1375 г. (слово имеет также значение ‘человек, имеющий земельный надел, угодье’; СДРЯ XI–XIV, т. III: 376); ср. также более позднее разговорное *землянецъ* ‘уроженец, житель какой-л. местности’ (Сл XI–XVII, вып. 5: 377). Таким образом, в этом подмножестве преобладали мотивированные слова: название места жительства является мотивирующим, а в качестве формантов используются суффиксы *-анинъ*, *-никъ*, *-чъ*, *-ичъ*, *-ычъ*.

Основная масса слов этой группы мотивирована существительными *городъ*, *мѣсто*, названиями частей городов (*коньць*, *городище*, *ѡлица*) и конкретных древнерусских городов.

Сущ. *горожанинъ* (42) ‘житель города’, представленное в летописях, грамотах и в единичных книжных памятниках, употреблялось для называния рядовых жителей, не относящихся к светской и духовной элите, например: Сло(в) изасла(в) кна(з) полочько(г). къ еп(с)пу и к мѣстерю и къ всемъ вельневице(м) и ратьмано(м) всемъ горожанок). Гр. 1265 сп. н. XV (полоцк.). Более частотное *гражанинъ* (99) ‘1. Горожанин, житель города; 2. Житель какой-л. области, страны’ представлено преимущественно в книжных памятниках, а редкое для XI–XIV вв. *гражданинъ* (3) ‘житель какой-л. области, страны’ — только в Изб 1076 и Гр. Наз. XI в. (История этих слов описана на с. 244–254.)

От сущ. *мѣсто* в значении ‘город, селение’ образованы дериваты с помощью суффиксов *-ичъ* и *-никъ*. *Местичъ* (7), толкуемое в СДРЯ XI–XIV как ‘житель населенного пункта, города’, позднее, по-видимому, чаще

всего использовалось в более узком локализованном значении ‘горожанин, представитель торгово-ремесленного населения в западнорусских городах (местах) и городах Польского королевства и Великого княжества Литовского’ (таково толкование слова в Сл XI–XVII, 9: 119). Слово зафиксировано в СДРЯ XI–XIV пять раз в южнорусских грамотах XIII в., например: коупилъ панъ ганько сварць мѣстичъ лвовский старший, в олешка оу. оу. [так!] малечковича. дѣдичьство на ширку. Гр. 1368 (ю.-р.) и дважды — в ЛИ ок. 1425 г.; в Сл XI–XVII — более поздние примеры (XV–XVI вв.), соответствующие приведенному выше толкованию, данному в этом словаре.

Слово *мѣстникъ* (3) в значении ‘житель населенного пункта, города’ (СДРЯ XI–XIV, т. V: 110) в языке повседневного общения, возможно, было окказионализмом (оно отмечено в этом значении только в СДРЯ XI–XIV в единственном тексте: но и гостѣ погубиша челадинъ. и жалую(т). да ищють и обрѣтаемое да имуть е. аще ли кто искушениа сего не дасть створити. мѣстникъ да погуби(т) правду свою. ЛИ ок. 1425, л. 14 об.). В книжном же языке (ср. контексты из KE XII — в СДРЯ XI–XIV, 5, 14 и из ВМЧ. Сент. 14–24, XVI в. — в Сл XI–XVII, вып. 9: 111) оно (вероятно, тоже редко или окказионально) употреблялось для перевода греч. *τοποτηρτος*; будучи затем вытеснено словом *намѣстникъ*.

Сущ. *мѣщанинъ* в языке XI–XIV вв., видимо, отсутствовало: его нет в СДРЯ XI–XIV, а в Сл XI–XVII (вып. 9: 143, 144) оно представлено текстами не ранее конца XV в. в значениях: ‘1. В средневековом русском городе житель посада, слободы... 2. В западнорусских, западнославянских, литовских городах (называвшихся *мѣсто*) горожанин вообще, представитель торгово-ремесленной части населения города’.

Названия жителей какой-либо части города мотивированы названием этой части.

Сущ. *городищанинъ* (4) ‘житель Городища’ представлено в летописи и грамотах, например: а новгородьць. тоу оуби(т). // ·ġ· моужь ... федора оума. кѣжь дѣцкой. дръгое городищанинъ. и инѣхъ ·ġ· моужи. ЛН ок. 1330, л. 118 об.–119.

Сущ. *коньчанинъ* (1) ‘житель какой-л. части города, конца’ зафиксировано только в Новгородской первой летописи: и оубиша мою(ж) проу(с) а концанъ другыи. ЛН XIII₂, л. 90 об.

Сущ. *гличанинъ* ‘житель улицы по отношению к делению города (в Великом Новгороде)’ (Срезн., т. III: 1195, 1196) зафиксировано только в нескольких светских памятниках, например: Посадникъ... съ своею, братьею и с улицыны поставиша церковь ... камену на Чюдѣнцевѣ улицѣ. Новг. I лет. 6900 г. (по Арх. сп.).

Древнерусским разговорным *слобода*, употреблявшимся для названия поселков, пригородов, частей города или села (см. Сл XI–XVII, вып. 25: 91, 92), мотивированы разговорные существительные со значением ‘житель слободы’, зафиксированные в Сл XI–XVII только в деловых памятниках: *слободичь*, *слободчанинъ*, *слободчикъ* (*слободицикъ*), *слобожанинъ*, *слобоженинъ*.

Нарицательное сущ. *украина* зафиксировано в Срезн. (т. III: 1184) в значениях ‘пограничная местность’ (только в летописях), ‘чужие края, чужеземная страна’, ‘кусок земли, участок’ (оба в книжных памятниках). Производные *украинанинъ* (избѣгли бо са бахоуть в городъ и зане вѣсть бахоуть подали имъ Лахове Оукраинанѣ. ЛИ ок. 1425, л. 288 (1266) и более позднее (зафиксировано в XVI в. — Срезн., III: 1185) *украиньникъ* означали ‘житель пограничной местности’ и принадлежали языку повседневного общения. В Срезн. (т. III: 1184) зафиксировано в книжном памятнике *украиникъ* ‘живущий в пределах какой-либо местности’. О слове *украина* см. также с. 233, 234.

К словам повседневного общения относились, несомненно, названия жителей конкретных древнерусских и близлежащих городов, отсутствующие в исторических словарях русского языка как образования от имен собственных, например: а на нарослалихъ любѣвницехъ поимаша *новгородцы* коунъ много, и на городищанохъ. ЛН XIII₂, л. 108, а чего будетъ искати мнѣ. и моимъ боаромъ. и моимъ слугамъ. у *новъгородъцевъ*. и у *новоторъжъцевъ*. и у *волочанъ*. Гр 1296 (новг.); совокупившеся *Тфѣричи*. *Москвичи*. *Волочане*. *Новоторжъци*. *Зубчане*. *Рожевичи*. и шедше биша Литву. ЛЛ 1377, л. 170об.; *пльсковичи* же оступивше изборьскъ измаша и кѣназа и нѣмцинъ оубиша данілу. а ини побѣгоша. ЛН XIII₂, л. 116 об.; а тако (ж) оу ризѣ. к *полочано(м)* целовати крестъ. нѣмце(м) добры(м) людемъ. на то(м) што *полочано(м)* чини(т) все су правду и оу вѣсѣ(х) и оу торговли, и во всемъ торогово(м) деле. Гр 1399 (2, з.-р.); и прислаша нѣмци послы своя, *рижане*, *вельяжане*. *юрьевци* I изъ инѣхъ городов. ЛН ок. 1330, л. 143 об.; а моимъ. ѣздити. в ригу, а мѣстерю. и ратманомъ. блюсти. мое(г) *смолян(и)*. как свое(г). немчина. Гр до 1359 (смол.) и др.

Одно из общих названий сельского жителя — *сельчанинъ* — было, очевидно, принадлежностью только языка повседневного общения и прежде всего его деловой разновидности: в Срезн. (т. III: 331) и Сл XI–XVII (вып. 24: 51) оно представлено цитатами только из деловых памятников, например: А въ городъ послати ми своихъ намѣстниковъ, а тебѣ своего намѣстника, инѣ очистить и холоповъ и сельчанъ по отца моего животѣ по князя по великого Гр 1389 (1, моск.).

Селанинъ также имело значение ‘сельский житель’: Аже будеть бо-ляринъ великих боляръ или меншихъ боляръ, или людинъ го-родскыи, или селянинъ, то по его пути платити бесчестие. РПрАкад. сп. сер. XV. В Срезн. (т. III: 331, 332) выделено значение ‘невежда, деревенщина’ (например, в контексте: Селянинъ сы и невѣжа. Жит. Сим. Ст. XIII в.). Сл XI–XVII (вып. 24: 51) в аналогичных контекстах (например: быхъ селянинъ и невѣжа слову. Ж. Стеф. Махр., л. 447об., XVII в. – XVI в.) усматривает значение ‘сельский житель’. Видимо, трудно говорить о развившемся новом значении ‘невежда’ у слова *селанинъ*, можно обратить внимание лишь на сближение этих понятий, отразившееся во многих приведенных в словарях контекстах.

Сущ. *смърдъ* в Сл XI–XVII (вып. 25: 158) представлено в двух значениях: ‘1. Сельский житель, принадлежащий к непривилегированному, податному сословию; селянин, простолюдин’ — как в церковных, так и в светских памятниках (жизнобуде погублене оу сычевиць новгородське смърде а за ним[и и] за[а]дьница. ГрБ 607/562; XI/XII; ‘2. Простой, грубый, неотесанный человек Smorth — EIn Plunnpf Man. Сл. Шrove, 142, XVI в. – XV в.’; ср. позднее *деревенщина*.

В деловой речи житель деревни мог называться и существительным *деревеньщикъ*, зафиксированным в XVI в.

Производящее *деревьнѧ*, судя по многочисленным фиксациям только в деловых памятниках и летописях (см. Срезн., I: 653, 645; СДРЯ XI–XIV, II: 454), было, несомненно, принадлежностью только древнерусского языка повседневного общения.

Скорее всего, к разговорным словам принадлежало сущ. *печерьникъ* (19), хотя почти все его употребления, представленные в СДРЯ XI–XIV, относятся к церковно-книжному памятнику — Киево-Печерскому патерику, например: В то время прииде василии ѿ посланиа игоумена. иже преже сѣсыи печерника ѿ помышления зла. иде в печероу хотя видѣти в неи живуща(г). ПКП 1406. В пользу разговорности слова говорит не только русское *ч*, но и его древнейшая фиксация в Надп. XI–XII (5): <пе>черн<и>к<ъ> федоръ калѣ<ка>. В отличие от рассмотренных выше слов, означающих жителя, в семантику сущ. *печерьникъ* входит дополнительный компонент — ‘отшельник’, характеризующий образ жизни.

Постоянные жители какого-л. места назывались разговорными сущ. *старожильць* (Сл XI–XVII, где приведены цитаты только из деловых памятников) и *туземць*, представленное в Срезн. единственным примером из летописи: сказаша же си тжземци. Пов. вр. л. 6496 г. (по Переясл. сп.) (Срезн., III: 1035); ср. нейтральные *тоземць* и *тоземльць*, зафиксированные в книжных памятниках и летописях, и, возможно, окказиональ-

ное *тоземьцинь*, зафиксированное только в Ис. Нав. по сп. XV в. (В) (Срезн., III: 972).

К рассматриваемому множеству относятся также разговорные слова, означающие пришельцев, чужестранцев (ср. РСС I: 70, 71): *заморьць* (2): братья заморци приславъ к намъ грамоту. опасную. взалѣ. у насъ. с нашими напечатъми что вамъ ѣздти в великы новъгородъ. Гр 1392 (новг.); *насельникъ* (7) в знач. ‘тот, кто поселился (рядом)’; Словѣньску же языку... жиоуше [так!] на Дунаи, придоша... Болгаре <и> сѣдоша по Дунаеви. <и> населници Словѣномъ быша. ЛЛ 1377, л. 4 об.; *находьникъ* (1) ‘пришелец’: и по тѣмъ городомъ суть находн(и)||ци Варази а первьии насельници в Новѣгородѣ Словѣне. ЛЛ 1377, л. 7–7 об.; *зашельць* (1) ‘пришлый человек (?)’: а што моі зашелци в торжъку. а то есмы положили в ысправу. Гр 1368–1371 (новг.); *чужеземьць* ‘житель чужой земли, иностранец’: зафиксированное только в Русской правде и Судебнике 1497 г., например: Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ иного города или чюжеземьць, а не вѣдана запоуститъ за нь товаръ... то вести и на торгъ и продати и. РПр сп. 1285–1291; ср. синонимичное словосочетание *чужеи земець* в русском деловом памятнике: А которой чюжеи земець на чюжеи земли иметь искать бою и грабежъ». Псков. судн. гр.

Совершенно не употреблялись в книжных памятниках сущ. *нѣмьчичъ* (66), *нѣмьчинъ* (28) и *нѣмьци* (138 — во всех цитатах в СДРЯ XI–XIV только в форме мн. числа), означавшие чужестранцев, преимущественно германского происхождения, например: а мѣста на корабли вольнаа. како немѣчичю тако и смоланиноу. Гр сер. XIII (смол.). Единственное зафиксированное в СДРЯ XI–XIV употребление слова *нѣмьци* в книжном памятнике является и единственным его употреблением в СДРЯ XI–XIV не в указанном выше значении, а в его исконном значении ‘наименование людей, говорящих на непонятном языке’: Агисилаось ре(ч) Нѣкто, перескокъ прииде къ нему из нѣмьць а властителемъ велащемъ емоу пороучити вои своѣ. и ре(ч) не по(д)баеть пороучити чюжихъ побѣгшемъ ѿ своихъ. Пч н. XV (1), 24 (речь идет о неприятеле). Это значение соотносительно с прил. **нѣтъ*, от которого (по мнению М. Фасмера, в праславянском языке; см. Фасмер 1964–1973, III: 62) было образовано **нѣтьсь*.

Некоторые разговорные названия жителей, зафиксированные в XV–XVII вв., могли употребляться и ранее: *бѣжанинь* ‘беженец’, *выходецъ*, *инокнажәнець* ‘человек, переселившийся из другого княжества’, *инокнажець* ‘то же’, *инородецъ* ‘инородец’ (о нерусских, об иностранцах в Русском государстве), *станичникъ* ‘житель станицы’.

К числу нейтральных слов национально-территориального подмножества, указывающих на место жительства (исконное/неисконное), от-

носятся: *иноплемьникъ* (171), *иноземьць* (3), *иноязычьникъ* (24) ‘иноземец, чужестранник’, *пришьльць* и приведенные выше *тоземьць* и *тоземльць*, к числу книжных — *единоколѣньникъ* (1) ‘единоплеменник, соплеменник’, *единоплемьникъ* (2) ‘то же’, *единоплемьныйи* (2) ‘то же’ (прил. в роли существительного), *островъници* (2) ‘островитяне’; употреблено в качестве названия народа в Хрон. Г. Амарт.: Законъ (ж) и оу Вактірианъ, глѣмии Врахмане и Ѡстровници, иже... ма(с) не надоуше ни вина пьюше ни блоуда твораше (παρὰ... Νησιώταις) ГА XIV₁, л. 32а и в цитате из этой хроники в летописи (ЛЛ 1377, л. 5 об.), *скитянинъ*, *поселянинъ*, *посельникъ*, *чуждии* в знач. ‘чужеземец’ — прил. в роли существительного и др.

Как видим, среди названий лиц «по отношению к расе, национальности, а также территории, к месту жительства, по местонахождению» достаточно много слов, относящихся только к языку повседневного общения. Чаще всего это слова, мотивированные древнерусскими словами (*городъ*, *печера*, *деревьна*, названия древнерусских городов).

2.2. Второе (характерологическое) из названных в разделе 0 подмножеств разговорными словами в письменности XI–XIV вв. представлено довольно ограниченно. Многочисленные слова этой семантики принадлежат к числу нейтральных и книжных.

2.2.1. Второе подмножество открывается в РСС (I: 73) «общими обозначениями» лиц «по интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-чему-н., по восприятию кого-чего-н.». Разговорных слов с таким общим значением в древнерусскую эпоху, видимо, почти не было — в силу тех же причин, о которых шла речь при рассмотрении «общих обозначений» — названий лиц (см. п. 1). Единственным древнерусским разговорным средством передачи этого общего значения в нашем материале являются прилагательное *охотивъ* ‘охотно делающий что-л., склонный к чему-л.’ и его фонетический вариант *охвотивъ*, употребляющиеся в составе именного сказуемого. Они зафиксированы в СДРЯ XI–XIV (каждое по одному разу) только в летописях: на мл(с)тью зѣло охотивъ. ЛЛ 1377, л. 124; Вацеславъ же ре(ч) брате и сну ѿ рождения мое(г) не охвотивъ (в др. сп. охотивъ) есмь былъ на кровопролитъе. но сего м*** довелъ братья мои. ЛЛ ок. 1425, 158. Судя по Сл XI–XVII, это прилагательное фиксируется (в светских памятниках) до XVI в. Затем оно, по-видимому, было заменено более употребительным (см. Сл XI–XVII, вып. 14: 86) прилагательным *охочий*. С XVI в. и только в светских памятниках фиксируется *охотникъ* (*охвотникъ*) в значении ‘охотник, тот, кто добровольно берется за какое-л. дело’. Возможно, это слово в разговорной речи существовало и в более раннюю эпоху.

2.2.2. Вслед за общими обозначениями лиц характерологического подмножества в РРС (I: 75) рассматриваются названия лиц, характеризующихся отношением к религии или ее различным направлениям. В разделе «О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка» приводились примеры «церковно-разговорных русизмов», т. е. слов церковной тематики, свойственных только языку повседневного общения. Приводимые ниже названия лиц дополняют эту группу.

Среди «общих обозначений» лиц, имеющих отношение к вере, религии (см. РРС I: 75), к числу разговорных в рассматриваемый период относились, по-видимому, *безбожьникъ*, *набожьнька* и *мьздыдавьць*.

Единственное зафиксированное (в СДРЯ XI–XIV и Сл XI–XVII) в древнерусский период употребление слова *безбожьникъ* (1) относится к летописному рассказу: тогда же гана||шаса оканьнии безбожници. ѿ торжоу сeregърьскимъ поутемь. оли и до игнача кр(с)та. а все лю(д) сѣкуще акы траву. за .ѿ. версть до новагорода. ЛН ок. 1330, л. 124 об.–125. В Сл XI–XVII приведена еще одна фиксация этого слова — из светского памятника *Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском* (сп. XVII в.): Да и самого того короля [польского], лютаго врага сопостата нашего, и его способниковъ, такихъ же безбожниковъ, яко же онъ. Нов. пов. Слово *безбожьникъ* ни разу не зафиксировано ни в одном книжном памятнике, и этим оно резко выделяется как на фоне однокоренных слов с приставкой *без-* [*безбезбожю* (23), *безбожьно* (4), *безбожьскы* (5), *безбожьствию* (3), *безбожьство* (4), *безбожьствънь* (2) — все только в книжных памятниках и *безбожьнии* (121) — в книжных памятниках и летописях, так и слов, включающих префикс *без-* и суффикс *-ник*: *безблагодатьникъ* (1), *безгodosловъникъ* (1), *безградъникъ* (2), *беззаконикъ* (1), *безимѣньникъ* (1), *безмольбъникъ* (1), *безмълвьникъ* (10), *безпечальникъ* (1), *безприобъщъникъ* (1) и др. — все только в книжных памятниках; *беззаконъникъ* (47), *безмьздьникъ* (20) — в книжных памятниках и летописях. Возможно, неупотребительность (или небольшая употребительность) слова *безбожьникъ* в книжных памятниках связана с тем, что значение ‘безбожник, иноверец’ регулярно передавалось многими другими словами, из которых весьма употребительными в разных жанрах были сущ. *беззаконъникъ* (47), сочетания прилагательных *неверьнии* (227), *поганьи* (234) с существительными или данные прилагательные в позиции существительного.

Сущ. *набожьнька* (1) ‘набожный человек’ представлено в древнерусский период единственной фиксацией — в «Вопросах Кирика Саввы и Ильи с ответами Нифонта», входящих в состав Новгородской кормчей и богатых русизмами: А то ре(ч) [во время сорокоуста] велми добро аще

не своя не(д)ла боудеть. а друугу [попу] рещи. помани онсего. аже бы-
выи набоженка. КН 1285–1291, л. 519б. Неупотребительность слова в
других (более книжных) церковных памятниках, продуктивность его фор-
манта в разговорной речи и наличие варианта устного происхождения
набыженка в списке XVI в. (см. Сл XI–XVII, вып. 10: 20) позволяет счита-
ть это слово разговорным.

Разговорным вариантом книжного сложного слова *мъздодавѣць* (3)
(ср. также книжное *мъздовѣздатель* (4) является сращение *мъздыдавьць*
(1) ‘тот, кто воздает (о Боге)’, отмеченное только в Ипатьевской летопи-
си: *ѡба. же вкоупѣ. патрѣрьшескы троудѣ свѣршающе. да и вѣнѣць ѡ*
мздыдавца ѡбщии восприимета. ЛИ ок. 1425, л. 243 об. Сращения со
склоняемым компонентом были, по-видимому, более свойственны разго-
ворной речи, чем сложения, содержащие интерфикс.

К описываемым «церковно-русизмам» относится и сложное *коро-
ваѣмольць* (1), называвшее так тех, ‘кто совершает один из языческих
обрядов’ — почитание караяя. Оно зафиксировано только в церковном
тексте — «Слове о лживых учителях» (в Сборнике XIV–XV вв.): *Аще ли*
ти брать такъ непокоривъ и не послушаетъ трезваго оучениа. Боудеть ли
короваемолецъ. или рожаницемолецъ. Или резюѣмецъ... Ти бо жизни
вѣчныа не наследать. СбСоф. XIV–XV вв., л. 111а. На русское проис-
хождение слова *короваѣмольць* указывает использование в качестве про-
изводящего полногласного *короваи*, отмеченного в памятниках с XVI в.
(Сл XI–XVII, вып. 7: 333), но, как видим, существовавшего ранее. Рус-
ское слово было использовано, несмотря на наличие в книжной речи не-
полногласного *краваи* (ВМЧ. Дек. XVI–XIV в. — Сл XI–XVII, вып. 7: 402):
**краваемольць* лексикографически не зафиксировано. Конечно, сущ.
короваѣмольць вряд ли было употребительно в разговорной речи (как и
употребленное с ним в одном ряду *рожаницемолецъ*; ср. там же более
употребительное *резю(и)мьць*).

Можно предположить, что одним из церковных русизмов является
слово *православньи* в значении существительного: в Сл XI–XVII суб-
стантиват *православньи* представлен (в отличие от производящего при-
лагательного) только в русских памятниках, отражающих разговорную
речь, например: *И вси православнии о господѣ божѣ нашемъ повинове-*
ниемъ должни суть подаяти ему послушание. АИ I, 472, 1382 г.; *И бысть*
радость велика православнымъ о иконѣ святыа богородица. Моск. лет. 104.

2.2.3. В нашем материале имеется еще ряд разговорных названий лиц
(XI–XIV вв.), принадлежащих ко второму (характерологическому) под-
множеству, но в отличие от рассмотренных в разделе 2.2.2 непосредствен-
но не связанных с религией.

Сущ. *недоума* (1) (представленное в СДРЯ XI–XIV и Сл XI–XVII текстом берестяной грамоты) имело значение ‘тот, кто не думает’: невѣжа писа недума каза а хто се цита... ГрБ № 46, 10–30 XIV.

Сущ. *невѣголось* (3), означавшее, по СДРЯ XI–XIV, ‘невежественного, необразованного человека’ и ‘нехристианина’, зафиксировано, по данным этого словаря, трижды в древнейших летописях, причем два названных выше значения во всех трех контекстах, по-видимому, совмещаются: се же бѣ невѣголось. а наконецъ обрѣте сп(с)ные. ЛЛ 1377, л. 25 об.; баху бо тогда члѣвци невѣголоси и погани. ЛЛ 1377, л. 26 об.; баху бо людие погани, и невѣголо(с). ЛИ ок. 1425, л. 12 об. В Сл XI–XVII (вып. 11: 28) зафиксировано употребление этого слова в книжном переводном Богословии Иоанна Дамаскина только в значении ‘несведущий в чем-л. человек’: Земьному дѣлателю о сѣменьнѣи силѣ съказашю, невѣровати ся лучить невѣголосу земьнаго дѣла (τὸν τῆς γεωργίας ἀπειράτον). Ио. екз. Бог., 376, XII–XIII вв. В летописях и в ряде книжных памятников представлен неполногласный коррелят *невѣглась* и только в Рязанской кормчей 1284 — *вѣглась* (слово, отсутствующее в СДРЯ XI–XIV благодаря неправильному словоделению; ср. правильное словоделение: аще бо крѣмчи вѣгла(с) юсть хитрь обрашати корабль во время боу||ри. можеть сѣсти корабль ѿ погроужения. КР 1284, л. 124б–в; см. СДРЯ XI–XIV, IV: 372 и исправление СДРЯ XI–XIV, 5: 638).

Отсутствующее в СДРЯ XI–XIV полногласное *бессеребреникъ* представлено в Сл XI–XVII (вып. 1: 168) единственной цитатой из Служебной минеи за ноябрь (сп. XII в.): Источьникъ ицѣлению имуща сѣая бесеребрьника, ицѣление подаета всѣ(мъ) требующимъ. Мин. ноябрь, 269, XII–XIII вв. Это один из многочисленных примеров проникновения разговорных слов в книжные памятники, где представлен неполногласный коррелят *бессеребрьникъ*.

Естественно, что описанными словами круг разговорных существительных характерологического подмножества не исчерпывался. В более поздних русских памятниках, язык которых близок разговорной речи, впервые зафиксированы другие слова данного подмножества, которые могли существовать и до XV в. Рассмотрим эти слова.

Одним из немногих слов с суфф. *-тель*, которые отмечены преимущественно в светских памятниках, является сущ. *искатель* ‘1. тот, кто ищет что-л., жаждет чего-л.; 2. ищущий вину, обвинитель’. В СДРЯ XI–XIV оно отсутствует, а в Сл XI–XVII представлено в первом из названных значений только цитатами из светских памятников, начиная с XVI в.: (1558) Да отпустилъ съ Непеею мастеровъ многихъ дохторовъ и злату и серебру искателей и дѣлатарей. Ник. лет. XIII, 286. Во втором значении

слово отмечено в книжном памятнике XIV в.: Поимевѣ искатель ею (ассисatoreм). Прох. Жит. Ио. Бог. VII. Возможно, что и в первом значении *искатель* употреблялось в более раннюю эпоху.

Более раннее употребление возможно и для слова *перелестникъ* ‘обманщик, мошенник’, которое может быть результатом замены приставки в более употребительном книжном *прелестникъ* (ср. *прѣбродитисѧ < перебродитисѧ, прѣвабити < перевабити*, см. [Улуханов 1969: 116, 121]). *Прелестникъ* фиксируется в сочинении начала XVII в.: Перелисник, Perelestnik, Vorreder. Псков. разгов. I, 42; II, 27, 1607 г.

Зафиксированные только в старорусских памятниках, близких к разговорной речи, названия глупца (*глупецъ, дура, дуракъ, олухъ, остолопъ* и др.) могли, по всей вероятности, существовать в древнерусской разговорной речи.

Сущ. *глупецъ* впервые зафиксировано лишь в XVI в. в «церковно-бытовом» «Рассуждении инока князя Вассияна [Патрикеева] о неприличии монастырям владеть отчинами»: Мнози... сыщутся и начнут быти въ крылосѣхъ, по ихъ разуму, гораздые пѣвцы... На таковыхъ бы глупцовъ быть извѣтъ, аки воли ревутъ другъ предъ другомъ. Беседа Вал., 15, XVI в. и позднее — в *Книге обличений* Аввакума (XVII в.): Слушай гораздо, глупецъ. Ав. Кн. обл., 624, 1679 г.

В русских памятниках XVI–XVII в. впервые зафиксированы сущ. *дура* (Рече господь: что се сотворилъ еси? Онъ же отвѣща: жена, еже ми сотворилъ еси. Просто молыть: на што-де мнѣ дуру такую здѣлалъ. Ав. Сотв. мира, 671, 1672 г.) и *дуракъ* (А хто глупъ и грубъ, и крадлив и ленив, и ни во что не пригодитца, ни наказ<а>ние неимет, ино накормив да з двора спуститъ<ь>, и иные на такова дурака глядя не испортятъ<ся>. Дм., 136, XVI в.). Судя по развитой системе значений слова *дуракъ* (кроме значения ‘глупый человек’ оно имело значение ‘слабоумный, помешанный’, употреблялось для обозначения придворного и домашнего шута, и уже существовал фразеологизм *быть въ дуракахъ*), а также по большому количеству однокоренных слов (*дуравка, дурачество, дурачивовати, дурачище, дурачокъ, дурень, дурѣти* и др.), слово *дуракъ* и женский коррелят *дура* уже имели к XVII в. достаточно длительную традицию употребления.

С XVI в. зафиксировано сущ. *олухъ*. В Сл XI–XVII представлены употребления только в составе личного имени: Человѣкъ... Олухъ именемъ. Зин. Отен. Сл. ч. Ионы Новг., 378, XVI–XVII вв. ~ XVI в. Слово возникло в разговорной речи: производящее *волухъ* (Фасмер 1964–1973, III: 136) ‘волобий пастух’ (< *волъ*) фиксируется с XVI в. (Сл XI–XVII, вып. 3: 13).

В разговорной речи и также путем фонетических преобразований возникло *остолопъ* (< *столп, столб*; Фасмер 1964–1973, III: 165), зафикс-

сированное тоже только в составе имени собственного: Остолоп глаголет: Спаси, боже. Праздник каб., XVII в. 67.

Антонимичное значение выражалось зафиксированным в светских памятниках сущ. *искусникъ* 'тот, кто искусно, мастерски делает что-л.' (Искусники враче... глаголють. Травник Любч., 303, XVII в. ~ 1534 г.), *знатець* (Писаль князь Курлянский о 2 мастерахъ — одинъ мѣдной плавилщикъ, а другой рудной знатець, просять по 12 рублевъ на мѣсяць каждой. Док. моск. театра, 3, 1672 г. ср. позднее *рудознатець*) и *знатокъ* (А что ты, блѣдатель мои про бѣглых нашихъ крѣстьян писал, чтоб прислать знат<о>ка и будет по зимнему пути крѣстьяня твои к тебѣ поѣдут. Грамотки, 1662 г. 24).

В светских памятниках XV–XVII вв. зафиксировано еще несколько названий лиц второго множества, существование которых не исключено в более раннюю эпоху: *простаць* 'необразованный человек, простолюдин': Иже удари его патриаршу слугу и отъ царския трапезы изгна, яко простокa суща весьма. ПСЗ I, 654, 1666 г., *озорникъ* 'злостный нарушитель порядка, озорник': А таковых, государь, озорников в Павловском ниhto не запомнит: приставов бранят матерны и обухами бить хотят и не слушают. Хоз. Мор. I, 1652 г. 69; *попрошай* (*попрашай*) 'тот, кто просит, собирает подаяние, нищий': И въ тѣ деи ихъ деревни изъ моихъ волостей ѣздить попрашай жита просити. Арх. Стр. I, 35, 1475 г.; *попрошайка* 'то же': А ночевал у нас попрошайка Вырозерской волости Пантелей Сидоров. Олон. а., карт. VI, сст. 28, 1662 г.; *попрошатай* (*попрашатай*): А попрошатаем у них в волости просити не ѣздити (Уст. гр. в кн. Вас. Ив.) АРГ, 27, 1506; *крохоборъ* 'скупец, собирающий всякую мелочь, побирушка, нищий': Софронко Гришке говорил: нѣѣ де ты торговои, а досел<ь> де ты крохобор был. Якут. а., карт. 4, № 23, 23, 1642; *бездѣльникъ* 'бездельник, плут, мошенник': А игумена б Пимена братия слушали и повиновалися б игумену во всемъ, а бездѣльников и непослушников и ропотников смирял бы игумен з братьею. А. Пыскор. м., № 338, 19 об., XVII в. ~ 1589 г.; *непослушникъ* 'тот, кто не подчиняется, проявляет непокорство' (см. *бездѣльникъ*); *ропотникъ* 'тот, кто ропщет' (см. *бездѣльникъ*); *блядь*, *блядка* 'распутная женщина': (1475) А все черные люди, а все злодѣи, а женки все бляди, да вѣдмы, да тать, да ложь, да зелие, осподаревъ морять зелиемъ. Львов, лет., I, 305 и др.

Несмотря на продуктивность сложных и сложно-суффиксальных образований с *благо-* и *добро-* в книжных памятниках XI–XIV вв., довольно поздно зафиксированы *благожелатель* и *доброжелатель*, причем последнее — в светской «периодике» (грамотках): Подай бгъ тебѣ многолѣтное здорове на веки, со всѣми твоими доброжелатели. Грамотки, 16,

XVII–XVIII вв., а первое — в конце XVIII в. — в ЛВ¹, см. Сл XVIII, 2, 39. Возможно, что фиксации в данном случае существенно отстали от времени появления слов.

К числу нейтральных слов XI–XIV вв. данного подмножества относятся, например, *кръщении* (94), *кънижъникъ* (73), *върънии* (702), *лѣнивыи* (110) в роли сущ., *милостивыць* (5), *невежа* (44) [ср. книжное *невежда* (1)], *кръстианинь* (400) в значении ‘последователь христианского учения’ (в языке повседневного общения — ‘крестьянин’); *кръстианъ* (82) ‘то же’, *лѣжъ* (4) ‘лжец’, *чудотворыць* и др.

Характерологическое подмножество, как и следовало предполагать, обильно представлено словами, зафиксированными в XI–XIV вв. только в книжных памятниках. Таковы, например, *проповѣдникъ*, *поклонитель*, *поклонятель*, *изоувѣръ* (3), *въролюбыць* (1), *правѣдникъ*, *църкъвъникъ*, *ѡретикъ* (415), *язычъникъ*, *жидовѣствоующи* (ср. *жидовѣствовати* — 5), *доухоборыць* (25), *киникъ* (3), *лѣжепризъваникъ* (1) ‘тот, кто привержен ко лжи’, *лѣжеславъникъ* (1) ‘тот, кто рассказывает ложь, небылицы’, *лѣжесловыць* (5) ‘лгун, обманщик’, *маловѣръ* (1), *завистыникъ* (8), *моужелюбыць* (1) ‘человеколюбец’ (в «Житии Александра Невского», см. ЛЛ 1377, 168 и Ж. Ал. Нев. (Мал.), 189, XVI в.~XIII в.), *блоудъникъ* (94), *блоудъница* (131), *моужелюбица* (1), *моужелюбница*, *милостилюбыць* (1) — также в «Житии Александра Невского», *въжа* (7), *невѣжъными* (8) (в роли сущ.), *невѣжъствъными* (4) (в роли сущ.), *ненавистыникъ*, *человѣѡкненавидыць*, *человѣѡкненавистыць*, *къниголюбыць* (4), *подражатель*, *чародѣи*, *чѣдотворыць*, *мирникъ* (7) в знач. ‘мирный, миролюбивый человек’, *мирыць* (1) ‘то же’, *моудрыць*, *провидецъ*, *прозорливецъ*, *прелестыникъ*, *шьпѣтаникъ* ‘наушник, сплетник’, *кощоуныникъ* (4) ‘болтун’, *неумѣтель* (8), *недооумѣтель* (1), *неученыи* (7) (в роли сущ.), *грамотыникъ* (2), *ноужыникъ* (16) ‘тот, кто с усилием и постоянными трудами достигает чего-л.; подвижник’, *бессребрыникъ* (1) (ср. выше *бессеребрыникъ*), *сребролюбыць*, *съмиритель*, *послоушыникъ*, *затворыникъ* (24), *отъшьлыникъ* (2), *ошьлыникъ* (23), *ошельць* (7), *лицедѣи*, *лицемѣръ* (46), *трьпѣнь*, *тѣнеядыць*, *чѣдодѣиць*, *чѣдыникъ* ‘чудный, удивительный человек’, *ѡродъ*, *юродъ* ‘глупец, безумец’ и др.

3. Описав в предшествующих разделах состав национально-территориального и характерологического подмножеств, рассмотрим (по необходимости кратко и обобщенно) те слова, которым свойственна многозначность. Поскольку наличие двух или более значений чаще всего предполагает принадлежность слов к двум или более подмножествам, то изучение полисемии слов (а также связанных с ней контекстных явлений) означает изучение связей между подмножествами, а в историческом пла-

не — эволюцию этих связей. И связи и их эволюция могут быть весьма различны для разных подмножеств.

3.1. Рассмотренные в данной работе два подмножества, насколько можно судить по изученному материалу, семантически в древнерусском языке между собой были связаны довольно слабо: слов, у которых место жительства было бы связано семантически с характерологическими особенностями лица, в древнейших текстах было мало.

Рассмотрим эти связи; они имеют место и у разговорных слов.

В разделе 2.1.2.2 уже шла речь о сближении понятий «сельский житель» (первое подмножество) и «невежда» (второе подмножество). Это сближение, соответствующее точке зрения городских слоев, отразилось в контекстах употребления и лексикографической фиксации разговорных слов *селанинь* и *смьрдъ* (ср. также позднее *деревенищина* и фиксируемое не всеми словарями *деревня* в том же значении: Эх ты, деревня! [Ушаков 1935–1940, I: 691]). В связи с этой полисемией можно напомнить отмеченное Т.Н. Кандауровой, видимо, не случайное различие в речи горожанина и селянина: нази ходаще и боси ноги имуще сбодены тернье(ѿ) со слезами ѿвѣщеваху другъ къ другу глѹюще. азъ бѣхъ сего города, и другѹ а назь сена вси. ЛЛ 1377, л. 75, где «азъ — форма книжная, в речи горожанина, назь — народная, восточнославянская, в речи негорожанина» [Кандаурова 1968: 76].

Место жительства, образ жизни, деятельности и связанная с ними оценка личности сочетаются в семантике рассмотренного в разделе 2.1.2.2 разговорного слова *печерьникъ* и (судя по фиксациям в Срезн.) нейтрального *стѣльникъ* «отшельник, совершающий молитвы, стоя на небольшом столпе (или на открытой площадке, укрепленной на столбе, столбах), либо затворясь в тесной башенной келье» (РСС I: 203): И ту же близъ есть столпникъ, мужъ дивень и устрашень видомъ и старъ деньми. Дан. иг. (Нор. 48).

Название места жизни и/или занятий является мотивирующим для данных слов, но совмещение семантических компонентов места пребывания (деятельности) и характеристики можно усматривать и у других слов того же лексико-семантического ряда: нейтральных *инокъ* (27), *мнихъ* (917), книжных *отъшьльникъ* (2), *ошьльникъ* (23), *затворьникъ* (24), *тьмьничьникъ* ‘заключенный, узник’ (Срезн., т. III: 1084). Семантические компоненты места и характеристики для древнего периода функционирования этих слов следует рассматривать как компоненты одного значения, и лишь позднее у части этих слов развились переносные светские значения: *монах* ‘мужчина, ведущий строгий, суровый образ жизни’, *затворник*, *отшельник* — оба в знач. ‘человек, чуждающийся других, жи-

вущий уединенно' (СДРЯ XI–XIV, Сл XI–XVII и Срезн. этих значений не фиксируют).

Обратное отношение: характеристика (в данном случае речи), перенесенная на жителей определенной территории, — явление еще более редкое; оно имеет место у разговорных *нѣмьичиць, нѣмьчинъ, нѣмьци* (см. раздел 2.1.2.2).

3.2. Связи между двумя рассмотренными подмножествами не имеют массового и регулярного характера. Эволюция же регулярной семантической связи между подмножествами может быть продемонстрирована на материале характерологического подмножества названий лиц и лексического класса названий животных.

В РСС в характерологическом подмножестве лиц выступают следующие названия животных в переносном значении (приводятся в той же последовательности, что и в РСС): *динозавр, зубр, осел, ослица (ослиха), собака* в двух значениях: 'умелый и ловкий в каком-н. деле человек, мастак'; 'злой и грубый человек', *щенок, орел, зверь* в двух значениях: 'человек, делающий что-н. рьяно, с азартом'; 'жестокий, свирепый человек', *зверек, зверенок, ишак, кобыла, кобылка, ягненок, стрекоза, бирюк, сыч, индюк, мартышка, обезьяна, попугай, пустельга, ворона, клуша, медведь, поросенок, рыба, тетеря, тюлень, байбак, трутень, кобель, кот, самец, самка, гусь, жук, лис, лиса, лисица, прилипала(о), хамелеон, амeba, овца, слизняк, петух, аспид, гаденыш, гадюка, ехида, ехидина, ехидна, жаба, змееныш, змей, змеюка, змея, паук, пиявка, скорпион, гад, гадина, гнида, животное, пес, свинья, скот, скотина, сука, сучка, сорока*¹¹. Все эти слова находятся по крайней мере в двух разделах РСС — в характерологическом подмножестве и в лексическом классе «названия животных», т. е. рассматриваются в РСС по крайней мере как двузначные. В такой трактовке переносное значение является самостоятельным, независимым от контекста значением слова; ср.: Он считался *извергом, зве-*

¹¹ Переносные значения названий животных используются для обозначения названий лиц также: а) в физико-психологическом подмножестве (РСС I: 325–341; см. примеч. 2): *клоп, пигалица* в знач. 'крошка, малявка', *жаворонок, сова, бугай, выдра, глιστα, жеребец, кляча, кобыла, кобылка, корова, лошадь, мастодонт, слон, сморчок, каракатица, крокодил*; б) в подмножестве «названия собственно оценки, обращения» (РСС I: 341–350): *голубица, голубка, киса (киска)* в знач. 'мягкая и ласковая, располагающая к себе женщина, девочка', *орел* в знач. 'статный, крепкий и сильный мужчина, юноша', *сокол* в знач. 'молодой мужчина, юноша, отличающийся красотой, силой и удалью, отвагой', *цыпочка, букашка, козявка, тля, червяк*, в том числе употребляющиеся как бранные слова (об их описании см. РСС I: 62, 63), *аспид, выдра, гад, гадюка, жаба, звереныш, змееныш, змей, змея, кикимора, кляча, корова, осел, ослица, поросенок, свинья, скот, скотина, собака, сучка, троглодит*.

рем, где вторичное значение слова *зверь* выполняет ту же функцию, что и первичное значение слова *изверг*¹².

3.2.1. Сопоставим эти слова с тем, как отражены семантические отношения ‘животное — человек’ в исторических словарях русского языка (СДРЯ XI–XIV, Сл XI–XVII и Срезн.). Часть современных слов в этих словарях, естественно, отсутствует, но главное различие между подачей этих слов в современных и исторических словарях состоит в том, что переносные значения ‘лицо, обладающее признаками данного животного’ в исторических словарях в качестве отдельного самостоятельного значения или оттенка фиксируются очень редко, причем большая часть этих фиксаций приходится на старорусский период.

К древнерусскому же периоду относится фиксация сущ. *овца* в переносном значении: ‘обычно мн. Духовные чада: паства, прихожане по отношению к духовному наставнику’: Нѣсмь посыланъ, но тъкъмо къ овцамъ погыбъшимъ дому ийзлева (Матф. XV, 24). Ос. ев. 1056–57, 115, 1057. Впоследствии это значение устарело и развилось другое переносное значение, не фиксируемое в XI–XVII вв. — ‘бессловесный, чересчур покорный человек’.

Сущ. *скоть* в одном из своих значений (‘люди, вверенные чьему-л. попечению, заботам’) было близко названному выше значению сущ. *овца*: Смотрѣнѣ разумѣваи дѣше стада своего и пристави сѣрдце свое своихъ стадѣхъ, и упасеть правдникъ дѣшу скоть своихъ (Притч. XII, 10: κτηνῶν αὐτοῦ). Панд. Ант., 163, XI в. Позднее оно фиксируется в значении ‘человек, уподобившийся животному своим поведением или состоянием’ (Не лѣнуйтеся братъ<и>е о своемъ сѣснии, ни пребывайте скоти. безъ въздержания ядуще и пьюще. Пролог (Срз.), л. 220 об. XV в.) и в качестве бранного слова: Она несть достойна, что познал ю при себе. Неблагодарной скот! Артакс. действо, 149, XVII в.

Еще одной известной нам фиксацией, относящейся к древнерусскому периоду, отражающей скорее характер источников, чем систему языка, является фиксация в Срезн., т. III: 1013 слова *трутень* только в значении ‘тунеядец’: Укоряете ядущихъ и піющихъ святителевъ и поповъ, рекуще, яко Жидове, Христови трутни, глаголющи. Грам. митр. Ант. 1394 г.;

¹² Многозначность названий древнерусских животных, представленная довольно регулярными моделями (‘животное’ → ‘похожий на него человек’ и ‘животное → мясо животного’; ср. также ‘шкура белки’, ‘кость слона’), в остальном довольно ограничена и к названиям лиц не имеет отношения: *бѣлка*, *бѣла*, *вѣкъша*, *коуна*, *коуница* ‘денежные единицы’, *скоть* ‘деньги’, *коза* (13) ‘вид железной подставки, таган (?)’; *козьль* (31) ‘деревянная колода с отверстием для шеи’, *свиния* ‘особое расположение войска для нападения’, *слонь* ‘стенбитное орудие’, *козорогъ*, *скорѣпиши* (*скорѣпиосъ*, *скрапиши*) — знаки зодиака, *змѣи* ‘пушечный снаряд’ и мн. др.

при этом в прямом значении ‘в пчелиной семье: насекомое — самец, выкармливаемый рабочими пчелами, зафиксировано только *трьмъ*: Яко же трouth троудъ бьчелинъ насть (ἡ σφήκη τοὺς πόνοὺς τῶν μελλουσῶν ἐσθίει). Панд. Ант. XI в., л. 87.

Сл XI–XVII в памятниках старорусского периода фиксирует переносные значения (или оттенки) лишь у следующих из перечисленных выше названий животных:

1) *гадь* ‘отвратительный, мерзкий человек’: Есть обрѣтаются нѣкоторыя гады, изъ чрева своего гадять по челоуѣкообразию быти бога. Ав. Кн. бес, 339, 1675;

2) *ехидна* (в Сл XI–XVII дано как оттенок значения названия животного) ‘злой и лукавый, лицемерный человек’: Но убо ехидна сия [Марина Мнишек] аще и не водою, яко же та, но Росия вся, миръ нашъ кровию отъ нея потоплень бысть, кто не вѣсть? Врем. Тим., 371, XVII в.;

3) *зверь* ‘жестокий, свирепый человек’: Бе бо и сам той литовский король, неистовый зверь и неутолимый аспид, люторския своєю веры воин, и рад бе всегда кровопролитию и начинания бранем. Пов. прихож. на Псков.², 128, XVII в. ~ 1577 г. (у *аспидъ* в Сл XI–XVII, I, 33 переносного значения не выделено);

4) *собака* ‘злой, грубый человек’ (1571): Владыко Леонидъ... всѣмъ священникомъ, и старостамъ, и десяцкимъ, и пятидесяцкимъ новгородцкимъ велѣлъ ризы с себя снимати, а говорилъ священникомъ: собаки, воры, измѣнники, да и всѣ новгородци с вами! Новг. II лет., 102, XVI в.;

5) *скоропей* (*скоропая*) ‘злобный, жестокий человек’: И приять по немъ царство Казанское сынъ ево Мамотякъ, отъ скоропая — змеи, ото лва (о сравнении со львом см. п. 3.2.2.2.1) — лютый зверь, кровопи<и>ца же. Ист. о Каз. ц., 20, XVII в. ~ XVI в.

В единственном случае отмечено обратное отношение между словами: Сл XI–XVII фиксирует, в отличие от РСС, переносное значение у сущ. *соловей* ‘искусный певец или слагатель песен’: Умъ бжѣствный дѣа прѣсто цѣвѣница всесъвърстная, соловий добръпѣсный (ἀηδών). Мин. окт., 82, 1096 г.

Трудно сказать, насколько эти словарные фиксации отражают реальную ситуацию: вполне возможно, что в разговорной речи часть названий животных уже употреблялась в переносном значении ‘лицо, сходное с данным животным’, но осталась не зафиксированной историческими словарями по крайней мере по двум причинам. Во-первых, эти употребления в силу их экспрессивности редко попадали в средневековую письменность и нашли гораздо более широкое отражение лишь в литературе нового времени (изучение хронологии и деталей этого процесса выходит

за рамки данной работы). Во-вторых, судя как по историческим, так и особенно по современным толковым словарям, отсутствуют четкие критерии выделения переносных значений названий животных и прежде всего отделения употребления названия животного применительно к человеку от значения ‘человек, обладающий свойствами данного животного’. В данной работе мы условно проводим границу между названными явлениями, руководствуясь наличием или отсутствием в контексте средств, указывающих на сравнение (ср. *зверь* ‘животное’ в контексте *он был зол как зверь* и *зверь* ‘жестокый, свирепый человек’ в приведенном выше контексте *он считался извергом, зверем*). Поскольку в контекстах типа *он зверь* потенциально может выступать любое существительное, то естественно, для того чтобы приобрести системное (узусное) значение такие употребления должны быть достаточно частотными, войти в языковую традицию.

Если руководствоваться названными критериями, то можно несколько расширить круг приведенных выше древнерусских и старорусских названий, у которых есть основания усматривать значение ‘человек, обладающий свойствами животного’. Приводимые ниже значения историческими словарями не фиксируются:

1) *осель* ‘глупый человек’: осель ли еси сопѣльнаго гла(с) слышана и неразумень пребываа. ЖВИ XIV–XV, л. 115 г.;

2) *пиявица* ‘жадный, ненасытный человек’: Римляне несѣти сут<ь> Соломонскыа, предавающе живот свои и душу свою на мздѣ. Флавий. Полон. Иерус. 1,108, XVI в. ~ XI в.;

3) *сука* ‘безнравственный, гадкий человек (чаще — женщина)’: Съ выпросимъ: что ѣсть жена; и бѣвѣща. домоу пагоуба... обоуимающи львица, оукрашена ехидна, лъстива сука, животина лоукава. ноужное зло. Пч н. XV (1), 134 об.;

4) *агна* (ср. агнец) ‘кроткий, добрый человек’: съ || бѣ <епископ> *агна* а не волкъ не бѣ бо хытаа ѿ чюжи(х) домовъ бѣтства. ЛЛ 1377, л. 149 об.–150.

В данном разделе (3.2.1) были рассмотрены употребления в памятниках XI–XVII вв. слов характерологического множества, имеющих переносное значение ‘человек, обладающий признаками животного’.

3.2.2. Ниже (в разделах 3.2.2.1 и 3.2.2.2) будут рассмотрены контексты, в которых, в отличие от описанных в разделе 3.2.1, названия животных не приобретают указанного выше значения, но имеет место сравнение данного животного с человеком, выраженное определенными средствами (чаще всего союзом *ако* и т. п.). Эти употребления названий животных можно рассматривать как примыкающие к характерологическому подмножеству средства, указывающие на свойства лица, с которым сопоставляется животное.

Развитие самостоятельных переносных значений у названий животных явилось, надо полагать, результатом многих (но далеко не всех) сопоставительных употреблений лица и животного, которые имели место начиная с самых ранних памятников.

Сравнение лица и животного в контекстах может осуществляться на основе признаков, одни из которых мы назовем узуальными (системными) (рассматриваются ниже, п. 3.2.2.1), а другие — окказиональными (текстовыми) (п. 3.2.2.2).

Узуальные сопоставительные признаки животного — это такие признаки, которые закрепились в переносном значении узуального слова со значением ‘лицо, обладающее признаками животного’, например: *зверь* в значении ‘жестокий, свирепый человек’ имеет в своем значении узуальные признаки (‘жестокооть’, ‘свирепость’); на основании этих признаков в контекстах может иметь место сопоставление лица и зверя: онъ же [Батый] яко свѣрпыи (в др. сп. сверѣрпыи) звѣрь. не пощади оуности его. велѣ предъ собою зарѣзати. ЛП ок. 1425, л. 263 об. В этом контексте *звѣрь* имеет значение ‘животное’ благодаря наличию показателя сравнения (*яко*).

Окказиональные сопоставительные признаки — это признаки, которые отсутствуют в значении названия животного, но на основании этих признаков в контекстах имеет место сравнение названий человека и животного. Так узуально *медведь* в перен. значении (закрепившемся, по-видимому, достаточно поздно) — это ‘неуклюжий, неповоротливый человек’; в XI–XVII вв. зафиксировано лишь сравнение на основе окказиональных признаков — издаваемых звуков (*верескати* ‘громко пронзительно кричать’): и къ бесѣдѣ сѣѣ. свѣтлоу быти подобае, не раздвоѣньмъ гл(с)мъ. ни силно разливаа. и ревыи. въ бѣихъ п(с)ѣхъ надымаѣса ноужоу. хотя (с) расѣсти. и глада сѣмо и овамо. верескаа акы медвѣдь. и клича елико могыи. ПНЧ 1296, л. 135.

3.2.2.1. Рассмотрим сравнение человека и животного на основе узуальных признаков. Помимо приведенного выше сравнения зверя и человека по признакам жестокости и свирепости, в древних текстах представлены такие, например, сравнения на основе узуальных признаков, не нуждающихся в комментариях: лъстити яко лисица... (ὥς ἀλώπηξ) ФСт XIV/XV, л. 179г; Змиа надомъ погоублаеть члѣвки. а жены злооумна зельи. Мен. н. XV, л. 184; иадъ же лукавств(а) сблюдаеши акы аспида и ехидна. ПрЮр XIV₂, л. 261в; но мы на злое възвращаемсѣ. акы свиньи в калѣ грѣховнѣмъ присно калающеса и тако пребываемъ. ЛЛ 1377, л. 56 об.

Некоторые названия животных выступают преимущественно в контекстах сопоставительного типа, и это способствует закреплению переносного значения у данного названия животного. Такой «трафарет ситуа-

ции» [Лихачев 1979: 80–83, 87] свойствен, как известно, сюжетам, связанным со Священным Писанием. Иллюстрацией может служить история слова *агнец*: ‘1. Ягненок, жертвенное животное. 2. перен. кроткий, невинный человек’.

Как книжные *агньць* (142), *агна* (9) (СДРЯ XI–XIV, I: 73), так и редко фиксируемый коррелят *ягна* (Срезн., III: 1638) выступают главным образом в контекстах, где ягненок сопоставляется с человеком: *овъ бо пробоудениѣ въ ребра приать. овъ же ако агньць заколенъ бысть*. Стих 1156–1163, 73; *Но не возри на мя, княже господине, яко волъ на ягна*. Сл. Дан. Зат. 230. На базе таких контекстов возникло переносное значение слов *агнец* и *ягнёнок*, в котором они вошли в характерологическое подмножество (хотя в РСС у *агнец* переносное значение почему-то не отмечено).

3.2.2.2. В текстах XI–XIV вв. имеется немало сравнений человека с животным на основании окказиональных признаков, которые впоследствии никак не закрепились в семантике названия животного. Как и рассмотренные выше закрепленные (узуальные) признаки, они характеризовали лицо.

Часть названий животных, представленных в этих сравнениях, развили переносные значения на основе других — узуальных — признаков (рассматриваются в разделе 3.2.2.2.1), часть — вообще не развили переносного значения ‘лицо’ (рассматриваются в разделе 3.2.2.2.2).

3.2.2.2.1. Помимо приведенного выше сравнения человек — медведь (п. 3.2.2) укажем ряд контекстов, в которых имеет место сравнение человека с животным на основе окказиональных признаков; приведем также закрепленные позднее узуальные значения названий этих животных:

1) *подобает(т) беспрестани оумомъ възбранити языку и въздержати строуга его да не боудемъ безоумнѣше гоусии*. Пч н. XV (1), л. 90; ср. узуальное *гусь* ‘в некоторых сочетаниях ловкач или мошенник, пройдоха’;

2) и *гоубаше* *яко* и *коркодилъ*. ЛИ ок. 1425, л. 245; ср. узуальное *крокодил* ‘человек некрасивой, отталкивающей внешности’;

3) *разгнѣваса зѣло* и *яко лвъ рикнуувъ на правдѣнааго*. ЖФП XII, 58в; ср. узуальное *лев* ‘человек высшего света, пользующийся в нем большим успехом’;

4) *егда бо гнѣванаса пѣхаети* *яко осель*. ПрЮр XIV₂, л. 261в; ср. *осел* ‘тупой, упрямый и глупый человек’;

5) *Яко же червь въ древѣ тако же моужа гоубить жена злодѣица*. Пч н. XV (1) л. 133; ср. *червь* ‘в сочетании со словами *сомнение*, *раскаяние*, *зависть* и некоторыми другими: о затаенном, постоянно мучающем чувстве’.

Сущ. *орел* в современном языке имеет два переносных значения, основанных на разных признаках: в одном из них акцентируются внутренние качества (‘отважный, сильный и решительный человек’), возможно, пере-

секающиеся с тем, на чем основано сравнение в тексте XIV в.: мыслью пара акы ѿрель. Пр 1383, 1086; другое относится к физико-психологическому подмножеству ('статный, крепкий и сильный мужчина, юноша'). Ср. РСС, I: 325–341.

Как видим, во всех перечисленных в разделе 3.2.2.1 случаях характерологические переносные значения у названий животных развились не на основе тех сравнений этих животных с людьми, которые зафиксированы в текстах XI–XIV вв.

Риторическим приемом, нередким в книжных текстах, были целые серии сравнений, одни из которых основывались на узуальных, другие — на окказиональных признаках: егда бо гнѣванася пѣхаети іако осель скачещи аки быкъ. ржеші іако конь на жены питаешиса аки медвѣдь. добылиши тѣло аки мска и вперѣ. помниши злобу аки велблудъ. грабиши же аки волкъ. гнѣваешиса аки змии. врѣжаеши аки скоропина. лицемѣрствуеші же аки лисица. іадъ же лукавств(а) сблюдаеші аки аспіда и ехидна. ненавидиши же члѣбкі аки рысь. враждуеші же аки злыи бѣсъ. просто рещи аки коза и щеница. ПрЮр XIV₂, л. 261в.

Разные признаки, основанные на разных ассоциациях с одним и тем же животным, могут использоваться в сравнениях этого животного с человеком. Так, сравнение с муравьем в одном из текстов основано на покорности (Егда припадаеши предъ бѣмъ въ мѣтвѣ. так боуди въ помысле своемъ. аки мравина и іако гадъ земныи. ПНЧ 1296, л. 120 об.), в другом — на трудолюбии (Жена добра в домоу акі мравии. Мен. к. XIV, 184). Одно из таких сравнений может быть узуальным (ср. узуальные признаки приведенных в разделе 3.2.2.1 сравнений со свиньей и аспидом), другое — окказиональным ('злая жена' — 'свинья': Іако же оусеразь златъ въ ноздрѣхъ свинии. тако же и женѣ злосъмыслѣнѣ краса. Изб 1073, л. 170; 'безумный' — 'свинья' и 'пес': Псомъ и свиніямъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса. Сл. Дан. Зат. (Срезн., т. III: 272); 'не желающий слышать полезных или обвинительных слов' — 'аспида': и акы аспиды затыкаемъ оуши свои. іако же не слышати что ны єсть на ползу дѣши. СбХл XIV₁, л. 100 об.; аспіда оуши свои затыкають. абы не слышати гла(с) обавнича. МПр XIV₂, л. 33об.).

3.2.2.2. В данном разделе приводятся сопоставительные употребления в текстах XI–XIV вв. тех названий животных, которые вообще не развили переносных значений. Таковы сущ. *вепрь*, дрр. *мѣскъ* 'мул', *верблюд*, *вол*, *коза*, *конь*, *моуха*, *рысь*, интерпретированные как в исторических, так и в современных словарях как однозначные, хотя они могут иметь известные постоянные коннотации: *работает как вол*, *как верблюд*; *эх ты, коза* и др.

В текстах XI–XIV вв. они используются для характеристики человека посредством сравнения его действий или свойств с животным: добльши тѣло аки мска и вепръ. ПрЮр XIV₂, л. 261в; достигнути по еству ище-маго гнѣвается. нако вельблудъ. ФСт XIV₂, л. 179г; кою бо оумилениѣ мнихомъ. ѡгда стоять въ келии и въ цѣркви. и възвысать гла(с) свои на(с)ко (во)лове (οἱ βόες). ПНЧ 1296, 124 об.; егда бо гнѣванася. пѣхаеши на(с)ко осель <о таком сравнении с ослом см. выше. [И.У., Т.С.] > ... враждуеші же аки злыи бѣсѣ просто рещи аки коза и шеница. ПрЮр XIV₂, 261в; да не будете на(с)ко ко(н) и мѣскъ. в нихже нѣ(с) разума. ГБ к. XIV, 82в; ѡкоже моухы сдраваа оудеса прелѣтають, а къ гноинымъ мѣстомъ прилипають. тако же и завистливи. (αἱ μύραι). Пч н. XV в., 104; сердить же бы(с) на(с)ко и рысь. ЛИ ок. 1425, л. 245.

3.2.3. Особым типом семантического сопоставления названий лиц и животных, используемым только в языке повседневного общения, являются зафиксированные в светских памятниках названия животных в составе личных имен: *Коза*: а оу козѣ вытѣши ѿ грѣвнѣ. климате възати. Гр ок. 1255–1257 (новг.); *Козьль*: и тогда оубиша. Половецкого князя. Козла Сотановича. ЛИ ок. 1425, л. 219; *Овѣца*: что есмь купи(л) у овцы оу ивана. Гр 1353 (моск.); *Паоукъ*: и възведе городъ Шюмескъ. и посла Володимиру посадника Паоука кормилца Володимира. ЛИ ок. 1425, 195.

Таким образом, в истории языка можно констатировать увеличение связи между характерологическим подмножеством лиц и классом животных.

Употребление названий животных в значении «лицо, обладающее признаками данного животного», а также в рассмотренных выше сопоставительных контекстах свойственно всем разновидностям языка Древней Руси, за исключением деловой речи.

3.2.4. Рассмотренная связь между характерологическими названиями лиц и названиями животных является однонаправленной: первые редко используются для характеристики вторых; ср. характеристику животных посредством сопоставления с сущ. *царь*: Ѡре^ѣ цѣрь на^ѣ птїцами, а ѡсетрь на^ѣ рыбами. Сл. Дан. Зат. (Булс.) (ср. *царь-колокол*, *царь-пушка* и т. п.).

3.3. Итак, мы рассмотрели в диахроническом аспекте отраженные в полисемии описываемых слов связи между рассмотренными в работе национально-территориальным и характерологическим подмножествами (эти связи достаточно ограничены и не пополняемы новыми фактами) и связи между характерологическим подмножеством и лексическим классом названий животных (эти связи регулярны и пополняются новыми фактами). Описанными явлениями полисемия слов рассматриваемых подмножеств не исчерпывается. Укажем еще ряд явлений, связанных с их полисемией.

3.3.1. В характерологическом подмножестве, полисемия которого, как ясно из изложенного, была достаточно развита (хотя и гораздо меньше, чем в современном языке), наряду с семантической моделью «животное» → «лицо», существовала и развивалась полисемия в рамках модели «материальное» → «духовное», реализовавшейся в разнообразных конкретных разновидностях. Возможно, одной из ранних реализаций этой модели был перенос ‘твердый предмет из дерева’ → ‘глупый человек’, а одним из ее наиболее ранних конкретных представителей было сущ. *бълванъ* в значениях ‘идол’ и ‘столб, чурбан’, фиксируемых с XII в. (СДРЯ XI–XIV, т. I: 328), а в значении ‘тупица, неуч, невежда’ — с XVII в. — в фольклоре (Что взговорит млад Алеша Попович: Гѣдръ ты, ласков князъ<ь> Владимиръ Киевской, али ты, гѣдръ, с княинею не в любви живешь, что промеж вами болван сидит негѣсоной. Отр. был., 59, XVII в.) и в деловой письменности (Будто великий государь глупъ и болванъ, и дуракъ. Д. Иос. Колом., 7, 1675). Скорее всего эти фиксации (как и многие другие) отстают от реальных процессов; во всяком случае переходные стадии, т. е. контекстные сопоставления человека с идолом, фиксируются гораздо раньше: онъ же стояше акы бълванъ. държа стѣклницю съ винъмь. ЧудН XII, 71.

Аналогичный семантический переход имел место и в истории слова *остолопъ* (см. п. 2.2.3.).

У сущ. *дубина*, *дубъ*, *истоуканъ*, *полѣно*, судя по СДРЯ XI–XIV и Сл XI–XVII, эта семантическая модель еще не реализовалась.

От материального к духовному развивалась и история слова *крохобор*: компонент ‘собирать’ утратился и слово приобрело морально-оценивающие значения: ‘1. склонный к мелочной скупости; 2. внимательный к мелочам в ущерб общим, широким вопросам’.

У некоторых характерологических существительных перенос от материального к духовному осуществлялся, возможно, одновременно с возникновением слова, т. е. слово возникало сразу в переносном значении, причем прямое значение не фиксируется (ср. [Шмелев 1962: 138–144]). Такой процесс мог иметь место (достаточно рано) при возникновении книжных *сластолюбьць*, *бессребрьникъ*, *подвижьникъ*, нейтрального *сребролюбьць*, возможно, разговорного *бессеребрьникъ*.

Вполне возможно возникновение переносных значений этих слов путем калькирования. Так, сущ. *бессребрьникъ*, очевидно, калькировано греч. ἀνάρυρος (от ἄρυρος ‘1. серебро; 2. деньги (в частности, серебряные)’): Козма и дамианъ стѣна бѣсребрьника бѣста. (ἀνάρυροι). Пр 1313, л. 80г.

3.3.2. Как видим, характерологическое подмножество эволюционировало неизмеримо более интенсивно, чем национально-территориальное.

Одним из проявлений этой эволюции было появление новых семантических моделей, т. е. развитие однотипных значений у серий слов. Укажем несколько таких серий, относящихся к характерологическому подмножеству. Их анализ не является задачей данной работы, поскольку развитие большинства серий выходит за ее хронологические рамки. Развитие этих моделей, по-видимому, во многом является отражением все большей роли разговорной речи в истории литературного языка. Так, исторические словари не фиксируют вторичных значений у таких, например, серий слов (значения поясняются указанием сочетаемости или толкованием):

1) *апостол* (*добра*), *враг* (*курения*), *друг* (*истины*), *охотник* (*до развлечений*) (РСС I: 73);

2) *мудрец* ‘человек, относящийся к жизни философски, спокойно и мудро’; *философ* ‘человек, относящийся к житейским ситуациям разумно, рассудительно и спокойно’ (РСС I: 81, 82);

3) *мещанин* (*узкий мир мещанина*), *обыватель* (*серая жизнь обывателя*) (РСС I: 82);

4) *вошебник* (*кисти*), *гигант* (*мысли*), *голова* (*ну ты и голова!*), *исполн* (*сцены*), *кудесник* (*музыки*), *ум* (*лучшие умы*), *чародей* (*рифмы*), *чудотворец* (*врач-чудотворец*) (РСС I: 87, 88);

5) *бес* (*бес-девка*), *дьяволенок* (*‘сорванец’*), *разбойник* *‘шалун’* (РСС I: 98, 99) и др.

Отсутствовал, по-видимому, перенос типа «сущ. — абстрактное качество» → «носитель этого качества»: *бездарность*, *бестолковица*, *бестолочь*, *посредственность*, *серость*; *дарование*, *темнота*, *простота*, *мразь*, *погань*.

Не фиксируют исторические словари и многочисленные серии экспрессивно-оценочных слов, в том числе и возможные в древнерусский период со структурно-словообразовательной точки зрения: *писака*, *грамотей*, *войка* и т. п.

4. В данной работе мы ограничились рассмотрением двух подмножеств названий лиц, зафиксированных в памятниках XI–XIV вв. и отчасти XV–XVII вв.

В работе описаны национально-территориальное и характерологическое подмножества названий лиц в соответствии с классификацией, данной в РСС I применительно к современному языку, но пригодной, с нашей точки зрения, и для лексики предшествующих эпох. Рассмотренные семантические подмножества и в эти периоды существенно различаются между собой как по количественному составу и структуре (центр и периферия), так и по соотношению образующих их функционально-стилистических разрядов (разговорные, нейтральные, книжные слова).

Из рассмотренных двух подмножеств больше разговорных слов в XI–XIV вв. имело, несомненно, национально-территориальное подмножество, содержащее большое количество названий жителей, которое могло постоянно пополняться исконно русскими разговорными словами с появлением новых мест обитания. Можно считать, что разговорные слова составляли центр данного подмножества.

В характерологическом подмножестве, как оно отражено в памятниках, центр составляли, наоборот, нейтральные и книжные слова, а разговорные — периферию.

Изучение других подмножеств названий лиц XI–XIV вв., описание которых в связи с недостатком места не вошло в данную работу, выявило некоторые другие особенности размещения и состава функционально-стилистических разновидностей слов в пределах подмножеств. Так, центр подмножества терминов родства составляют нейтральные слова, означающие ближайшее родство; специфика же разговорной периферии этого подмножества состоит в том, что она включает стилистически маркированные синонимы или деминутивы, образованные от нейтральных «центральных» слов.

Название лиц «по сословному положению, титулованию, по экономическому, правовому состоянию, по положению личного господства или зависимости, по обладанию собственностью» (РСС I: 129–154) (условно эту группу можно назвать сословным подмножеством) с точки зрения изучаемой структуры являются полицентричными: один центр образуют довольно многочисленные разговорные слова (*пань*, *боляринь*, *холопъ*, *истыць*, *закладъникъ* и др.), а другой — нейтральные (*господинъ*, *господь*, *боларинъ*, *коупьць*, *къназь*, *рабъ* и др.).

Как видим, структура подмножества тесно связана с его семантикой.

Генетический состав каждого подмножества заслуживает специального изучения. Необходимо детально определить, каким образом происхождение слова было связано с его семантическими и функционально-стилистическими особенностями. Здесь мы лишь отметим, что западные заимствования (*пань*, *пани*, *герцогъ*, *шляхтичъ*) входят в язык повседневного общения через деловую и устную речь и в книжных памятниках почти не употребляются.

Размеры работы не позволили нам описать процессы семантического взаимодействия внутри лексико-семантических рядов (и уже — синонимических рядов), но мы надеемся, что в работе есть материал для описания такого взаимодействия.

Дальнейшее изучение разговорной древнерусской лексики на более полном материале в ее взаимодействии с нейтральной и книжной лекси-

кой, выявит, надо полагать, новые закономерности этой связи и семантические особенности каждой из выделенных единиц классификации. Расширение хронологических рамок диахронического изучения каждой из групп (в идеале возможное до современности) могло бы открыть закономерности формирования различных хронологических пластов в пределах лексических множеств, подмножеств и лексико-семантических рядов.

Данную работу можно рассматривать как начало описания семантики лексики языка повседневного общения Древней Руси на фоне нейтральной и книжной лексики, как попытку семантической классификации части лексики XI–XIV вв. и как небольшой шаг к созданию идеографических и синонимических словарей древнерусского языка. Осуществление этих работ открыло бы новые возможности исследования лексики языка Древней Руси с различных точек зрения, а также дало бы материал для суждения о языковой картине мира этого периода.

Причины семантического преобразования славянизмов (на материале глаголов с приставкой *пре-*)

Изучение роли славянизмов¹³ в процессе развития русского литературного языка велось обычно на материале тех памятников, в которых получили серьезное отражение как народно-разговорные, так и книжно-славянские элементы. И это закономерно, так как только на этом материале можно наблюдать процессы их взаимодействия. Однако почти совершенно не изучались особенности функционирования лексики самого книжного языка. Между тем, такое изучение, по-видимому, могло дать ответ на вопрос о причинах тех изменений, которые претерпевает эта лексика, поскольку ее функционирование в многочисленных, но довольно однообразных по тематике церковно-книжных памятниках не могло не способствовать известной стандартизации ее употребления, а это вело во многих случаях к семантическим сдвигам.

Неоднократно отмечалось, что в результате семантического взаимодействия славянизма и народно-разговорного слова первое получает значение, относящееся к абстрактно-духовной сфере, второе — к конкретно-материальной. Причины этого явления обычно конкретно не анализировались, поэтому создавалось впечатление, что абстрактность — качество,

¹³ Славянизмами мы называем те элементы, которые вошли в состав древнерусского языка из старославянского и церковнославянского языка.

искони присущее старославянской и церковнославянской лексике, а конкретность — народно-разговорной.

В данной работе на материале однокорневых соотносительных пар глаголов с приставками *пре-* и *пере-* будет сделана попытка указать некоторые причины развития этих значений (а следовательно, и семантического расхождения славянизма и соотносительного народно-разговорного слова), а также конкретно описать эти процессы. Аналогичные явления характерны, по-видимому, и для других пар, члены которых перестали быть синонимами.

Мы рассмотрим те пары глаголов с приставками *пре-* и *пере-*, у которых можно усматривать на протяжении XI–XVII вв. не только стилистические отличия, но и такие особенности употребления, которые привели к семантическим отличиям. Это глаголы *предати* – *передати*, *преступити* – *переступити*, *пресечи* – *пересечи*, *прервати* – *перервати*, *преградити* – *перегородити* (глаголы рассматриваются в порядке убывающей частоты употребления).

Основным методом изучения значения соотносительных пар следует признать максимально полное исследование контекстов¹⁴. В тех случаях, когда контексты, в которых употребляется один член пары количественно и качественно отличаются от контекстов, в которых употребляется другой член пары, создаются условия для семантической дифференциации.

1. *Предати* – *передати*. Сочетаемость возможности слова *предати*, как и его производящего *дати* в книжном языке XI–XIV вв., весьма велики. Значение приставки *пре-* включает в себя семантический элемент «направленность от одного предмета к другому», имеющийся и в значении основы, и глагол в целом означает широко понимаемую передачу практически любого предмета или явления другому предмету или явлению, причем ни характер этой передачи, ни характер этих предметов и явлений самим глаголом никак не ограничиваются. Любое существительное, значение которого давало возможность ему выступать в качестве «объекта» и «адресата» широко понимаемой передачи, могло, очевидно, сочетаться с глаголом.

В дальнейшем же сочетаемость возможности глагола типизируется и ограничивается.

¹⁴ В семантических исследованиях последнего времени особенно выделяется мысль об изучении роли синтагматических связей слова в процессе изменения его значений. Дистрибуция глагола используется как показатель его семантических свойств; при этом учитываются и количественные характеристики этой дистрибуции. Важность изучения слова в его синтагматических связях признается и для лексико-стилистических исследований. См. об этом, например, [Бельчиков 1965: 29].

Разнообразие семантических групп слов, сочетающихся с глаголом *передати* в книжном языке XI–XIV вв., говорит о том, что глагол еще не утратил своего общего значения. Вместе с тем, в сочетании с каждой из таких групп характер этого значения конкретизируется; каждая такая конкретизация представляет собой то, что называют «контекстным значением» или «контекстным видоизменением значения». Оно и кладется в основу дальнейшего описания. Как среди «объектов», так и среди «адресатов» передачи будут выделены семантически близкие группы слов.

Контексты, в которых глагол означает конкретное материальное действие — передачу предмета из рук в руки, — до XIV в. немногочисленны, а после XIV в. в нашем материале не зафиксированы. Они встречаются главным образом в церковно-юридических произведениях при описании монастырского быта, например: на всякъ же днь избывающее брашно. прѣдъ враты просящии братии нашеи. келарьмъ да *прѣдано* будетъ. Уст. к. XII, л. 200 об. В качестве объекта здесь обычно выступает название конкретного предмета, в качестве адресата — одушевленное имя существительное.

В употребительной формуле *передати духъ (душу) богу (гѣи, в руцѣ бии)*, отмеченной более 150 раз в использованных нами памятниках, глагол означает 'передать, отдать'.

Основную роль в изменении значений глагола сыграли, естественно, наиболее типичные контексты его употребления. Однотипные ситуации способствуют возникновению своего рода семантических моделей контекстов глагола *передати*. Одной из таких ситуаций, характерных для содержания книжных памятников, является ситуация «отрицательного» характера: лицо (реже предмет) передается в руки врага, мучителя и т. п. Возникает семантическая модель контекста глагола: объект передачи — лицо (реже предмет), адресат — лицо отрицательного характера — враг, мучитель, нечестивый и т. п.

Эти контексты встретились в нашем материале около 350 раз, что составляет примерно треть всех употреблений глагола в использованных нами памятниках XI–XVII вв.

Примеры: Видѣ въ сынѣ прѣславна цря глѹшта *прѣдадите* и *фоуѣ* воину да и осудить. Изб 1076, л. 129; и старци де святогорския того старца *предали* турку, и турокъ де держаль его в темницѣ многое время. Сух. Прен., 54; ср. названия адресатов, употребительные для изображения этой ситуации: *передати*: врагу. ПНЧ 1296, л. 169 и др.; противну. ПНЧ 1296, л. 76; иноплеменьником. ГБ к. XIV, л. 12а, ПКП 1406, л. 164 и др.; языкомъ. ГБ к. XIV, л. 120а и др.; мучителю. ПрЛ 1282, л. 18а и др.; пяти воинъ. ПрЛ 1282, л. 41а; катомъ. Ист. о вел. кн. Моск.: 328; стражемъ.

ЖФСт к. XII, л. 68; слугамъ. ЖФСт к. XII, л. 137 об; старѣишинѣ. СбТр XIV/XV, л. 188 об; судии. СбСоф. XIV–XV, л. 110в; князю. ПрЛ 1282, л. 98г и др.; игемону. ПрЛ 1282, л. 110а; ц(ѣ)рви законопреступну и ѿступну. ПрЛ 1282, л. 46а; обидящимъ мя. МПр XIV₂, л. 14; в руцѣ стужающи(м) мя. ЖВИ XIV–XV, л. 133г; блуднику нѣкому. Пр 1383, л. 103б; поганомъ. Трет. п. Грозн.: 148 и т. п.

Для дальнейших семантических изменений славянизма особенно важны те ситуации, в которых передача врагу, мучителю и т. п. сопровождалась обманом, изменой, предательством. Преобладает здесь, естественно, евангельский сюжет об Иуде, изменнически *передавшем* Иисуса иудейским «книжникам и фарисеям», например, и сѣѣ члѣвчъ *преданъ* будетъ архирѣемъ и книжникомъ. ПНЧ 1296, л. 159б.

В этих контекстах глагол изображал лишь факт передачи лица (предмета) другому лицу; семантический элемент ‘измена, предательство’ не является обязательной составной частью значения глагола, а вносился ситуацией (контекстом), иногда выражаясь особым словом, ср., например: Даи жь ми тело, его же свои учѣкъ жерцемъ *лестию* на сребрѣ *предастъ*. КТур XII сп. XIV₂, т. V: 27 (ср. Матф. XXVI, 15; XXVII, 9).

Ослабление семантического элемента ‘передать’ началось, очевидно, в тех контекстах, где отсутствовал выраженный адресат передачи, бывший, несомненно, общеизвестным в контекстах, связанных с Иудой, ср., например: Х(ѣ)ѣ же мои *преданъ* бы(ѣ) и на судищи постоа ударен же бы(ѣ) и бьень ѿ рукъ яже созда. ФС XIV/XV, л. 213г.

В этих ситуациях происходит одновременно и передача и предательство, но по аналогии с ними появляются такие употребления глагола, для которых существенным остается лишь факт предательства, а о факте передачи ничего не сообщается. Такие контексты, правда, не совсем ясны для современного читателя. В самом деле, означает ли глагол *предати* в контексте «аще послеси сла ка Дареви *предаст* тя». Ал., л. 60 — «совершит предательство по отношению к тебе» или «предательски *предаст* тебя в руки врага»? А сочетания типа *предати законъ, истину, вѣру, мѣролюбье* (без выраженного адресата) означают, очевидно, ‘изменить закону, истине, вере’, например, *прѣдавшии* же развѣ нужда велия. бѣжио *вѣру*. и прикоснувшиися ка трапезѣ бесъныхъ. и кльнѣиися клятвами елиньсками. изгнати убо на три лѣта. КЕ XII, л. 197а; ѿвергох ся закона бия, осквернихъ плоть, *предахъ дѣвство*. препродахъ покорение. ФС XIV/XV, л. 122г. Ясно, что мы стоим у истоков современного значения слова. Однако должно было пройти несколько столетий, прежде чем это употребление превратилось в самостоятельное значение слова современного языка, изолированное от другого значения ‘подвергнуть чему-л.’ (ср.

предать огню, предать суду и т. п.), которое можно считать фразеологически связанным. За вычетом этих фразеологизмов, каждое появление глагола *предать* в современной речи несет значение ‘изменнически выдать’. В древнейший же период глагол *предати*, в отличие от современного *предать*, далеко не во всех случаях употребления самостоятельно, без поддержки окружающего контекста содержал отрицательную оценку действия и поэтому мог, даже выступая в «отрицательных» контекстах описанного типа, иметь в качестве подлежащего (выраженного или невыраженного) название лица с «положительным» значением (*богъ, апостоль* и т. п., ср., например, почто *преда* люди своя г(ѣ)и. Пал 1406, л. 121–122), а кроме того, употреблялся и в «положительных» ситуациях (когда передача одного лица другому не влечет для передаваемого отрицательных последствий): анъна... роди сѣа самоила. *предасть* и бѹ. и приспѣ възрастомъ. а бы(ѣ) пр(ѣ)ркѣ велии. Пр 1383, л. 1476.

Естественно, что выделение этих типов контекстов (ситуаций) не означает указания на значения глагола *предати* в языке рассматриваемого периода, а лишь указывает на наиболее частые применения его в речи, которые в конечном счете обусловили изменения в языке.

В качестве адресата передачи могли выступать не только одушевленные имена (как правило — лица, реже животные), но и названия тех действий, которым подвергается объект передачи (около 250 употреблений).

Это опять-таки, как правило, «отрицательные» ситуации (передача на мучение, страдание, на смерть и т. п.), например, и много поругавшеся и *страсти предаша* Господа славы. А. См., 1а: 10; ср. также *предати*: мукамъ многы(мъ). ПКП, л. 191б; мести. Пч н. XV (1), л. 114 об; смѣрти. ПНЧ 1296, л. 115в и др.; бѣдамъ. ГА XIV₁, л. 220а; съмѣртѣи бѣдѣ. KE XII, л. 66а; казни. Пск. I л.: 136; злу поруганию. ЗЦ XIV/XV, л. 65 г.; закланию. ПНЧ 1296, л. 84; расѣянию. KE XII, л. 198а; запрѣщению. KE XII, л. 706 и др.; епитемьямъ. ПНЧ 1296, л. 85 и др.; о(т)лучению. ПНЧ 1296, л. 137.

В сочетаниях с указанными существительными глагол также мог означать ‘изменнически, обманом подвергнуть чему-нибудь’, например: братомъ своимъ *прѣдана* на убийство. Парем 1271, л. 258.

Аналогичные ситуации описываются в контекстах, где в качестве адресата выступают неодушевленные существительные предметного значения (более 70 употреблений в наших материалах), например, ...ныня убо пло(тѣ) твою огневи бы(хъ) *предашь*. ЖВИ XIV–XV, л. 10а. Ср. *предати*: мечю и огню и воде. Ист. о Каз. ц.: 245; мечю. Ист. о Каз. ц.: 223; во уста мечю. А. Пал.: 201; острию меча. Сказ. А. Пал.: 223; ножю. Фл. Иуд., л. 614 об; ср. также *предати*: глубинѣ морстѣи. Пр 1383г., л. 286; морю.

ПрЛ 1282, л. 626; глубинѣ. ПНЧ 1296, л. 101об; гробу. СкБГ XII, л. 9 об и др.; земли. ПрЛ 1282, л. 69а; тѣмници. ЖФСт к. XII, л. 93.

В тех случаях, когда в качестве объекта передачи выступают слова, обозначающие обязательные правила, заповеди, обычаи (как правило, церковные), названия добродетелей и пороков, общее значение ‘передать’ конкретизируется до контекстного варианта ‘завещать, заповедать’, собственно ‘передать нечто духовное’ (более 170 употреблений), например: и *заповѣди* вамъ климентомъ епи(с)купомъ. въ осморохъ книгахъ *прѣданы*. КР 1284, л. 506. Ср. сочетания, типичные для передачи этой ситуации: *предати*: завѣтъ. ГА XIV₁, л. 135а; законъ. ПНЧ XIV, л. 176 и др.; правила. АИ: 105 и др.; уставы. ПКП 1406, л. 128 и др.; уставленья. ГБ к. XIV, л. 200б; древняя благоустановления. Вр. Тим., л. 2 об.; указы. ГБ к. XIV, л. 200б; канони. ПНЧ XIV, л. 16а, предание. КР 1284, л. 387б и др.

Мы попытались описать основные типы контекстов, в которых выступал глагол *предати* в памятниках XI–XVII вв., и выяснить основные контекстные видоизменения его значения. В том, что эти видоизменения представляли собой варианты единого общего значения, нас убеждают и такие контексты, в которых слова, сочетающиеся с глаголом *предати* и относящиеся к разным группам (из числа рассмотренных нами), выступают в качестве однородных членов предложения: *звѣре(м)* предани бывше. и *огню* и *мечеви*. ЖВИ XIV–XV, л. 49г.; да *геонѣ* *мукамъ* страшны(м) предани буду(т). Пал 1046, л. 206. Об этом же свидетельствуют и сравнительные конструкции: яко и фараонѣ невѣрьствомъ наконецъ *глубинѣ морьстѣи* *преданъ* бы(с). тако и вы *работѣ* и *муцѣ* вѣчнѣи *предани* бысте. Пал 1046, л. 128б.

Широкие сочетаемостные возможности глагола реализовывались неравномерно; более чем две трети употреблений глагола связано с ситуациями, типичными для церковнославянских памятников:

- 1) передать кого-либо (реже что-либо): а) в руки врагу, мучителю и т. п.; б) та же ситуация без указания адресата; в) на смерть, на мучения и т. п.; г) неодушевленному предмету (всего более 600 употреблений);
- 2) передать заповедь, закон и т. п. (более 170 употреблений);
- 3) передать, отдать душу богу — в формуле *предати духъ (душу) богу (гви, в руцѣ бии)* (более 150 употреблений).

Вся эта фразеология, естественно, восходит к старославянским образцам (а через их посредство — к греческим).

В свете изложенного вполне естественно, что словари XVIII–XIX вв. в качестве отдельных значений фиксируют как раз те типичные употребления глагола, которые сложились в языке предшествующей эпохи. Семантический элемент «передать» мог присутствовать лишь в тех контек-

стах, в которых в качестве адресата передачи употреблялись существительные со значением лица или личные местоимения; в таких контактах, как видно из предыдущего изложения, глагол *предати* употреблялся на протяжении всего периода с XI по XVII вв.; наиболее типичные из них: *предать* кого-л. мучителю, врагу и т. п. и *предать* кому-н. (чаще всего *намъ*) правило, закон, заповедь.

Первое из этих употреблений фиксируется в словарях XVIII–XIX вв. как значение ‘предоставить в чье-либо распоряжение, во власть’ (1), второе — ‘завещать, оставить для будущих поколений’ (2); в некоторых словарях получили отражение и более редкие употребления, связанные с передачей «положительного» характера (ср., например, значение ‘рекомендую, вверяю в смотрение, надзирание; предоставляю, вручаю кого или что в чье попечение’, отмеченное в Словаре Академии Российской (САР 1790). В тех же многочисленных случаях, когда адресат или опускался или был выражен существительным со значением нелица, т. е. отсутствовал реальный адресат передачи, создавались условия для постепенного устранения семантического элемента «передать». Наиболее типичные из этих употреблений были приведены ранее (см. группу *1б* и *1в*). В первом случае реальный адресат просто опускался, во втором — заменялся названием действия. В словарях XVIII–XIX вв. эти типичные употребления предшествующего периода отражены в качестве значений: ‘изменнически выдать’ (3), ‘подвергнуть чему-нибудь’ (4).

Итак, первое и второе из приведенных в словарях значений были связаны с сохранением семантического элемента ‘передать’, третье и четвертое — с его устранением. Наиболее «сильным» среди употреблений глагола было наиболее типичное — сначала ‘передать с помощью обмана, предательства’, затем ‘изменить, совершить предательство’. Поэтому и устранение семантического элемента ‘передать’ было ведущей тенденцией семантического развития глагола. Этим и следует объяснить утрату первого и второго из фиксируемых указанными словарями значений, причем первое, помеченное в Словаре Академии Российской как «славенское», было утрачено, несомненно, ранее второго: оно было недостаточно дифференцировано от третьего значения (‘изменнически выдать’) и постепенно совместились с этим значением. Оба значения были основаны на контекстах «отрицательного» характера, и постепенно переставало быть возможным употребление глагола без семантического элемента ‘измена, предательство’.

Реликтом первого значения является возможность употребления в современном языке при глаголе *предати* в значении ‘изменнически выдать’ существительного в дательном падеже, которое означает, однако,

уже не «адресата» передачи, а лицо (предмет, явление), в пользу которого совершается предательство (ср. *передать врагам товарища* и т. п.).

Значение 'заповедать, завещать', которое также является одним из реликтов наиболее типичных употреблений, фиксируется еще словарем В.И. Даля. Оно было окончательно утрачено, очевидно, во второй половине XIX в.

Употребления глагола в сочетаниях с именами действия в качестве адресата способствовали ослаблению семантического элемента 'передать', поэтому значение 'подвергнуть чему-либо', развившееся на их основе этих сочетаний, сохранилось. В современном языке оно представлено в ограниченном числе книжных фразеологических единиц (*передати забвению, проклятию*; ср. также *передати суду, смерти* и т. п.). Сохранился также книжный фразеологизм *передати дух (богу)*.

Так сложились современные значения глагола *передать*. Все эти процессы были чужды глаголу *передати*.

Древнейшие фиксации этого глагола относятся к летописному рассказу. Глагол отмечен только в Ипатьевском списке летописи (в Киевской летописи — 2 раза, в Галицкой — 3 раза, в Волынской — 2 раза).

На основании немногочисленных фиксаций глагола *передати* в летописях трудно судить о степени его распространенности в древнерусском языке рассматриваемого периода. В летописном рассказе он применялся при описании однотипных ситуаций (передачи города). Чаще всего это — сдача противнику, например: Даниль... обьсьде в силѣ тяжцѣ онем же изнемогошимъ. *передаша* градъ. ЛИ ок. 1425, л. 257 об; реже — добровольная передача: Рюрикъ же пожалова(ѣ) на Володимѣрича. на Мьстислава река ему. ть <в др. сп.: ты> первое Трьполь *переда* Олговичемъ. ать нынѣ аче и хотя же еси побѣгълъ Олговичемъ. и Половцемъ добро творя. ЛИ ок. 1425, л. 219.

В летописном рассказе отражено, очевидно, лишь одно из возможных применений глагола, обусловленное тематикой изображаемого; надо полагать, что в живой речи этого периода (XI–XIV вв.) он мог употребляться и в иных сочетаниях. Об этом косвенно свидетельствуют более поздние контексты: и шерсть намъ... *передаль* на царевѣ дворѣ. Пам. дипл. сн. М. Г. с Крым. (1516 г.), II: 273; иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку — другую, а иногда и польпудика накопить и *передасть*... Ав. Ж.: 28.

Итак, можно говорить об установившейся книжной традиции употребления глагола *передати*. Часть типичных контекстов, связанных с «отрицательными» ситуациями, в которых передача лица или предмета сопровождается обманом и предательством, как уже говорилось выше, явилась

основой значения «изменнически выдать», отразившегося и в производном *предатель*; остальные создали богатый набор устойчивых сочетаний типа *предати дух, предати смерти, предати огню, предати суду* и т. п.

Подобные формулы, очевидно, постоянно употреблялись при богослужении в молитвах, и т. п.; ср., например, и бы(ѣ) дороговъ велика. туга велика и печаль людемъ но не ѿчаемъ(ѣ) мл(ѣ)тви твоея. кажа г(ѣ)и накажи а *смерти не предаи*. ЛН ок. 1330, л. 154 (текст из Псалтыри). Так возникали своего рода «перковно-разговорные» штампы типа современных *господи, помилуй; господи, боже мой* и т. п., широко употреблявшиеся, очевидно, и в устной речи.

Основная черта этих сочетаний — их перифрастичность, соответствующая общему характеру языка церковно-книжных произведений. Каждое из этих книжных сочетаний имело в народно-литературной разновидности языка и в живой речи нейтральный синоним, ср. *предати духъ* — *умерети*, *предати смерти* — *убити*, *предати огню* — *пожсечи, съжсечи* и т. п.

Книжная традиция употребления отсутствовала у глагола *передати* (несколько однотипных употреблений глагола в летописном рассказе, естественно, нельзя принять за устойчивую традицию). Сочетания типа *передати духъ, передати смерти, передати огню* и т. п. не могли возникнуть, ибо перифрастический стиль изложения вообще был чужд летописному рассказу. Различие сфер употребления глаголов *предати* и *передати* явилось основной причиной их семантической дифференциации.

2. *Преступити – переступити*. Глагол с неполногласной приставкой в церковно-книжных памятниках в преобладающем большинстве случаев употреблялся в сочетании с именами существительными, обозначающими закон, заповедь, повеление и т. п.

Вот эти сочетания: *преступити*: заповѣдь. ПНЧ XIV, л. 43в и др.; заповѣдь бѣю. Пр 1383, л. 18 и т. п.; заповѣданая. КЕ XII, л. 92а; иже заповѣдахъ. Пал 1406, 1336; уставъ. КЕ XII, л. 34а и др.; законъ. Фл. Иуд., л. 670 об.; зако(н) бѣи. ГБ к. XIV, л. 706 и т. п.; завѣтъ. СбСоф. XIV, л. 13а; правило. ФСт XIV/XV, л. 1076; цркъвная предания. КЕ XII, л. 756; ѣтое преданье. СбТ XIV/XV, л. 122; слова бѣя. Пал 1406, л. 145в; судъ. КР 1284, л. 108г; повѣление. КР 1284, л. 97а; съвѣщания. Фл. Иуд., л. 699 об. и др. Только в оригинальных произведениях (летописных рассказах, сочинениях Ивана Грозного, Арсения Суханова, Авраамия Палицына) отмечено сочетание *преступити* *кр(ѣ)тъ* (например, ЛЛ 1377, л. 122 и др.) и *кр(ѣ)тное цѣлование* (например, ЛИ ок. 1425, л. 210 и др.).

Довольно многочисленны также эллиптические конструкции с опущенным дополнением; ср., например: завидѣни быхо(ѣ) о(т) лукаваго. прелстихомся преступихо(ѣ) ѿпадохо(ѣ). ГБ к. XIV., л. 76б. Во всех эл-

липтических конструкциях глагол также означает ‘нарушить (заповедь, закон и т. п.)’. Рассмотренные употребления глагола составляют около 75 % всех использованных нами употреблений его в памятниках XI–XVII вв. (около 160 из 221).

Все эти контексты представляют собой переносные употребления глагола, более типичные для церковно-книжных памятников, чем единичные прямые употребления, когда глагол означает реальное движение; ср. нѣ(ѣ) *преступити* своего стѣня. Гб к. XIV, л. 101в; и *прѣступль* о(т)у(д) на лѣвую сторону... УСт к. XII, л. 272 об.

Возможность прямого употребления сохранялась сравнительно долго (даже словари XVIII–XIX вв. отмечают эту возможность), но такие употребления были, по-видимому, редки: в наших материалах из памятников XV–XVII вв. имеется лишь один пример: из алтаря въ ризницу до порога 12 ступеней, а *преступя* порогъ 4 ступени. Сух. Проск.: 169.

В современном языке прямое употребление уже невозможно, да и сам глагол, помеченный еще в Словаре Академии Российской как «славенский», малоупотребителен.

Употребление глагола, содержащего полногласную приставку, с семантической точки зрения не отличается от наиболее типичных употреблений глагола с неполногласной приставкой, но сочетаемость его еще более ограничена: почти все случаи употребления глагола, который отмечен в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях и в грамотах, приходятся на сочетания *переступити кр(с)тъ*, *кр(с)тъное цѣлование*, *кр(с)тъное утверждение* (1 раз), т. е. на формулы русского происхождения. Сочетание *переступити рядъ* (т. е. «установленный порядок»), зафиксированное в древнейших списках летописи лишь 1 раз (ЛИ ок. 1425, л. 239 об), восходит несомненно к деловой письменности, где глагол употреблялся только в составе традиционных формул, ср. а кто сии *рядъ*, *переступить*... тотъ дасть р̑. гр(б̑)н. серебра. Ряд. Тешаты, Обн. № 20.

Типизированное употребление в древнейших летописях и грамотах не отразилось на значении глагола *переступити*. Объясняется это, с одной стороны, по-видимому, слабостью книжной традиции, связанной с этими памятниками, а с другой стороны, очевидно, постоянным употреблением глагола в живой речи; в письменности же нашли отражение те переносные употребления глагола, которые соответствуют ситуациям, характерным для летописей и грамот («заклинания» и нарушения крестного целования). Возможность прямого и переносного употребления глагола *переступить*, очевидно, всегда сохранялась.

3. *Пресечи – пересечи*. Глаголы *пресеци* и *пересечи* резко различались сферами своего употребления: первый представлен только в памят-

никах, написанных на церковнославянском языке, второй — только в деловой речи. Это обусловило различие в составе слов, ими управляемых. Русский глагол представлен только в сочетаниях с названиями материальных предметов: голова *пересѣчена* Акт. Х.У. 831; *пересечи*: руку. Якут. а., к. 5, № 4, сэт. 38, 1643 г., кости. Арт. повар.; слитки. Торг. кн. (С.); его <Талыка>. ДАИ, V, 1668 г.

Зафиксированный в памятниках XI–XVII вв. круг сочетаний глаголов *пресеци*, *-ся* (*пресекаати*, *-ся*, *пресекаати*, *-ся*)¹⁵ значительно разнообразнее. Это названия конкретных предметов (*пресѣци*: тѣлеса. ГА XIV₁, 47а и др.; жилы. Ист. о вел. кн. Моск., стб. 216; море. Пал 1406, л. 125в, реку. Ал., л. 64; Иердана <sic>. ГА XIV₁, л. 143г и т. п.); духовных и физических способностей (*пресеци*: силы. ЖФСт к. XII, л. 160 об.; жилъ крѣпость. ЖВИ XIV–XV, л. 89в.; волю. ЖФСт к. XII, л. 60б) и состояний (*пресекаати*: любовь. СбТр. XII/XIII, л. 106; бракъ. КР 1284, л. 268в; въздѣржаніе. КР 1284, л. 194в; болѣзни. ФСт XIV/XV, л. 10в; смерть. Вр. Тим., л. 110; жизнь. ЖВИ XIV–XV, л. 52 г и др.); названия действий (не прѣсѣкомая работа. КР 1284, л. 314б; *пресеци*: дѣла. ГА XIV₁, л. 99г; *пресекаати*: веселье. ЖВИ XIV–XV, л. 11в; пѣнию пресѣкшуся. Пск. 1 л.: 121). Довольно многочисленны сочетания с названиями различных пороков (*пресеци*: лихоимство. Гб к. XIV, л. 163 а; *пресекаати* грѣх). Гб к. XIV, л. 58б; бурю стр(ѣ)тии и многовольнаго жи(т)я горе(ѣ). Гб к. XIV, л. 69в-г; всяко земное пристр(ѣ)тъе. Гб к. XIV, л. 72б; бѣсовская оплѣченія. Ж. С. Рад.: 15; думу <убить царя>. Ист. о Каз. ц.: 289; злое. ДАИ, V, 1666–1667).

Интересно, что эти сочетания оказали в более позднее время влияние на употребление глагола *пересечь*: ежели он увидит какой непорядок, то как можно *пересечь* и о том доносить обер или бергмейстеру. Де-Геннин 1735.

Это, однако, лишь эпизодическое явление, ограниченное стилистически и хронологически. В дальнейшем *пресечь* стало употребляться лишь в сочетании с названиями отрицательных действий и явлений.

4. *Прервати – перервати*. Насколько можно судить по немногочисленным фиксациям обоих глаголов в памятниках XI–XVII вв., глагол с полногласной приставкой, представленный лишь в деловых памятниках и летописях, сочетался с названиями конкретных предметов (ср., например: 2 пищали сороковых *перервало* поперегъ. Псков. а. 1667 г., 464; кости и зубы выломаны, языкъ *перерванъ*. АЮБ, II, 702, 1679 г.), в то время как глагол с неполногласной приставкой употреблялся и перенос-

¹⁵ В связи с тем что глагол *пресеци* встречается в памятниках значительно реже, чем рассмотренные выше *предати* и *преступити*, мы приводим также те слова, с которыми сочетаются его имперфективные и возвратные корреляты.

но, что соответствовало стилю книжных памятников, в которых он преимущественно зафиксирован (ср., например: Увы, яко сих двобратных кончиною *прерван* купно род, по смерти Российских деспот весь благородия корень! Вр. Тим., л. 283об.), хотя отмечены и прямые употребления: <о коне>: путо *прервавь* пере(ѣ) по полю. ГБ к. XIV, л. 82в.

Эти употребления, однако, были свойственны, очевидно, лишь церковнославянскому языку и не имели возможности выйти за его пределы, поскольку вне этого языка функционировал глагол с полногласной приставкой. В связи с этим показательно, что Словарь Академии Российской, дающий оба глагола в одной статье, иллюстрирует значение ‘пополам рву, рвя разделяю на двое’ примерами только с глаголом *перервать* (*перерывать*), а значение ‘престаю продолжать что’ — только с глаголом *прервать*. Более частые в церковнославянском языке переносные употребления вышли за пределы этого языка, вошли в светские жанры и — с утратой прямого употребления — перестали быть переносными. Русский же глагол, наоборот, сохранив прямое употребление, реализовал возможность переносного употребления, по-видимому, лишь после XVII в. в связи с развитием беллетристических жанров на основе живой речи.

5. *Преградити* – *перегородити*. Русский глагол, представленный до XVII в. почти исключительно в деловых памятниках, употреблялся только в значении ‘сделать перегородку, забор поперек чего-нибудь’, ср., например: аже межю перетнеть бортьную. или ролѣиную разореть. или дворную тыномъ *перегородить*. то ѿ гр(ѣ)нѣ продажа. РПр сп. 1285–1291, л. 621б; и та лавка тесом *перегорожена*. Гр.Дв. I, 1627 г., 607. Конкретное содержание деловых памятников не способствовало переносным употреблениям глагола. Глагол сочетался, как правило, с названиями конкретных предметов, могущих быть перегородженными и служить перегородкой, ср. *перегородити*: межю — тыномъ. РПр сп. 1285–1291, л. 621б; две каморки — досками. Мат. ист. А. Н. I, 1728 г., 379; лавочное место. Кн. переп. Мур., 51; чюланишко. Дон. д., II, 1644, 676. Единственное отклонение представлено в Задонщине: Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля *перегороди*, а ркучи таково слово. Сл. о Задон. — Срезн., т. II: 902.

Церковнославянский глагол, зафиксированный в памятниках разных жанров (но не в деловых), сочетался с более разнообразной лексикой — с названиями предметов, могущих быть препятствием вообще (т. е. *преградой*, а не *перегородкой*, ср. семантическую дифференциацию этих слов), например: земля та горами и лѣсами великими *преграждена*. есть в ней немало рѣкъ. Косм., 1670 г., 85. Это обусловило сдвиги в его значении. Правда, в отличие от *прервати*, *пресечи*, *преступити*, глагол *пре-*

градити не утратил возможности называть «материальное» действие, но благодаря расширению круга сочетавшейся с ним лексики стало более общим и его значение: он стал обозначать установку (наличие) преграды, препятствия вообще, ср., например из памятника начала XVIII в.: а нынѣ посланъ къ нему указъ, ежели отъ неприятеля путь не *прегражден*, дабы шель къ Вилнѣ. Птр. VII: 313–314. Отсюда ясен переход к «нематериальному» употреблению, фиксируемому словарями XVIII–XIX вв. («препятствую, препону полагаю пресѣкаю, повод, случай къ чему»¹⁶). Значение ‘делать перегородку’, фиксируемое у глагола вплоть до XVII в. (например: а алтари въ тѣхъ церквахъ *преграждены* все досками и иконами. Сух. Проск.: 197), в процессе дальнейшего упорядочения и нормирования литературного языка было утрачено, сохранившись у глагола *перегородить*.

* * *

Рассмотрение пяти пар глаголов с приставками *пре-* – *пере-* показало, что основной причиной семантической дифференциации между членами пар явилось различие в составе слов, сочетающихся с каждым из них. Исходное лексическое значение обоих членов пары тождественно. Оно полностью соответствует значению словообразовательных типов глаголов с приставками *пре-* и *пере-*, определяется словообразовательной структурой слова, выводится из значений компонентов этой структуры. Поэтому оно не предопределяет никаких различий ни в значении, ни в сочетаемостных возможностях каждого из членов пар. Этим ограничивается действие факторов словообразовательной системы.

Таким образом, система обуславливает определенные возможности функционирования слова, которые в тексте реализуются с разной степенью интенсивности. В данном случае эта реализация обусловлена внеязыковыми факторами: для произведений, написанных на церковнославянском языке, типичны религиозно-моралистические и философские рассуждения, способствующие возникновению богатой образной символики. В них бесконечное число раз повторяются одни и те же ситуации и сюжеты. Это и предопределяет основные семантические процессы, характерные для славянизмов: образная символика выражается с помощью переносных употреблений, а для передачи одних и тех же ситуаций используются одни и те же средства выражения, что ведет к типизации их употребления, ограничению сочетаемостных возможностей, семантическим сдвигам.

¹⁶ Словарь Академии Российской. СПб., 1780. Ч. II, стб. 314.

Одна из существенных черт образной символики — изображение духовного с помощью сопоставления с материальным. Мы имели возможность это видеть у глаголов *преступить*, *пресечь*, *прервать*, число же подобных примеров чрезвычайно велико (ср. хотя бы историю слов *обязать* — *обвязать*, *отвергнуть*, *отвлечь*, *исказить* и т. п., ср. этимологию ст.-сл. *подражати* — первоначально ‘идти за кем-либо’; см. с. 296–300). Отмечаемая обычно абстрактность славянизмов не является их исконным свойством, а обусловлена сферой их функционирования. Изменения значений славянизмов происходят в соответствии с общими семантическими закономерностями и не являются специфически книжными (ср. аналогичные изменения у *предать* и *выдать*). Не всегда можно говорить о постепенном развитии переносного значения; в ряде случаев старославянское слово использовалось в старославянском и древнерусском языке для перевода переносного употребления аналогичного по структуре греческого слова (ср., например: а не *прѣступити* словесе ему. Супр., 126в греч. *παράβῳνειν*, аще ли дързнетъ кѣто *прѣступити* заповѣданая. КЕ, л. 92а — в греч. *παράβῃναι*).

Благодаря частой повторяемости одних и тех же образов и ситуаций в памятниках церковно-книжного характера создаются своего рода семантические модели: слово + семантически ограниченная группа слов (ср. рассмотренные выше *предати* врагу, мучителю и т. п., *преступити* закон, заповедь и т. п.) и автоматически воспроизводимые формулы (*предати смерти*, *предати суду*, *предати забвению*). Решающую роль часто играет количественный фактор, приводящий к серьезным качественным изменениям. Разная степень реализации системных возможностей ведет к изменению в самой системе.

Повторение одних и тех же сочетаний постепенно приводит к невозможности употребления слова в иных контекстах. Появляются фразеологически связанные значения слова (таково, например, значение *предать* ‘подвергнуть чему-либо’). Возникает, таким образом, стилистическая, традиционная, узуальная ограниченность возможностей сочетаемости слова, которая сужает сочетаемостные возможности, предопределяемые значением слова. Окружение слова становится замкнутым, конечным, иногда ограничивается одним-двумя словами (ср. еще *никоим образом*, *ни в коем случае* при неограниченной сочетаемости синонимичного *никакой*). Таким образом, преимущественная реализация одних и тех же сочетаемостных возможностей приводит к тому, что эти возможности становятся единственными. Наличие застывших сочетаний является одним из конкретных выражений искусственности церковнославянского литературного языка.

Постоянное употребление слова в одних и тех же контекстах ведет к тому, что значение, выраженное в контексте, постепенно становится элементом значения самого слова, зачастую вытесняя другие элементы значения, т. е. происходит явление семантического «заражения» слова от контекста (так развилось, например, значение *предать* ‘изменнически выдать’). Это может произойти лишь при наличии длительной традиции типизированного употребления слова, поддерживаемой чаще всего письменно.

Мы пытались показать, как контекстные варианты общего значения превращаются в самостоятельные значения слова, а возможно и в омонимы. Часто при этом семантическая структура слова теряет цельность, употребления перестают восприниматься как части единого целого. Ср. отсутствие связи между приводимыми в современных словарях значениями слова *предать* «изменнически выдать» и фразеологически связанным «подвергнуть чему-либо». Это — остатки некогда единого общего значения слова.

Все эти изменения захватывают лишь область значения. Формально же слово остается неизменным (изменения типа *спаси бог* → *спасибо* — сравнительно редкие явления). Это несоответствие находит свое выражение в ослаблении выделяемости морфем, в деэтимологизации. Слово выпадает из словообразовательного типа, характеризующегося определенным соотношением мотивирующего и мотивируемого слова. Повторение этого процесса в ряде слов с одной и той же морфемой приводит к утрате ее продуктивности, особенно при наличии синонимичной русской морфемы.

Соответствующие русские слова не связаны с такой длительной традицией стандартизованного употребления. Они представлены в иных жанрах (летописном рассказе, светских повестях, деловой письменности и т. п.) и связаны с иной стилистической сферой — конкретным, динамическим описанием. Все это, естественно, не стимулирует широкого развития переносных значений и устойчивых формул, хотя и то и другое полностью не исключено (ср., например, формулу *переступити крстьное цѣлование* в летописном рассказе, употребления типа *переступить закон*, *перервать разговор*, а также возникшие под влиянием славянизмов эпизодические употребления типа *пересечь намерение*). Эти формулы и употребления, однако, не поддержаны такой традицией, как церковно-книжные формулы и употребления, и поэтому не являются настолько сильными, чтобы устранить возможность исконного прямого употребления слова.

К истории употребления слов *Русь* и *Россия* в письменности Древней Руси

0. Названия нашей страны — общеупотребительное *Россия* и возвышенное *Русь* — древние слова с богатой историей, в которой ещё сохраняются спорные проблемы. Корень этих слов употребляется в названиях России во многих других языках (англ. Russia, нем. Rußland, фр. Russe, пол. Rosja, чеш. Rusko, с.-хорв. Rùсија, бол. Русия и др.). Слово *Русь* употребляется уже в древнейших памятниках древнерусской письменности (в иноязычных источниках — не позднее IX в.), а слово *Россия*, по уточненным данным, приводимым в данной работе, впервые отмечено в письменности в XIV в., а не в XVI в., как указывают все современные этимологические и исторические словари (см. п. 4 данной работы).

Более или менее полного и систематического обзора употребления этих слов в письменных памятниках не существует. Появление в XX в. миллионных картотек СДРЯ XI–XIV и Сл XI–XVII дают возможность попытаться дать такой обзор (или хотя бы предварительные материалы для него).

1. Описывая употребление этих слов в памятниках, нельзя не коснуться кратко их происхождения, поскольку выводы об их происхождении делались и делаются с учетом данных письменных памятников.

Происхождению слова *Русь* посвящена огромная литература (она приведена, в частности, в Пов. вр. л. 1996: 398–405, 596, 597; ср. также [Otrębski 1960; Lehr-Splawiński 1965; Трубочев 1993; Агеева 2000; Максимович 2006] и др.).

Существуют, как известно, три теории происхождения слова *Русь*. Согласно первой, оно пришло с севера (норманнская теория), согласно второй — с юга (индоарийская теория), согласно третьей — является исконным (восточнославянским) по происхождению.

«Норманисты» возводят *Русь* к ст.-финск. обозначению германского племени *Rōtsi ‘варяги, шведы’, ср. совр. финск. Ruotsi ‘Швеция’. Это слово генетически родственно первой части ст.-исл. róþsmenn или ‘róþs-karlar ‘гребцы, мореходцы’ (см., например, ЭСБМ XI: 218; ЕСУМ V: 145, 146).

На восточнославянской почве слово вошло в ряд собирательных существительных на -ь (<*i), ср. *черемись*, *чудь* и др. М. Фасмер полагал, что в данном случае имеет место «перенесение названия завоевателей на завоеванное население» (Фасмер 1964–1973, т. III: 522), т. е. название норманнов на название представителей восточнославянских племен, но более убедительна точка зрения, согласно которой перенесение значений

‘норманны’ → ‘восточные славяне’ объясняется тем, что в русских военных дружинах, посольствах и т. п. было много норманнов, ср., например, скандинавские имена послов (*Ингелъдъ, Иворъ, Вуефастъ* и др. — наряду со славянскими *Улѣбъ, Синко*, см., например, Пов. вр. л. 1996: 431) в древнерусских договорах 911 и 944 годов — в «Повести временных лет». Тот факт, что совокупность славян и варягов первоначально называлась *Русью*, подтверждается, как будто, записью 882 г. в «Повести временных лет»: [и] съде Олегъ княжа въ Киевѣ... [и] бѣша оу него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася *Роусью* (ЛЛ 1377, л. 8) (ср. перевод Д.С. Лихачева: и сел Олег, княжа, в Киеве... И были у него варяги, и словене. и прочие, прозавшиися русью. Пов. вр. л. 1996: 150). Правда, Д.С. Лихачев отмечает, что «смысл этих слов не совсем ясен (прозывались русью только «и прочии» или также варяги со словенами)» (Пов. вр. л. 1996: 409).

Во всяком случае данный контекст говорит лишь о происхождении и слова *Русь*, но не о дальнейшем функционировании, поскольку «как заметил еще А.А. Шахматов, наша летопись, настаивая на связи первоначальной *руси* с варягами, тем не менее последовательно отличает ее от варягов» [Хабургаев 1979: 217–218], см.: (941): *Русь* же възратишася... Игорь... посла по Варяги многи за море. ваба е на Греки (ЛЛ 1377, л. 10–10 об.); (944 г.): Игорь же совокупивъ вои многи. Вар(а)ги *Русь* и Поланы. Словѣни и Кривичи. и Тѣверьцѣ и Печенѣги. (ЛЛ 1377, л. 10 об.); (1018): Юрославъ же совокупивъ *Русь*. и Варягы. и Словѣнѣ. поиде противу Болеславу и Стополку (ЛЛ 1377, л. 48 об.).

Сторонники норманнской теории опираются также на следующий текст из «Повести временных лет» (запись 862 г.): идоша за море к Варяго(мъ). к Руси. сѣде бо звахуть. ты Варягы Русь... и ѿ тѣхъ Варягъ. прозвася Руская земля. (ЛЛ ок. 1425, л. 8 об.). В «Комментариях» к этому месту «Повести временных лет» (Пов. вр. л. 1996: 401) Д.С. Лихачев поддерживает точку зрения А.А. Шахматова [1904: 334–362] и М.Д. Приселкова [1940: 39], согласно которой слова к *Руси* являются позднейшей вставкой в текст более древней летописи. В частности, М.Д. Приселков полагал, что это отождествление варягов и Руси (т. е. русских) осуществлено Нестором в первой редакции «Повести временных лет» и видел в Несторе первого русского «ультранорманиста»; ср. у О.Н. Трубачева: «Политик и мыслитель своего времени, Нестор, видимо, разделял ходячее мнение, будто вящей славе способствует иноземная родословная верхушки племени» [Трубачев 1987: 131].

В соответствии с теорией южного, «дославянского» происхождения слово *Русь* восходит к индоарийской форме **rukṣa-/ru(s)sa-* со значе-

нием ‘свет, светлый’, ср. др.-инд. *rukṣa* с тем же значением и другие «дославянские» слова [Трубачев 1977: 26, 86; 1987; 1992; 1993: 32–53]. Этот корень имеется в названии «Росстар», «которое мы читаем с помощью древнеиндийских данных как «Белый берег» или «западный берег» [Трубачев 1987: 133] и других названиях с корнем *Рос-* в ономастике Крыма и Приазовья (подробнее см. [Максимович 2006: 45–49]). «Здесь, по-видимому, и зародилось название Русь — “Белая сторона”) — с забытым ныне значением» [Трубачев 1987: 133]. О.Н. Трубачев обратил внимание на проявление семантической связи слов *русьи* и *светлыи* в договоре Руси с греками 911 года: «в третьем примере ... в договоре Олега (1. иже послани от Олга, великого князя Рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь... 2. ...от сущих подъ рукою наших князь свѣтлых... 3. ко княземъ нашим свѣтлым рускым...)... мы видим замечательное соседство *свѣтлым рускым*, которое еще сохраняет характер глоссового осмысления, перевода: *русьи* = *свѣтлыи*» [Трубачев 1993: 38].

Сторонники теории исконного происхождения слова *Русь* возводят его корень к праславянским **rьd-/rud-/rus-* <**rud-s*, откуда рус. *рудый*, *русьи*, *рдеть*, *руда*, *ржа*. лит. *raišvas* ‘красноватый’, латыш. *rūsa* ‘ржавчина’, латинск. *russus* ‘красный’, или **ru-/ry-*, откуда рус. *русло*, пол. *runo* ‘руно’, *rów* ‘ров, канава’, *rwać* ‘рвать, дергать’, *ruch* ‘движение’, лит. *rāvuti*, *ravėti* ‘полоть’, лат. *e-ruere* ‘выкапывать, вырывать’, др.-инд. *rāvati* ‘разбивать, дробить’ [Rospond 1977: 48; Максимович 2006: 50]. При этом наиболее вероятной считается непосредственная связь названия страны с названием реки *Руса* и городом *Старая Русса*. Первоначально *Старая Русса* — это название большой территории южнее озера Ильмень. Прилагательные *старый* и *новый*, входящие в состав названий *Старая Русса* и *Новгород* — это результат замены старого пути из Варяг в Греки, проходившего первоначально через Руссу, а позднее через новый город (Новгородъ), построенный в том месте, где к указанному пути ближе всего подходит верховье Волги; ср. текст из Воскресенской летописи: О великомъ Новѣградѣ и о Руси. И пришедше словѣне с Дуная и сѣдше у езера Ладожскаго, и оттолѣ прииде и сѣдоша около езера Илменя, и прозвашася инымъ именемъ, и нарекошася Русь рѣкы ради Руссы, иже впадоша во озеро Илмень; и умножився имъ, и содѣлаша градъ и нарекоша Новградъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семѣ и по Сулѣ, и нарекошася Сѣвере. Воскр. л. XVI в.: 262 (ср. Rospond 1977: 35; Пов. вр. л. 1996: 386). Если Русь — исконно славянское слово, то ключевое для норманнской теории финск. *Routsi* может быть объяснено как раннее заимствование из славянского.

Среди исследователей нет единого мнения о происхождении слова *Русь*. Авторы этимологических словарей традиционно излагают наиболее «старую» — норманнскую — теорию. Ряд лингвистов (в том числе автор новейшего исследования происхождения слова *Русь* К.А. Максимович) наиболее вероятной считают славянскую этимологию, которая, как полагает К.А. Максимович, «объясняет все без исключения данные источников о Руси» [Максимович 2006: 53].

2. В иноязычных источниках слова с корнем *рус-/рос-* упоминаются с VI века н. э. Выше говорилось о народе *рус*, известие о котором идет «с Северного Кавказа, приурочиваемые даже к восточной, дагестанской, части региона, бывшей в фокусе интересов политики и истории VI–VII веков..., что само по себе отнюдь не говорит о локализации народа *рус* именно в той отдаленной части Кавказа и в целом носит достаточно расплывчатый характер» ([Трубачев 1993: 26]; см. также [Новосельцев 1965: 362 и сл.]).

В 555 г. в сирийской хронике псевдо-Захарии Митиленского, являющейся компилятивным трудом неизвестного сирийского автора, использовавшего оригинал истории Захарии Митиленского, был упомянут народ *hros* (или *hrus*). Слово содержится в оригинальной самостоятельной приписке сирийца, сообщающей о народе *hros* (*hrus*), живущем по соседству с амазонками, т. е. на Дону, в западной половине Предкавказья. В приписке говорится, что это рослые, сильные люди, не имеющие оружия. Появление звука *h* перед *r* исследователи приписывают влиянию армянского языка (подробно об этом см.: [Пигулевская 1952: 47]).

Позднее народ *Ῥῶς* употребляется в византийско-греческих источниках (см. ниже, п. 4).

Первое упоминание, не вызывающее у исследователей сомнения в том, что оно относится к славянам — это название *Ruzzi* у анонимного баварского географа IX века, включившего это название в перечень народов наряду с хазарами (*Caziri*), уличами (*Unlizi*) и бужанами (*Busani*) [Rospond 1977: 39; Трубачев 1993: 33]. Упоминается *Русь* в Раффельштеттенском уставе 903–906 гг. и в «Книге путей и царств» (80-е годы IX в.) Ибна Хордадбеха (см., напр., Пов. вр. л. 1996: 401) и др. иноязычных источников (их обзор см.: [Соловьев 1957: 135–140]).

3. Рассмотрим употребления слова *Русь* в различных жанрах русской письменности.

3.1. В древнерусскую эпоху (XI–XIV вв.) чаще всего это слово используется в летописях. Рассмотрим его употребление в древнейших летописях (в списках XIII – нач. XV вв.), т. е. в Повести временных лет, Суздальской, Киевской, Галицко-Волынской и I Новгородской летописях.

В Повести временных лет (в Лаврентьевском списке этой летописи 1377 г.) слово *Русь* употреблено 89 раз [Творогов 1984: 212; КСДР] и «в подавляющем числе случаев эти слова (*Русь, Русьская земля, русьский* — И. У.) имеют в виду все восточнославянские племена в целом, либо их землю» (Пов. вр. л. 1996: 401), например:

1) восточные славяне: в Аfetовѣ же части сѣдати *Русь*. Чюдѣ. и вси языци. Мера. Муромѣ Вѣсь Морѣдва... ЛЛ 1377, л. 2; (945); и приде на холмѣ кде стонаше Перунѣ. [и] покладоша оружье свое и щитѣ и золото. и ходи Игорь ротѣ и люди его. елико поганыхъ *Руси*. а хрѣаную *Русь* водиша ротѣ. в цркви сѣго Ильи. ЛЛ 1377, л. 14;

2) земля восточных славян: тѣмже и из *Руси* можетъ [по Волзѣ] в Болгары и въ Хвалисы. ЛЛ 1377, л. 3; се бо токмо // Словѣнскѣ языкѣ в *Руси*. Полане. Деревлане. Ноугородьци. Полочане. Дреговичи. Сѣверѣ Бужане зане сѣдоша по Бугу послѣже же Вельнѣане. ЛЛ 1377, л. 4-4 об.

В некоторых контекстах эти значения ('территория' и 'население') могут совмещаться: (969): сию (Ольгу. — И. У.) бо хваля(ѣ) Рустие сѣве. аки началницю. ибо по смрѣти молаше Ба за *Русь*. ЛЛ 1377, л. 20 об.; (984): быша же Радимичи ѿ рода Лаховѣ. прешедѣше ту са вселиша. и плататъ данѣ *Руси*. ЛЛ 1377, л. 27; (1043): и бы(ѣ) бурѣ велика и разби корабли *Руси*. ЛЛ 1377, л. 52.

При описании событий XII–XIV вв. слово *Русь* может употребляться в летописях в более узком значении, причем разные исследователи по-разному локализовали *Русь* в этом значении (см. Пов. вр. л. 1996: 596, 597). «В социальном контексте *Русская земля* в узком значении земель Среднего Поднепровья интерпретировалась как домен княжеской династии Рюриковичей» (Пов. вр. л. 1996: 597). Последняя запись Повести временных лет относится, как известно, к 1117 г. и, по свидетельству Д.С. Лихачева, Повесть «не может нам представить ни одного случая, который бесспорно свидетельствовал о том, что летописцам XI в. было знакомо именно это (т. е. узкое. — И. У.) значение» (Пов. вр. л. 1996: 402).

В Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку слово употреблено 27 раз (КСДР), например:

1) восточные славяне: (1215): и бишасѣ крѣпко. и мнози ѿ обоихъ падоша. и Бѣжимѣ попушень(ѣ) за оумноженье грѣхъ наши(ѣ). ѿдолѣша Половци. и мнози ѿ *Руси* избѣени быша. а инѣ(ѣ) изимаша. ЛЛ 1377, л. 149 об.;

2) земля восточных славян: (1212): Престависѣ велѣкий кнѣ(ѣ) Всеволодѣ. именовавыи в сѣомѣ крѣпнѣи Дмитрии. сѣѣ Гюргевѣ. блѣгоч(ѣ)тваго кнѣза всеа *Руси* внука Володимера Мономаха. ЛЛ 1377, л. 148 об.;

3) центральная часть этих земель (Южная Русь, Киевское княжество и окружающие): (1195): Посла блѣговѣрныи и х(ѣ)любивыи кнѣзь Всево-

лодь Гюргеви(ѿ). тивуна своего Гюрю. с людьми в Русь. и созда гра(д) на Городци на Вьстри. ѡбнови свою ѡтчину. ЛЛ 1377, л. 139 об.

В Киевской летописи (по Ипатьевскому списку) слово *Русь* употреблено 57 раз (КСДР) в тех же значениях:

1) восточные славяне: (1183): Половци же побѣгоша. Бѣжимъ повеле- ньемъ. и *Роусь* погнаша ѣ. и тоу побѣдиша ѣ. ЛЛ ок. 1425, л. 221 об.;

2) земля восточных славян: (1178): не бѣ бо тоѣ землѣ в *Роуси* кото- рана же его (Мстислава. — И. У.) не хоташеть ни любашеть... и плака- шеса по немъ вса земла Роускаа. ЛЛ ок. 1425, л. 215 об.;

3) центральная часть этих земель: (1175): сѣнокъ его малѣ в Новѣго- родѣ. а братья его в *Руси*. ЛЛ ок. 1425, л. 209 об.

В Галицко-Волынской летописи (по Ипатьевскому списку), где слово употреблено 32 раза (КСДР) локального значения не отмечено: 1) восточ- ные славяне: (1251): Ютвазем же ѡдинако нападающимъ на нѣ. и гнаша *Роусь*. и Лахове по ни(хъ). ЛЛ ок. 1425, л. 272 об.; 2) земли восточных славян: (1279): Голодь бы(ѿ) по всеи землѣ. и в *Роуси* и в Лахо(хъ). и в Литвѣ и въ Ютвазехъ. ЛЛ ок. 1425, л. 292.

В I Новгородской летописи (по Синодальному списку) (31 употребле- ние, см. Dietze 1977; КСДР), наоборот, Новгородская земля и Русь чаще всего рассматриваются как различные территории: (1180): И послаша новгородьци къ сѣославоу въ роу(ѿ) по сѣ. и прѣведоша володимира въ новѣгородъ. ЛН XIII₂, л. 43; (1257): приде вѣсть изъ роуси зла. яко хотать. татарове. тамгы. і десатины на новѣгородѣ. ЛН ок. 1330, л. 135 об.—136. Реже представлены контексты, в которых следует, по-видимому, усмат- ривать употребление слова *Русь* в широком значении «земли восточных славян». Таковы контексты, где противопоставляются татары и Русь и нет противопоставления Руси какой-либо другой восточнославянской земле: (1262): Того (жъ) лѣ(тѣ) поиде кнѣзь олезандръ в татары. і оудержа і берка не поуста в роусь. і зимова в татарѣхъ. і разболѣса. ЛН ок. 1330, 139 об.; (1315): То(тѣ) же лѣ(тѣ) поиде кнѣзь михаіло изъ орды в роусь. ведыі съ собою татары оканьнаго таітемера. оуслышавше же новгородци съ княземъ афанасьемъ. изидоша к торжоку. і пребыша тоу съ ѣ. не(д). вѣсть переімающе. ЛН ок. 1330, л. 159. Знает I Новгородская летопись и упот- ребление слова в значении 'восточные славяне': (1234): Томъ (жъ) лѣ(тѣ). изгониша литва ру(ѿ). оли до тѣргу. и сташа роу(шъ)нѣ. ЛН XIII₂, л. 118; (1328): і сгорѣ нѣмецъ в полатахъ. ѣ. и ѣ. і ѣ. а роуси ѣ. члѣвкы. ЛН ок. 1330, л. 165 об.

Таковы употребления слова *Русь* в древнейших списках русских ле- тописей.

3.2. Употребление этого слова в древнерусских грамотах аналогично употреблению в летописях. Неоднократно употреблено в грамотах слово *Русь* в значении ‘люди, населяющие восточнославянские земли’: Латиньскомуу. не ѣхати. на воиноу съ княземъ ни съ *роусью*. аже самъ. хочеть. ать ѣдетъ тако. и *роуси* не ѣхати. съ латиньскимъ на воиноу. ни в ризѣ. ни готьскомъ. аже хочеть. по воли ѣхати. Гр 1229 сп. 1297–1313 (смол.). Во многих случаях имеются в виду, вероятно, все восточнославянские княжества: А добра ти намъ хотѣти во всемъ. в ордѣ и на *руси*. Гр 1390 (моск.) и др.

Слово *Русь* зафиксировано только в одной из известных новгородских берестяных грамот. Как и во многих контекстах из I Новгородской летописи, слово употреблено в «локальном» (узком) значении: ѿ сѣмька къ коулотѣкъ оже то ѣси казале несѣдѣ вѣверичъ тихъ дѣла коли то еси приходиле въ *роусь* [ѣ] съ лазь(в)къмъ тыгѣдъ възале оу мене лазьвке переа-слав[ѣ]лѣ. ГрБ № 105, 60–90-е гг. XII в.; перевод А.А. Зализняка: ‘От Семка к Кулотке. Что [касается того, что] ты говорил Несде про те деньги, то когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял их у меня Лазовко в Переяславле’; Зализняк 2004: 356). Это одна из четырех (о других см. п. 3.3) первых известных фиксаций слова *Роусь* — в подлинниках XII века; производное *русьскыи* зафиксировано в списке XI в. — в записи к Изб 1076.

3.3. Употребление слова *Русь* в древнерусскую эпоху не ограничивается летописями и грамотами; оно регулярно употребляется и в древнерусских по происхождению оригинальных текстах религиозного содержания, написанных на церковнославянском языке русской редакции. Ни в одном из многочисленных переводных произведений этого периода слова *Русь*, как и следовало ожидать, не зафиксировано. Оно употреблено, например, в следующих церковно-книжных сочинениях, сохранившихся в рукописях XII – нач. XV в.:

1) Служба Борису и Глебу: ꙗѣ(ѣ) ·ѣ· ірмо(с). Вьскоую ма ѡтъри: — ꙗко ѡѣа бл҃гчѣстивина любовию сѣвязана и того любяща бѣчѣстивина. свѣтълостію въ *роуси* вьсинавъша. братама же паче възлюбльшема сего ради. завистьными стрѣлами искушена быста. Мин XII (июль), л. 114 об.;

2) Сказание о Борисе и Глебе: печенегомъ же о оноудоу паки идоущемъ ратию на *роусь*. въ велицѣ печали бѣааше володимирѣ. СкБГ XII, л. 8г;

3) Стихиры Борису и Глебу: ваю христось звѣздѣ. свѣтоносѣнѣи. показа въ *роуси*. вы. похвала ꙗна вы оутвърженіе. Стих 1156–1163, л. 74 а-б;

4) Паремейное чтение о Борисе и Глебе: и бы^ѣ сѣча зла нака же и не была въ *роуси*. Парем 1271, л. 259 об.;

5) Летописец вскоре патриарха Никифора, Русское продолжение: а в *роуси* поча княжити игорь. КН 1285–1291, л. 573–574а;

6) О приходе апостола Андрея на Русь: ис того же лѣса потечеть. вѣлга на вѣстокъ. и втечеть семьдесятъ жерель. в море хвалиское. тѣм же из *руси* можетъ ити по волзѣ. в болгары и въ хвалисы. ПрП XIV–XV (1), л. 141б;

7) Служба и каноны св. Владимиру: избавиль ны ѳеи ѿ лѣсти бл҃года-римъ та. вѣсписаѣть ти вса *русь*. василиѣ. МинПр XIV–XV, л. 70;

8) Сказание Симеона, епископа Владимирского, о Печерских черно-ризах: (Антоний. — И. У.) приноужень же бывъ любве юго ра(д). написа тако. во има ѿѣа и сѣа и сѣго дѣа иже и до нынѣ в рѣкѣ влагаю(т) оумер-ши(м) таковою млтѣвою. ѿтолѣ бо оутверди(ѣ) таковоѣ написание полагати со оумерши(ѣ) преже бо сего инѣ не створи в *роуси*. ПКП 1406, л. 129а-б.

В приведенных контекстах отсутствует противопоставление Руси другим восточнославянским землям, а во многих контекстах Русь сопоставляется с другими — неславянскими — странами (землями). Это свидетельствует о том, что в церковно-книжных произведениях слово *Русь* обычно употреблялось в «общем» значении. Употребления в «узком» значении, отмеченные в летописях, как правило, при описании перемещения из одного восточнославянского княжества в другое, в книжных памятниках единичны; ср. описание поездки князя Глеба из Муром в Киев: глѣбъ же сѣдаше моуromѣ. и поиде в *роусь* хотя видѣти бра(т)ю. ПрЛ 1282, л. 2в.

3.4. В XV–XVII вв. слово *Русь* продолжает употребляться в тех же значениях, что и в предшествующее время (с учетом, естественно, территориальных изменений и перемещений населения):

1) восточные славяне; русские: иде патриархъ во церковь со христиа-ны, а христиане суть: ...Ивери и *Русь*. Хождение Трифона Коробейнико-ва. 1593–1594, сп. XVII в. — Пр. пал. 1889;

2) земли восточных славян; русские земли: Отъ великого князя Васи-ля Ивановича всеа *Руси* во Тверь. Гр 1521; Уена (оѣена) — есть зверь, его же несть в *Руси*. Алф., 44б;

3) центральная часть России (в отличие от окраин — Казани, Астра-хани, Сибири и др.): выде из Татаръ на *Русь*. Ж. Пр. Уст. 1554; Да в про-шлом, во 7132мъ году, посланъ Указ, ...великого государя... Михаила Ѳеодоровича..., в'сибирь да вастарахань, татаръ и татарченковъ муже-ского и женского полу, всякимъ людемъ покупати, и даромъ нукого имати и крестити, и *наРусь* нискѣмъ высылати не велено. Ул. Ал. 1649.

Употребление слова *Русь* в качестве названия древнего русского го-сударства, его жителей или его части постепенно ограничивалось в связи с распространением названия *Россия* (*Русия*). Слово *Русь* превращается

в поэтическое наименование *России*, ср. у А.С. Пушкина: Слух обо мне пройдет по всей *Руси* великой / И назовет меня всяк сущий в ней язык.

В современных текстах *Русь*, уступая, естественно, в частоте употреблений слову *Россия* (8791 употребление по сравнению со 133 688 по данным основного корпуса НКРЯ на 25.10.2011), нейтрально употребляется только в исторических текстах, в качестве названия (или части названия) фирм, фермерских хозяйств, пансионатов и т. п.

3.5. В говорах *Русь* выступает в ряде значений, отсутствующих у этого слова в литературном языке: «1. Белый свет, мир... *На Русь выйти*. Родиться, появиться на свет... 2. ...Места, заселенные русскими, граничащие с поселениями других народов... 3. Поселение, обычно на открытом ровном месте... 4. ...Переселенцы из европейской части России... 5. О русской культуре, образовании, распространенных среди нерусского населения» (СРНГ, вып. 35: 273–274).

4. Форма на *-о* (*Россия*), заменившая постепенно в нейтральном употреблении слово *Русь*, «происходит из греч. Ῥωσσία от ср.-греч. οἱ Ῥῶς из языка патриаршей канцелярии в Константинополе» (Фасмер 1964–1973, III: 505; см. также [Соловьев 1957: 135, 136]).

Греч. Ῥῶς восходит к слову *Русь*, обозначавшему не только землю восточных славян, но и ее население (в том числе варягов, входивших в княжеские военные дружины, посольства и т. п.). Греч. Ῥῶς (передача древнееврейского библейского *Рош*; звука [ш] в греческом языке этого периода не было) существовало, по-видимому, с самого возникновения христианства, но до IX в. — времени появления русских в Византии — оно не имело к русским никакого отношения.

Народ, пришедший с севера в Средиземноморье в IX в., называвший себя Русью, византийцы связали с библейским правителем Рош, упомянутым в пророчестве Иезекииля: «Так говорит Господь Бог: вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера и приведу тебя на горы Израилевы» (ср. [Максимович 2006: 15]). Эсхатологическая легенда о Гоге и Магоге, о народе Рош была широко распространена в Византии (подробнее см. Конст. Багр. 1991: 295, 296). Имя Рош закрепилось в Византии за русскими, несмотря на то что после крещения Руси отождествление христиан с народом Рош было невозможно. Наименование современного народа библейским именем соответствовало литературным обычаям византийских авторов [Сюзюмов 1940].

Первой фиксацией слова *Рос* в византийских источниках считается текст «Жития Георгия Амастридского», написанного не позднее 842 г. В нем сообщается о нападении руссов на византийский город Амастри-

ду. Позднее руссы упомянуты в сочинениях византийского патриарха Фотия и многократно — в сочинениях императора Константина Багрянородного («Об управлении империей», «О церемониях»), например, в «О церемониях» он «сообщает, что в Константинополе на византийской службе в середине X в. были крещены руссы, οἱ βαλτισμένοι Ῥως» [Успенский 2002: 37]. В этом же сочинении впервые в византийской литературе появляется имя *Россия* (Ῥωσία), образованное по образцу греческих и латинских названий других стран с суффиксом *-ia* (см., например, Конст. Багр. 1991).

Форма с *о*, возможно, является отражением древнего индоевропейского чередования *о/и* [Трубачев 1993: 39].

Лексикографические источники указывают на первую фиксацию слова *Россия* в памятниках XVI века; ср. у М. Фасмера: «**Россія**, впервые в Моск. грам. 1517 г. ... также у Ивана Грозного, Аввакума и др.» (Фасмер 1964–1973, III, 1971: 505), в Сл XI–XVII: «**Россия (Росия)**, ж. *Россия*. Всея Росия царь и великий князь [об Иване IV]. Сильв. Посл., 11, 1553 г.; А в нашей Росии бысть знамение: солнце затмилось въ 162 году, пред моромъ за мѣсяцъ или менши. Ав. Ж., 4. 1673 г.» (Сл XI–XVII, вып. 22: 218); в Brückner 1957: 463: «dopiero od 16. wieku», ср. в СЭС 1983: 1136: «Назв. возникло в кон. 15 в.».

Между тем впервые слово зафиксировано в славянской письменности гораздо раньше — в конце XIV в. Эта первая фиксация вскользь упоминалась в литературе [Соловьев 1957: 144], но в исторической и этимологической лексикографии, как видим, отражения не получила, равно как и фиксации слова *Россия* в памятниках XV в. (см. ниже).

Впервые это слово (ρωσία) зафиксировано в записи в «Лестнице» Иоанна Синайского 1387 г. (Рукопись РГБ Собр. Фунд. № 152, ф. 173). В Сводн. кат. 2002: 541 отмечается, что памятник — «среднеболгарский... На л. 279 об. запись писца — митрополита Киприана: В лѣ(т) ѿ сѣ-ѿ-ѿ-априлѣа ·кѣ· сѣврѣшиша сѣа кнѣгы в сѣа дѣи сѣкоу бѣнѣлѣн. кнѣпрѣа смѣреннѣмъ мѣтрополѣнѣмъ кѣевскѣмъ и всеа рѣсѣа». (см. фотокопию, напечатанную в Рук. собр. 1986: 105). Запись, как видим, свидетельству-

Рѣсѣа ѿ сѣ-ѿ-ѿ-априлѣа ·кѣ·
сѣврѣшиша сѣа кнѣгы в сѣа
дѣи сѣкоу бѣнѣлѣн. кнѣпрѣа
смѣреннѣмъ мѣтрополѣнѣмъ
кѣевскѣмъ и всеа рѣсѣа; —

ет от том, что 24 апреля 1387 г. Кирилл закончил переписку «Лествицы» Иоанна Синайского в Константинополе, в Студийском монастыре.

Появление и распространение в русской письменности формы *Росия* (Ροσία) — скорее всего, одно из многих проявлений тенденции к византизации русской книжной культуры (о других проявлениях этой тенденции в период второго южнославянского влияния XIV–XV вв. см. [Успенский 2002: 279–284]). Митрополит Киприан (ок. 1330–1406), как известно, южный славянин (болгарин или серб), знавший греческий язык, знал, как видим, византийское имя России и употребил его во время работы в Константинополе. Впрочем, более употребительным и устоявшимся (в том числе и в титуле митрополита) в это время было еще название *Русь*, о чем свидетельствует использование его тем же Киприаном в написанной им 12 лет спустя во время пребывания в Москве сохранившейся в подлиннике Жалованной грамоте Рождественскому монастырю на село Веськое в Суздальском уезде, начинающейся обычной формулой деловой речи: Се азъ киприанъ мл(ѣ)тью Бжѣю митрополитъ киевскіи и всеи. ру(ѣ). возрѣлъ есмь въ старыи грамоты великихъ князѣи. Гр 1399 (моск.); ср. некоторые другие тексты, в которых употреблен титул Киприана:

– Выходная запись писца (инока Иллариона?) от имени митрополита Киприана...: Сии Служебникъ преписанъ ѿт грецкыхъ книгъ на русскыи языкъ рукою своею Киприанъ, смиренныи митрополитъ Киевскы[и] и всеа Руси (Служ XIV, л. 72; ср. [Столярова 2000: 316]). В более поздней (XVII в.) записи в том же Служебнике употреблено *Россия*: Служебник Киприана митрополита Московского и всеа России, написан его рукою, с греческого перевода в лѣто 6905 [Столярова 2000: 317]. По мнению исследователей этого Служебника, митрополит Киприан был не писцом, а либо заказчиком этого кодекса, либо переводчиком греческого Служебника, легшего в его основу [Столярова 2000: 317];

– Надпись на серебряном окладе евангелия Феодора Кошки (1392): оковано быс еѣ се. при велицѣ(м) князѣ васильи дмитрееви(ч) всеа ру(с) при пресвѣщным киприан митрополи. кѣвскомъ всеа ру(с) повелѣньемъ ра(б) бѣа федора андрѣеви(ч). Надп. н. XV;

– Грамота в. кн. Олега Ивановича в. кн. Дмитрию Ивановичу (1382 г., сп. конца XV в.): По бл(а)гословлен(ь)ю ѿтца нашего Киприана, митрополита всеа Руси... Дух. и дог. гр. 1950: 29.

Греч. Ῥωσία употреблено в подписи митрополита Феогноста — грека по национальности (ум. в 1353 г.) — под его «Грамотой на Червлёный Яр о принадлежности тамошнего края к рязанской епархии»: Θεόγνωστος ἐλέφ Θεοῦ μητροπολίτης πάσης Ῥωσίας καὶ ὑπέρτιμος (1333–1353 г., список XVII в.; Пам. кан. пр. 1908: 163). В древнерусском тексте этой

грамоты в титуле митрополита употреблено *Русь*: Благословенъ Ѳеогноста, митрополита всея *Руси*, къ дѣтемъ моимъ, къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ и попомъ, и ко всѣмъ крестьяномъ Червленого Яру (Пам. кан. пр. 1908: 163).

В дальнейшем *Росия* и производные от него встречаются все чаще. Наряду с *Русь*, *русскии* они употреблялись в XV в., ср., например, употребление *Росия* в записи в Богородичнике 1489 г. (ГИМ, Чуд. № 71; [Тихомиров 1960: 15]): В лето 6997 месяца иуны 24, на рожество честнаго пророка и предтечи крестителя господня Иоанна, кончан бысть сий Богородичник осмим гласовом и сущим надписаным в книзе сей каноном избранным в дръжавном граде Москве в обители начяльника небесных чинов архистратига Михаила и честнаго его чюда в строении же господина Алексиа митрополита Киевского и всея *Росиа*... Того лета архиепископу Геронтию Киевскому и всеа *Росиа* преставльшуся.

С XVII в. *Россия* стали писать и через два *с* — по аналогии с прилагательным *русскии*, где второе *с* принадлежит суффиксу *-ск-*. Постепенно написание с двумя *с* стало нормой.

В говорах слово *Россия* употреблялось и в собирательном значении совокупности лиц: «1. ...Жители Лифляндского побережья Петроградской и Псковской губ. и местностей, расположенных далее вглубь страны... 3. ...Православные христиане, отправляющие богослужение по исправленным книгам (в противоположность раскольникам и старообрядцам)» (СРНГ 2001: 192), а также в значении «2. Внутренние губернии России» (СРНГ 2001: 192).

В говорах и просторечии употребляется и форма *Расе́я* — результат изменения *и > е* перед *ј*.

5. В XV–XVII вв. была довольно употребительной контаминированная форма *Русия* (*Русь* + *Росия*). Не исключено иноязычное происхождение этого слова; ср.: «От *Русь* образовано ср.-лат. *Russi, Russia, Ruscia, Ruzzia* ... Из последнего могло произойти *Русия*» (Фасмер 1964–1973, т. III, 1971: 522). Это имя зафиксировано в «Письме Якова Святослава деспота болгарского митрополиту русскому Кириллу» 1262 г. (по списку XVI в., скорее всего эта форма внесена в список более поздними переписчиками): Бгѡмъ избраномъ пастырю и 8чителю словесна(ѣ) стада правовѣрныхъ вѣры нашае ѡцю ми по дхѹ святому преосѣщному архиеп(с)поу Коурилоу прѣславнаго града Кіева. оучителя же всеи *Русии* (Срезн. Свед. и зам.: 12; [Соловьев 1957: 141]). Чаще всего оно использовалось в составе титулов великих князей, царей и митрополитов, например: Лѣта 6990-го, по великого князя слову Ивана Васильевича всея *Русии*... (1482 г. Отводная на земли Кирилова монастыря и крестьян Кивуйской волости — Арх.

Стр., I, 1915, стлб. 52). Встречается оно в XVIII в. (у Радищева, Татищева), например: Более же всего закон или уложение древнее русское довольную древность письма в *Руссии* удостоверяет (Татищев В.Н. История Российская, 1739–1750 — НКРЯ) и — редко — в современных текстах: «*Руссия* — это экзотика для всех, и для вас, наверное тоже (Зайчик Марк. В нашем регионе // Звезда. 2002 — НКРЯ). В НКРЯ имеется 67 контекстов употребления этого слова, но значительная часть из них принадлежит указанной выше «Истории...» В.Н. Татищева.

Слово *Roysia* употреблено также в подложных записях, датированных поддельщиками 1072 г. (см. [Столярова 2000: 18, 19]) и 1390 г. (см. [Столярова 2000: 371]).

6. Во многих памятниках XVII в. *Росия* (*Россия*) употребляется чаще и разнообразнее, чем *Русь* и *Русия*.

Так, в Летописной книге С.И. Шаховского *Росия* встречается 6 раз (например: И промчеса то слово во всю *Росию*. Шах., Лет. кн.: 366; и бысть царь Московскому государству и всеа *Росии*. Шах., Лет. кн.: 382), *Росѣя* — 1 раз, *Русия* — 4 раза (только в титулах — всея *Русии*), *росийский* — 14 раз, *росѣйский* — 2 раза; *Русь* же не употреблено ни разу.

В Сказании Авраамия Палицына 33 раза употреблена форма *Росия*, 20 раз — *Русия* (только в составе титулов) и лишь один раз — *Русь* — тоже в составе титула: по благословению великаго господина святейшаго Филарета, патриарха московскаго и всеа *Руси*. Сказ. Авр. Пал., л. 233.

В период сосуществования этих трех однокоренных названий Российского государства возможно было параллельное употребление слов *Русь* и *Россия* (*Русия*) в одних и тех же текстах, например: а государя нашего, ... написали государемъ всеа *Руси*, да и той *Руси* которые города рускіе нынѣ за государемъ вашимъ (Польск. д. 1563, III); А потужити по нас и поплакати на святой *Руси* некому, отцов у нас и матерей на святой *Руси* не осталось (Аз. пов.); Благословеніе преосвященнаго Аѳанасья, митрополита всеа *Руси*, о Святемъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренья Матѣю, епископу Сарскому и Подонскому. Пишемъ, сыну, къ тобѣ по совѣту боговенчаннаго царя государя великаго князя Ивана Васильевича всеа *Руси* самодержца (1564, сентября 29. Богомольная грамота митрополита Аѳанасія епископу Сарскому и Подонскому Матѣю по случаю войны съ Польшею. Арх. Стр., т. 1, стлб. 449); Подобае же намъ ревновати и дивитися и посланным нашимъ от всеа наша великия *Росия*: вначале — от подражателя и сопрестолника святыхъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ, от первенца и главы церковныя всеа *Руси*, пастыря нашего и учителя, и отцемъ отца и святителя, неложнаго стоятеля, и крѣпкаго побарателя по вере христианстей (Нов. пов.: 26, 28).

7. Слова *Русь* и *Россия* вошли в состав словосочетаний — названий различных территорий: *Белая Русь (Россия)*, *Черная Русь*, *Червонная Русь*, *Великая Русь (Россия)*, *Малая Русь (Россия)*, часть которых явилась производящей базой для слов *Белорусь (Белоруссия)*, *Великороссия*, *Малороссия*.

Происхождению и значению этих названий посвящена большая литература (см. например, [Mańczak 1975; Агеева 2000; Трубачев 1992]). Отметим лишь те высказывания о происхождении этих названий, которые нам представляются наиболее убедительными. О.Н. Трубачев, подытоживая исследования происхождения этих названий, писал: «*Белая Русь*, занимая, как известно, свое место в ряду *Великая*, *Малая* и *Белая Россия*, возникла, собственно, в совсем другом ряду: *Белая Русь* — *Черная Русь* — *Червонная Русь*» [Трубачев 1992: 121]. При этом *Белая Русь* первоначально означала ‘западная’, *Черная Русь* — ‘северная’ и *Червон[н]ая Русь* — ‘южная’. Полагают, что эта система обозначений стран света «идет с Востока и что по своему происхождению она тюрко-монгольско-китайская» [Трубачев 1992: 124].

Название *Великая Русь (Россия)* — это первоначально «большая» Русь, возникшая в результате обживания новых пространств; расширенная территория. «Это значение слова *великий* было исходным, более ранним по сравнению с переносным значением, указывавшим на величие, мощь государства; понятия *Великая* и *Малая*, лат. *Maior* и *Minor*, были употребительны в сочинениях средневековых географов и по отношению к некоторым странам обозначали их внутренние политические подразделения» [Агеева 2000: 266]; ср. также греч. Μεγάλη Ῥωσσία и Μικρά Ῥωσσία, обозначения, используемые константинопольским патриаршеством (см. Фасмер 1964–1973, I: 289).

Малая Русь — это термин, возникший параллельно с *Великой Русью* «и только в этом ориентационном противопоставлении Руси дальней и ближней, исконной Руси заключается весь смысл вновь возникшего обозначения *Малая Русь*. Её ... нельзя никоим образом толковать и понимать буквально («маленькая Русь»), что было бы грубым искажением исторической правды» [Трубачев 1992: 121]. *Малая Русь* — это исторический центр Древнерусского государства, в отличие от ее расширенной большой («великой») территории [Агеева 2000: 346, 347].

Названия *Малая Русь*, *Малая Россия (Малороссия)* были заменены названием *Украина* — сначала неофициально (ср., например, у В. Даля: Ныне Украиной зовут Малую Русь. Даль 1956: 484), а затем официально. Название *Украина* (первоначально ‘окраина, граница’) впервые в качестве имени собственного — названия территории (применительно к Пе-

реяславской земле и части Галицкой земли) — встречается в Киевской летописи под 1187 г. (по Ипатьевскому списку): и плакашаса по немь (князе Владимире Глебовиче. — *И. У.*) вси Переяславци... бѣ бо князь добръ. и крѣпокъ на рати. и моужьствомъ крѣпкомъ показанася. и всаки-ми добродѣтелми наполненъ. ѿ нем же *Оукраина* много постана... (ЛИ ок. 1425, л. 227 об.).

Два названия — *Русь* и *Россия* — создали два гнезда производных слов, одно из которых объединено значением ‘национальность’, а другое — ‘принадлежность к России, проживание в ней’, ср. *русский* (прил.) и *российский*; *русский* (сущ.) и *россиянин* и т. д. Такая дифференциация образованиям от названий большинства стран не свойственна; эти образования (*поляк, чех, литовец* и т. п.) чаще всего обозначают только национальность (эта национальность часто, но не всегда, количественно преобладает в данной стране). Пары слов типа *латыши* ‘нация, основное население Латвии, а также лица, относящиеся к этой нации’ и *латвийцы* ‘население Латвии’, или *казахи* и *казахстанцы* — единичны и вторые члены этих пар менее употребительны, чем вторые; ср. частотность по НКРЯ: *русский* — 140 798, *россиянин* — 5082; *латыши* — 754, *латвийцы* — 4; *казах* — 512, *казахстанец* — 24; *узбек* — 668, *узбекистанец* — 1; *киргиз* — 1199, *киргизстанец* — 15; *таджик* — 360, *таджикистанец* — 1; *татарин* — 6720, *татарстанец* — 9.

В большинстве языков значение ‘русский’ и ‘житель России’, как известно, обозначаются одним словом.

В истории языка имело место семантическое взаимодействие гнезд слов *Русь* и *Россия*. История этих гнезд может быть предметом отдельного описания.

Слово *государство* в кругу генетически и семантически близких слов

0. Генетические и семантические связи слова *государство* весьма разнообразны.

Цепочка непосредственных генетических связей выглядит следующим образом: *государство* ← *государь* ← *господарь* ← *господа* ‘хозяйство’ ← *господь* (< **gostь* ‘гость’ или **gast* ‘почва, земля’ + **pod* ‘хозяин, повелитель’); в это же этимологическое гнездо входят исконно славянские *сударь, с* в контекстах типа *извольте-с; господин, гостиница* и дру-

гие слова с корнем *гост-*; заимствования *госпиталь*, *отель*, *деспот*, *потенциальный*. Семантически слово связано со словами *страна*, *земля*, *царство*, *княжество* и др.

Рассмотрим подробнее генетические и семантические связи слова *государство*.

В современном русском языке слово *государство* употребляется в двух значениях: «1. Основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры... 2. Страна, находящаяся под управлением политической организации, осуществляющей охрану ее экономической и социальной структуры» [Ожегов, Шведова 1992: 143].

Исконное значение — ‘земля (территория, страна), находящаяся под управлением государя’. От слова *государь* с помощью суффикса *-ство* оно и было образовано (ср. *князь* — *княжество*, *царь* — *царство*). Таким образом, исконный (этимологический) признак государства — это наличие правителя (*государя*).

В современном языке слово *государь* является историзмом. В словарях оно имеет помету *устар.* и толкуется следующим образом: «В Древней Руси: князь — правитель; в царской России: царь» [Ожегов, Шведова 1992: 143].

Существительное *государь* возникло скорее всего в восточнославянском (древнерусском) языке после его выделения из праславянского языка; оно имеется в украинском (*государ*) и белорусском (*гасудар*) языках и отсутствует в других славянских языках, где его значения передаются словами с корнями *влад-* (болг. *владетел*, чеш. *vladař*), *pan-* (чеш. *pan*, *panovník*, польск. *pan*), *мос-* (чеш. *mosnář*), *monarch-* (польск. *monarcha*).

Этимологи полагают, что дрр. *государь* — это «фонетическое преобразование общесл. *господарь*–..., ср. другие сокращения этого слова: (народн.) *осударь*, *сударь*» (ЭСРЯ, I, вып. 4: 150; ср. также Фасмер 1964–1973, I: 448). П. Я. Черных полагал, что «появление формы *государь* вм. *господарь* едва ли можно объяснить только на фонетической почве (т. е. изменением *o > u* и выпадением *n* — *И. У.*): видимо, здесь не обошлось без влияния основы *суд-* (*государь* — «верховный судья»)» [Черных 1993, I: 210].

В написании *осподарь* отражено южное «г» фрикативное, свойственное данному слову и однокоренным словами в церковном произношении. Под влиянием церковных форм это произношение распространилось и на северно-великорусской территории.

Сокращением, имевшим место в устной речи, является слово *сударь*, которое в свою очередь сократилось в определенных стилях до постпозитивного *-с* в вежливо-уничижительных употреблениях типа *извольте-с*.

Несокращенное написание *государь* (госѣдар) отмечено в русском тексте довольно поздно (в переводе писем из Дании 1645 г. — «Вести-Куранты», 1645, см. [Золтан 1983: 104–105]). Однако, «слово *государь* в рукописных и старопечатных памятниках писалось и печаталось обыкновенно в сокращенном виде, под словотитлом, и поэтому трудно установить на основании этих данных, когда вошла в общее употребление форма *государь* вм. *господарь*» [Черных 1993, I: 210]. Поэтому слишком категорическим кажется предложенное в (СДРЯ XI–XIV, V: 606) исправление, согласно которому все сокращенные написания типа *г(с)дрь* рассматриваются только как передача слова *господарь*.

Это сокращенное («двусмысленное») написание фиксируется с XIV в. — в «хозяйственно-бытовом» и в «политическом» значениях: 1. 'Владелец, собственник кого или чего-либо, хозяин': «а холопа и половника не соудити твоимъ соудинамъ безъ г(с)дарѧ. соудити кназю въ новѣгородѣ (Гр. 1304–1307 (новг.)). 2. 'Верховный владетель, государь'; в этом значении слово употреблялось в качестве титула великого князя, царя и короля: мы кна(з). Литовський. кна(з) Олѣксандръ Корѣатовичъ. бсью млтью. *кназь*. и *гдрь* Подольской земли. чинимъ свѣдочно своимъ листомъ. всакому доброму. кто жь. на сеи листь посмотреть (Гр. 1375 (ю.-р.)).

Слово не употреблялось в религиозно-философской литературе. Оно принадлежало языку повседневного общения и в обоих значениях входило в состав многочисленных устойчивых обращений, свойственных этому языку. Так, в первом из названных значений оно использовалось в составе общеупотребительного обращения, выражающего почтение, уважение к собеседнику или слушателю: Простите, *государь* вси християне православные, поминайте наши души грѣшныя. Аз. пов., 114. XVII–XVIII вв.; Говорить имъ съдя доброй молодець: *Гсдри* вы люди добрыя, скажу я вамъ про свою нужду великую (Пов. о Горе и Злоч. 35. XVIII в. ~ XVII в.). С XVIII в. фиксируется формула *милостивый государь*: Милостивый Государь! сказал Дон Педро, не будьте столь худаго мнѣния о вашемъ сынѣ. Хр. бес. I 99.

Во втором значении слово употреблялось: в качестве титула царя — *великий государь* (до провозглашения Петра I императором в 1721 г.): Тѣх помянутых инженеров и огнестрѣльных художников к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, наскоро послать изволили (ПБП, т. I: 86); в качестве почетного титула города: А к сеи грамотѣ... повелениемъ всего господина *государя Великого Новагорода* изо всихъ пяти концовъ приложиша печати. Гр. Новг. и Псков., 153, 1469 г.; в составе титула представителей высшего духовенства: *Государю преосвященному Варламу*, митрополиту Ростовскому и Ярославскому (АХУ III, 13, 1626).

С 1721 г. монарх в России стал именоваться *Всемилоствейший государь*: В срединѣ пред прошением. <Писать> *Всемилоствѣвший Государь*, прошу Вашего Императорскаго Величества (ПСЗ, VIб: 454).

В «неполитическом» значении слово употреблялось еще в XVIII в. (судя по Сл. яз. Пушк.), его «неполитическое» употребление уже ограничивалось только формой обращения к своему господину, начальнику: — Отец ты наш, — кричали они, цалуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, *осударь*, с судом мы управимся (Дубровский; Сл. яз. Пушк., 1: 537).

В (Даль 1956, 1: 387) это значение считается устаревшим: «Встарь *государь* или *осударь* употребляли безразлично, вм. *господин*, *барин*, *помещикъ*, *вельможа*». Актуальным же значением было только «всякий светский владыка, верховный глава страны, владетельная особа; император, царь, король, владетельный герцог или князь и пр.» (Там же). В этом значении слово сохраняло отчетливую семантическую связь со своим производным — *государство*. Эта связь нарушилась с прекращением с 1917 г. активного употребления слова *государь* в этом значении и переходом его в архаизмы.

2. Слово *господарь*, преобразованием которого является *государь*, употреблялось в тех же значениях, что и *государь*. Оно возникло, по-видимому, раньше — в праславянскую эпоху в значении ‘глава дома, владелец, хозяин’ (соответствия почти во всех славянских языках, см. ЭССЯ вып. 7: 59). *Господарь*, как и *государь*, употреблялось в языке повседневного общения и фиксируется почти исключительно в деловых памятниках; его употребления в книжных текстах единичны. Полные (несокращенные) написания представлены уже в древнейших памятниках. Наиболее ранняя фиксация слова (в значении ‘глава дома, владелец, хозяин’) относится к берестяной грамоте XI в.: ...[п]о[клѣ](п)ает(ь) сего :м:ми рѣзанами а замѣке кѣлѣ а двѣри кѣлѣ а *господарь* въ не таже не дѣе ГрБ № 247, XI [Зализняк 1995: 223].

Как и *государь*, слово стало употребляться и в качестве титула правителей (великого князя, царя, короля, высших духовных лиц), например: а што ко(л) ѿ(т) кого оуслышу. на *господаря* нашего лихо или добро того (м) не (вместо *мнѣ* не) оутайасти *господаря* нашего велико(г) *короля*. Гр 1386 (3, ю.-р.): (1461): «И повелѣша имѣ бити челомъ господину и *господарю* князю великому Василию Васильевичю о жаловании и о печаловании своя отчины, мужей псковичъ. Пск. I лет., 58. Как титул главы государства слово отмечено лишь в восточнославянском и сербском языках (см. [Золтан 1983]).

В исконном значении ‘хозяин, владелец’ слово вытесняется тюркизмом *хозяин* только в русском, но не в украинском и белорусском.

Как элемент великокняжеского титула слово *господарь* «в восточно-славянском актовом материале встречается впервые в грамотах, вышедших из русской канцелярии польского короля Казимира III (1337–1370) и входит в его титулатуру в связи с присоединением Польшей в 1349 г. бывшего Галицкого княжества. Казимир именуется *господарь рускоѡ землѣ*..., а в латинской грамоте 1349 г. — *dominis terre Russie*» (см. [Золтан 1983: 75–76]). Можно полагать, что иноязычное происхождение этого «семантического латинизма» явилось причиной его вытеснения в среднерусский период исконным *государь* в «политическом» значении.

Образование слова *господарь* наиболее убедительно рассмотрел О.Н. Трубачев: «Производное с суфф. *-арь*, по-видимому, непосредственно от **gospoda*..., ср. формальное удобство наложения суфф. *-(a)рь* именно на *a*- основу **gospoda* (произведение **gospodarь* от **gospodь* затруднительно и нерационально); в пользу непосредственной словопроизводной связи **gospoda* и **gospodarь* говорит и тесная связь их значений ‘хозяйство’ и ‘хозяин, правитель’, чего нельзя сказать о **gospoda* и **gospodь*» (ЭССЯ, вып. 7: 59).

От сущ. *господарь* было образовано слово *господарство*, синонимичное слову *государство*, зафиксированное довольно поздно (в памятниках XVII в.), но, скорее всего, существовавшее раньше: суффикс *-ство* был всегда продуктивен. В Сл XI–XVII оно фиксируется в двух значениях: «1. *Государство*. А будет кто измѣнить из Московскаго *господарства* от<ъ>ѣдетъ в ѣное *господарство*... и гсдрь пожалуйетъ его, положить на милость» (Ул. Ал. 1649, 270 об., 1649). «2. Правление, царствование... Рцем о сем, в которыя времена и лѣта и при котором *господарствѣ* и кою виною житие блаженного составися». Ж. Серг. Нур., 139 об. XVII в. ~ 1584 г.

Оно было вытеснено словом *государство* вместе со своим производящим *господарь*.

3. Сущ. *господь*, к которому опосредствованно (через *господа*, см. выше) восходит сущ. *господарь* в свою очередь восходит к праиндоевропейскому языку. Оно пережило ряд семантических изменений.

Лингвисты, изучавшие происхождение слова *господь*, имеющее соответствие почти во всех славянских языках, рассматривают его как очень древнее дохристианское сложение двух слов. О.Н. Трубачев реконструирует праиндоевропейскую форму **ghost-pot* — сложение двух первоначальных основ на согласную. Обе эти древних основы отражены (но по-разному) даже в словах современного русского языка: первое, по мнению большинства лингвистов — в исконном праславянском *гость*, второе в заимствованиях *деспот*, в словах с корнем *потенц-* (*потенция* и др.).

Праслав. *gostь можно трактовать как производное с суффиксальным *t* (*ghos-t) от и.е. основы *ghos ‘поедать’, что подкрепляется «наблюдениями над возникновением и эволюцией ритуалов гостеприимства и потчевания гостя при этом» (ЭССЯ вып. 7: 68). На основании слов, родственных с праславянским *gostь (см. эти слова в ЭССЯ, вып. 7: 68) реконструируется его исходное значение — ‘пришелец, чужой’, который мог рассматриваться и как желанный объект гостеприимства (откуда далее — ‘купец’) и как «нежелательный пришелец» (откуда далее — ‘враг’) (см., например, [Sławski, I: 328]). К лат. *hostis* ‘чужеземец’, *hospes* ‘1. чужестранец; 2. гость; 3. хозяин’ восходят *госпиталь*, *отель*, *хоспис*, заимствованные русским языком из западноевропейских языков (о происхождении и истории этих слов см. EWD 1989: 507; Черных 1993, I: 208, 209).

Вторая часть сложения *ghost-pot включают в себя древнеиндоевропейскую основу *pot, для которой реконструируется значение ‘хозяин, глава дома; повелитель’. К этой основе восходят лит. *pàts* ‘муж’, ‘супруг’, ‘сам’, латыш. *pats* ‘хозяин дома’, ‘глава семьи’, греч. πόσις (< *potis) ‘супруг’, лат. *potis* ‘могущественный’, ‘могущий’ (откуда *потенция* и др.), др.-инд. *pátin* ‘господин, владыка, супруг’; эта основа входит и в состав сложных слов (греч. δεσπότης < и.е. *dems (ср. *домъ*) + *potis* ‘домохозяин; господин’; ‘владелец’, ‘монарх, повелитель, властелин’ (ср. EWD 1989, I: 273) (рус. *деспот*, восходящее к греческому слову, в отрицательном значении заимствовано через западно-европейские языки; ср. Фасмер 1964–1973, I: 507); лит. *viēšpats* ‘господин’, ‘Господь Бог’, др.-прусс. *waispatti* — ‘госпожа’, прасл. *potьbъga*, ср. в дрп.-цсл. *потьбъga* ‘жена, отпущенная мужем, разведенная жена’).

Исконное значение слова *господь* (т. е. результат соединения значений основ *ghost- и *-pot) лингвистами трактуется по-разному. В этимологических словарях в качестве значения этой праформы указывается ‘хозяин по отношению к гостям’ [Sławski, I: 325], ‘гостеприимный, принимающий чужестранцев хозяин’ [Черных 1993, I: 209]. В ЕСУМ, т. 1, с. 575 это значение связывается «с давним обычаем, согласно которому гости пользовались защитой и опекой хозяина дома, как и другие члены его семьи». Иную трактовку значения этой формы предложил В. Махек «Возведение слав. *gospodь* к *gostь-podь... верно, но требует семантического объяснения. Существующее толкование *gospodь* как ‘хозяин, предоставляющий гостеприимство’, неприемлемо. Для уточнения этимологического значения следует обратиться к обычаю собирания дани князем у вассалов, описанным Демюзилом для германцев (*Mythes et dieux des Germains*, 1939, p. 144). Князь является не как требующий платы, а как гость, которому подносятся дары. Подобный обычай засвидетельствован

и у славян (см. V. Pracházka // *Právněhistorické studie I*, Praha 1955: 186). Это позволяет объяснить слав. *gospodь* как ‘гость–повелитель’» [Machek 1968: 155–158].

Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов полагают, что и.е. праформа и ее первая часть означает одновременно и гостя, и хозяина: «Институт обмена в древних обществах делает понятным и обычаи, связанные с ‘гостеприимством’ и ‘угощением’. Это тоже своеобразный обмен между ‘хозяином’ и ‘гостем’, которые могут меняться ролями. Этим и объясняется возможность соединения в одном слове значений ‘хозяин’ и ‘гость’, то есть ‘тот, кто принимает’ и ‘того кого принимают’. Именно такую семантику следует приписать индоевропейскому $*g^{[hl]ost^{[hl]i}$ — ‘хозяин’ ~ ‘гость’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 754]. Далее говорится о «лат. *hostis* ‘чужеземец’, *hospes*, род. пад. *hospitis* ‘чужестранец’, ‘гость’, ‘оказывающий гостеприимство’, ‘хозяин’ (из $*hosti-$ + $*pot-s$ ‘гость’ + ‘хозяин’) [Там же].

Приведенные интерпретации, как видим, сходны в том, что усматривают в исходной праформе значение «гостя ~ чужестранца» и «хозяина ~ повелителя» и различаются лишь разной трактовкой этих отношений.

Иное значение реконструирует у данной праформы Й. Шутц [Schütz 1989: 120]. В ее первой части он усматривает «германо-балто-славянский корень *gast-* «почва, грунт; земля; поле, пашня; луг, земельное владение» [Ibid.: 119] и значением всей праформы считает «повелитель кормящей людей земли» [Ibid.: 120].

Корень *gast-* реконструируется на основе следующих слов: древнеготск. *gasts*, множ. *gastai*, двойств. *gasto* ‘поле, пашня; луг; землевладение’, нов.-в.-нем. *Geest* ‘низко расположенная пустошь с песчаной почвой в противоположность влажным болотистым почвам’, литовские названия водоемов *Guostus*, *Užuguostis*, слав. $*gest$ (к которому восходит *жесто-* в старосл. *жестосрьдь*; рус. *жесткий*); лангобардск. *gastaldo* < $*gast-(u)alda$ — титул древнего болгарского князя Alzeco.

Трактовка Й. Шутца семантически более убедительна; ее слабостью является отсутствие более близкого формального соответствия исходному *gast-* в праславянском, нежели указанное выше $*gest-$ (‘жесткий’).

Что касается формального преобразования $*ghost-pot > *gospodь$, то оно заключается: а) в утрате согласного (t) в середине слова, что нередко бывает в частотных названиях титулов; б) в замене **t** на **d** (при употреблении слова перед звонкими согласными) (ср. ЕСУМ т. 1: 575).

Обе трактовки исходного значения слова $*gospodь$ (‘хозяин гостей’; ‘повелитель, владыка земли’) содержат компонент ‘хозяин/владыка’, который и стал одним из тех значений, которые зафиксированы у слова *господь* уже в древнейших письменных памятниках: рабы же $\omega(t)$ *госпо-*

диѣи ѡ(т)бѣгающе. готово приимати (переводит греч. δεσποτῶν). КЕ XII, 2626.

Хозяином, повелителем, правителем стал называться Бог: въпрошу тебе ги бе мои || да не въздаси мнѣ по достоинанию моемоу. СбЯр XIII₂. Такое наиболее частотное употребление этого в целом частотного (более 7000 употреблений) стало единственно возможным; остальные значения были утрачены — правда, довольно поздно. Возможно, эту религиозную терминологизацию слова следует рассматривать как одно из явлений дифференциации церковно-книжных и разговорных элементов на рубеже XVIII и XIX в. «Светское» значение находим, в частности, у Радищева: Один будет начальник самовластный, имѣя в руках силу, другой будет слабый подданный и раб совѣршенный, вѣлѣние *господа* своего исполнять только могущий. Рдщв Пут., 233. А.С. Пушкин в этом значении слово *господь* уже не употребляет (см. Сл. яз. Пушк., I: 105). Старое значение сохранилось в производном *господствовать*.

4. Итак, нами были рассмотрены исходный этимон слова *государство* и все дальнейшие преобразования, приведшие к возникновению значения ‘страна, территория, находящаяся под управлением государя’, восходящего в конечном счете к рассмотренным выше значениям праформы **gost-pot* (см. раздел 3). Если значением этой праформы (вслед за Й. Шутцем) признать ‘повелитель, хозяин земли’, то итогом преобразований этого значения оказывается превращение объекта в субъект и наоборот (упрощенно: ‘повелитель земли’ → ‘земли повелителя’).

Слово *государство* в древнерусскую и старорусскую эпохи могло употребляться и для называния вообще стран, земель безотносительно к их политической организации. Ср. употребление этого слова в одном контексте и в параллельных синтаксических конструкциях с синонимом *земля* в «Назирателе» XVI в. — переведенного с польского руководства по сельскому хозяйству: Чеснокъ в теплых *землях* садыт болши на зиму ... в студеных же *гсдрьствах* садыт его вскорѣ послѣ зимы (Назиратель, 512, XVI в.).

Как видим, в одних контекстах слово называло земли, управляемые государем, и в этих контекстах связь с производящим словом сохранялась; иногда оно присутствовало в том же контексте, ср.: А мы [Ив. IV] зъ божию волею на своемъ *государствѣ* *государя* есмя и держимъ отъ предковъ своихъ, что намъ богъ далъ. Польск. д. III, 682. 1570 г. Для обозначения страны, управляемой государем, т. е. царства, монархии, слово употреблялось длительное время. Еще в пушкинскую эпоху можно было отчетливо противопоставлять республику и государство, т. е. монархию: «Кто составляет дворянство в респ.<убликах>? ... А в государств.<ах>? Воен-

ные люди, которые составляют гвардию и войско государево [А.С. Пушкин «Заметки при чтении книги М.Ф. Орлова «О государственном кредите»»] — Сл. яз. Пушк., I: 536.

В контекстах, где слово применялось для обозначения земель, областей вообще (ср. приведенный выше контекст из Назирателя), семантическая связь с производящим *государь* ослаблялась — вплоть до ее разрыва, как это имеет место в современном языке. Первое значение в современном русском языке отсутствует.

С XVII в. слово фиксируется также в значении действия — ‘правление, царствование’; ср. описание событий XVI в. в списке Софийской второй летописи XVII в. (1515): Того же лѣта 23, въ десятое лѣто *государства* великого князя Василья Ивановича всея Руси, подписана бысть соборная церковь большая на Москвѣ (Соф. II лет. 280).

В значениях ‘земля, страна’ и ‘правление, царствование’ слово употреблялось и в XVIII в., например, в первом значении: Запрещает его величество всѣм офицером матрозским, и матрозам выѣзжать из своего *государства* в иностранные земли, для службы (УВМ, 182); во втором значении: За сим желаем вам, Государю <Ивану Алексеевичу>, здравия и во государствѣ вашем щастливаго пребывания (ПБП, т. I: 47).

Второе значение, выразившееся также существительным *государствование*, было утрачено (вместе с этим существительным), по-видимому, в конце XVIII в. — начале XIX в. Его нет в Сл. яз. Пушк. (при 61 употреблении в первом значении), а в словаре Даля значение ‘государствование, власть, санъ и управление государя’ (Даль 1956, I: 387) дано с пометой *стар.*

По-видимому, с конца XIX — начала XX в. слово *государство* стало употребляться для обозначения политической организации общества, руководящих органов, осуществляющих правящие функции. При этом, как показывают определения (толкования) слова *государство* в различных лексикографических источниках, определения этих функций эволюционировали от преобладания подавляющей, карающей функции к преобладанию организующей функции.

Первую из них, как известно, подчеркивали революционные публицисты, в особенности, анархисты, выступавшие за разрушение государства; ср. у П.А. Кропоткина: «Одно из двух. Или государство раздавит личность и местную жизнь, завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собою войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов, и как неизбежный конец — смерть! Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче и тысяче цент-

ров, на почве энергической, личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения» (Кропоткин П.А. Современная наука и анархия <1912>. М., 1990. С. 453).

Толкования слова *государство* в словарях советского периода восходят, по-видимому, к работам В.И. Ленина; ср. определение, данное В.И. Лениным и процитированное в Ушак. 1935: 20: «Г.<осударство> есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-н. класса» (В. И. Ленин) и толкование первого значения слова: «Организация классового господства, имеющая своим назначением охрану экономических и политических интересов господствующего класса и подавление враждебных классов» (Там же). Близкие определения даются и в других словарях советского периода, ср.: «Политическая организация общества во главе с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников, а также страна с такой политической организацией» (СлРЯз 1981–1984, т. 1: 339).

В определениях словарей постсоветского периода исчезают компоненты, связанные с господством и подавлением; ср. толкование из (Ожегов, Шведова 1992: 143) где говорится только о функциях управления и охраны.

Развитие у сущ. *государство* значения «политическая организация общества...» способствовало возникновению сущ. *государственность*, непосредственно образованного от прилагательного *государственный*. Слово *государственность* толкуется в словарях с помощью своего мотивирующего: «государственный строй, государственная организация» (СлРЯз 1981–1984, т. 1: 339) и иллюстрируется примерами из сочинений В.И. Ленина и А.Н. Толстого: ...диктатура пролетариата есть власть одного класса, берущего в свои руки весь аппарат новой *государственности* (Ленин. О задачах III Интернационала); [Иван Грозный] основал единое русское государство и единую *государственность* с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха (А.Н. Толстой. Родина) (СлРЯз 1981–1984, т. 1: 339). Слово возникло, по-видимому, в начале XX века.

Ограниченность сферы употребления явилась, по-видимому, причиной того, что слово не вошло в словарь под ред. Д.Н. Ушакова. Его первая фиксация — в ССРЛЯ, т. 3: 338. В дальнейшем слово *государственность* фиксируется всеми толковыми словарями русского языка.

История слов *гражданин* – *горожанин*

Появившиеся в последние годы этимологические работы продемонстрировали целесообразность исторического изучения соотносительных лексем. Среди последних одно из важнейших мест принадлежит стилистически и семантически соотносимым старославянизмам и русизмам. Тем не менее монографически они не исследовались. Их взаимодействие видоизменялось на протяжении истории языка и происходило по-разному в разных сферах письменной и разговорной речи. Рассматривая историю одной из таких соотносительных пар, мы уделим основное внимание процессам семантической и стилистической дифференциации русского и старославянского слова.

Рефлексы праславянского **gordjaninъ* представлены в восточно- и южнославянских языках (рус. *горожанин*, бел. *гараджанін*, ст.-слав. *гражданинъ*, болг. *гражданин* ‘горожанин’, ‘гражданин’, сербск. *грађанин* тж, макед. *граганин* тж)¹⁷.

Возможно, что к этой же праформе восходят словенск. *grajan* ‘житель города или замка’ [Berneker 1913] и в.-луж. *hrodžan* [Jakubaš 1954: 119] тж., ср. приводимые В. Вондраком болг. *краян* ‘земляк, соотечественник’; *зема* ‘местный житель’ при ст. болг. *крајиниъ*, *земѣниъ* (см. [Vondrák, Bd. I: 415]), ср. также ст. чешск. *měščěnin* при совр. чешск. *měšťan* (см. [Holub, Korečný 1952: 461]).

Старосл. *гражданинъ* употребляется в переводных памятниках, как правило, для передачи др.-греч. *πολίτης*, которое называло не всякого живущего на территории древнегреческого города-государства (полиса), но жителя, обладавшего определенными политическими правами, принимавшего участие в государственных делах. Понятие «обладание политическими правами» было неразрывно связано с понятием «проживание в городе»: всякий греческий гражданин был одновременно горожанином¹⁸. Семантическая структура др.-греч. *πολίτης* была очень четко определена, так как слово являлось политическим термином. Показателем того,

¹⁷ В словаре М. Линде [Linde 1855: 124] зафиксировано *grodzianin*, которое толкуется как ‘житель города или замка’ и иллюстрируется примерами лишь из одного произведения («Хроники Литовской» М. Стрыйковского). А. Брюкнер был, по-видимому, прав, когда указывал, что Стрыйковский «повторял» это слово по аналогии с русским словом (см. [Brückner 1957: 158]). Ср. один из примеров из «Хроники Литовской»: *Olha, nie mogąc zamku skorostena mocą dostać, posłała do mieszczań i do grodzan, mówiąc, dajce mi za dań tylko po trzy golębie i po trzy wróble*. Подобным «окказиональным» заимствованием является и словацк. *graždanka* [Jánošik, Jóna 1946–1949: 650]. Укр. *городянин*, по-видимому, — позднее образование (ср. *грамадянин* и т. п.).

¹⁸ См., например: [Мишулин 1946: 51–65; Ehrenberg 1957].

что понятие «гражданин» не связывалось с понятием «страна», является др.-греч. χωρίτης ‘местный житель, туземец’; ‘сельский житель, поселянин’ [Дворецкий 1958: 1794] (ср. χώρα ‘область, край, страна’) ¹⁹.

Для передачи греч. πολίτης в старославянских памятниках употреблялось также слово *житель*, представленное, например, в евангелиях (Лук. XV, 15). По справедливому замечанию В. Ягича [Jagić 1913: 345], оно является менее выразительным, чем слово *гражданинъ*. «Создается впечатление, — пишет В. Ягич, — что переводчик делал первые попытки передачи слова πολίτης» [Там же]. Слово *гражданинъ* оказалось более удачным (в Супрасльской рукописи πολίτης уже не передается словом *житель*, которое там вообще отсутствует) прежде всего потому, что сама структура этого слова соответствует греческому πολίτης (гр. πόλις последовательно передается старославянским *градъ*) [Там же: 454]. Правда, здесь нельзя говорить о полном калькировании, так как греческий суффикс -της, по-видимому, не передавался последовательно суффиксом -анинъ. В этой функции выступали, как правило, суффиксы -никъ, -тель, реже -ьць (ср. βιαστής, передаваемое словами *нѣждьникъ*, *бѣдникъ*, εὐαγγελιστής — *благовѣстьникъ*, μαχητής — *бранитель*, *борьць*, *ратникъ*, νηστευτής — *постъникъ*, ὁμολογητής — *исповѣдникъ*, συνηλικιώτης — *свьѣзръстъникъ*, *свьръстъникъ*, τεχνίτης — *хжожникъ*, *къзникъ*, *къзнъникъ*, *дѣлатель*, βαπτιστής — *кръститель*, βασανιστής — *мжчитель*, ἐργάτης, θεριστής — *дѣлатель*, *жатель*, εὐεργέτης — *благодатель*, *благодѣтель*, κτίστης — *зиждитель*, *творьць*, μεριστής — *дѣлитель*, *раздѣлитель*, ἀναγνώστης — *чьтьць*, ποιητής — *творьць*) ²⁰. Таким образом, следует согласиться с К. Шуманом, который считает старосл. *градъникъ* полной калькой (echte Glied-fur-Glied-Ubersetzung) ²¹, объясняет употребление этого слова в Супрасльской рукописи («Безградъники ли а наричемъ или *градъники* вьсеа вьселеныа: ἁπολιδας... πολίτης) игрой слов в греческом тексте ²².

¹⁹ Другие значения см. там же, с. 1792–1793.

²⁰ Примеры заимствованы из указателя греческих слов и их старославянских переводов, приложенного к книге [Jagić 1913]. Ни одно из слов на -της, помещенных в этом указателе, за исключением πολίτης, не имеет старославянского эквивалента с суффиксом -анинъ.

²¹ Если принять, что слово возникло с помощью суффикса -никъ(ь), а не с помощью суффикса -икъ(ь) от прилагательного *градъный*.

²² См.: [Schumann 1958: 34]. Ср. *междурѣчьникъ*, передающее месопотаμίτης, и *междурѣчанин*, передающее месопотаμίнов (см. [Срезн., II, стб. 124, 126]), ср. наличие семантической дифференциации: др.-рус. *побережанинъ* ‘житель побережья’ и *побережьникъ* ‘береговой сторож, тот, кто вьзает побережное’ [Срезн., II, стб. 984; Сл XI–XVII, вып. 15: 125].

Случаи употребления слова *гражданинъ* в старославянских памятниках немногочисленны. В евангелиях (Зографском, Мариинском, Ассеманиевом) слово употреблено лишь в одном месте (Лук. XIX, 14). Из максимально широкого ситуационного контекста можно установить, что речь идет о подвластных, подчиненных людях, обладающих (в отличие от рабов, которым они противопоставляются) определенными правами: члѣкъ единъ... иде на страж далече. прияти себѣ цѣрствие. і възврати сѧ. Призывавъ же и десѧть рабъ своихъ. і дасть имъ десѧть мѣнасъ. і рече къ нимъ. коуплѧ дѣйте донѣдеже придѧ. *граждане* же его глѣше, не хощемъ семоу да цѣрствоуоутъ надъ нами» [Ягич 1881: 284–285].

Супрасльская рукопись, где слово встречается семь раз, дает некоторые дополнительные материалы для определения его значения. В одном из отрывков слово называет жителей города: «Исакии... съниде изъ поустына. И приде в наречени градъ. (т. е. «въ градъ коньстатинъ») ... бысть рать велика отъ поганыихъ. и събъравъше плѣкы своѧ. прѣплоувъше рѣкѧ рекѧмъ доунавъ. плѣннаахъ еракиѧ. скръбъ же и печаль не хоудѧ имѧахъ *граждане*» (Супр.: 191). В стилистическом отношении этот текст близок к русским летописным текстам аналогичного содержания. Другой текст подчеркивает гражданское начало: свѧтааго отца нашего ѱована златоустааго. слово на врьбницѧ... никтоже да не вѣсть сьрѣтениа цѣсара. да не вьнѣ чрьтога затворенъ бѣдетъ. да не драхлѣ на приатиѣ обрѧштеть сѧ. да не бѣдетъ съ зълыми *гражданы* осѣждень. *гражданы* же наричѧ иже не рачиша приати. господина си цѣсара въ себѣ» (Супр.: 319). Гражданское начало могло противопоставляться духовно-религиозному: ѧстъ бо каѧниѣ отъ вьсеѧ доуша износимо. и ѧстъ покаѧниѣ прѣпростъ въ гражданехъ възскаѧмъ⁰. (Супр.: 362). Этот пример интересен еще и тем, что это единственный случай, когда в старославянских переводных памятниках слово *гражданинъ* употреблено не для перевода греч. πολίτης (в греческом тексте ἐπιπολαίως γιγνομένη, то есть ‘поверхностно совершаемое’). Это свидетельствует о том, что слово уже вошло в активный словарный запас переводчика и не является своего рода окказионализмом, созданным только для передачи греческого слова²³. В одном из контекстов слово выступает как синоним старосл. *народъ*, то есть обозначает основную массу населения: аурилѧнъ... повелѣ слоугамъ огнь нанести по вьсемоу тѣлоу ѧю. слоугамъ же беспрѣстани жегѧштамъ. вьси *граждане* прѣдѣстоаштѣ и позороуѧшти ѧю. въз’пиша глголѧште. самодръжьче цѣсарю аурилиане. неправедьнѣ. сѣдиши... аурилианъ же оубоувъ сѧ народа ѧда крамолѧ въздвиг’нѧтъ (Супр.: 13). Интересны

²³ Правда, следует принять во внимание недостаточную достоверность греческого оригинала Супрасльской рукописи.

случаи переносного употребления: Паче же не толма врѣдивъ. ѿлмиже исцѣливъ. скръбнѣ вамъ исповѣдаѣ са ветхыа страсти погона. Слыша адама отча дому испадъша. чловѣка породнааго (т. е. райского. — *И. У.*) *гражданина* безъ дѣжда крѣмашта сѧ. никакоже потовъ ими рыла, или троуд^овъ. или течения на житиѣ трѣбоуашта (Супр.: 429); <святые мученики и епископы> небесноѣ любать вѣчноѣ житиѣ... миловати пририштѣштиихъ к нимъ неотъмештѣтъ сѧ. стѣа бо троицѣ право исповѣдавшии. и тѣ доблѣшиимъ право исповѣдовати прѣдавшие. присвоениимъ же к нимъ пририштѣшти. небесныа *гражданы* творать. сами сѧ аггелы житиѣ итѣште (Супр.: 542). В этом отрывке существенно то, что слово *гражданинъ*, в отличие от *житель*, указывало, по-видимому, не просто на жителя, но на законного жителя.

В оригинальном памятнике старославянского языка — «Житии Константина» — словом *гражданинъ* назывались только «жители города»²⁴.

Таким образом, в переводных памятниках старославянского языка слово употребляется для называния как «жителя города», так и «жителя страны, подданного», в единственном оригинальном памятнике, отражающем язык, которым пользовались братья-солунцы в своих переводах священного писания²⁵, — только «жителя города». Случайна ли такая дифференциация? Опираясь только на ограниченный материал старославянских памятников, нельзя с достаточной убедительностью утверждать, что в живой речи слово употреблялось только в значении 'горожанин', то есть в первоначальном значении, равном сумме значений составляющих морфем. Однако памятники древнерусского языка в известной степени подтверждают это предположение, так как указывают на аналогичное употребление заимствованного из старославянского языка слова *гражанинъ* (*гражданинъ*)²⁶. Все контексты русских оригинальных произведений определенно указывают на то, что *горожанинъ* и *гражанинъ* употребляются только в значении 'житель города'. При этом имела в виду основная масса городского населения. Эти слова не выделяли какую-либо четко очерченную социальную группу²⁷ и этим отличались от таких тер-

²⁴ [Zywoty... 1959: 31, 84]. В одном случае это жители Херсона IX в., в другом — Рима той же эпохи.

²⁵ [Ibid.: V].

²⁶ Пользуясь КСДР, мы просмотрели все имеющиеся там употребления слов *горожанинъ*, *гражанинъ* и *гражданинъ*.

²⁷ Это отметил еще Д. Самоквасов, который полагал, что население древнерусских городов представляло собой «безразличную массу в юридическом отношении». «*Горожане*, — писал Д. Самоквасов, — были в одно и то же время воинами, купцами, ремесленниками и земледельцами» [Самоквасов 1873: 45].

минологизировавшихся слов, как *челадинь, холопъ, робъ (рабъ), обель, закупъ, тиунъ, радовичь, смердъ, изгои* и т. п.²⁸

Показательны в этом отношении данные разных списков «Русской правды». В Мусин-Пушкинском списке слово *горожанинъ* употреблено вместо *русинъ* других списков в следующем тексте: ачи будетъ *горожанинъ*... то ·ѿ· гривнъ положить за нь РПрМус сп. XIV₂. Академик Тихомиров полагает, что «редактор протографа» этих списков жил в эпоху, когда понятия «русин» и «словенин» стали однозначными, почему и «заменял его более обобщающим понятием “горожанин”, противоположным “словенину”, старому обозначению жителей Новгородской земли» (Русская правда, 1939, 2: 244).

В понятие «горожанин» не включались, по-видимому, представители социальных верхов и духовенства. На это указывают такие тексты, в которых перечисляются представители разных общественных групп: Поклонъ ѿ княза смоленского ѿ олександра. ѿ Глебовича, к *ратманамъ* к рижскимъ. і ко всѣм. *горожаномъ* (Гр 1297–1313 (смон.)) ; изидоша же на стрѣтенъе Кирилово. *кна(з) и кнагыни*. и боларе. и вси *мужи Ростовьскыя* и *игумени*. и *попове*. и *стыа зборныа цркви клиросъ* и вси *граждане*. ѿ мала и до велика (ЛЛ 1377, л. 156 об.).

В русских переводных текстах слово *гражанинъ* (*горожанинъ* в них отсутствует) употребляется так же, как в старославянских переводных памятниках, то есть соответствует греч. *πολίτης* и называется как горожанина (например: Се реч филипоу хотящоу взати градъ твердыи паче всѣхъ единомуу *гражанину* рекшю: не възьможньо плѣнити града твердостью. Пч н. XV (1), л. 45), так и жителя страны, подданного (аще бо ѿ земаго княза, что любо придеть. ѿ. к подручнымъ его *гражданамъ* то вси со страхомъ притекше послушаютъ и оуслышавше творать повельныа имъ. ЗЦ XIV/XV, л. 114б), ср. также текст из «Златой цепи», восходящий к евангельской притче о блудном сыне (Лук. XV, 15): и шедъ прилѣписа единому *гражанину страны* тоа (ЗЦ XIV/XV, л. 104а), в евангелиях здесь последовательно употребляется слово *житель* ²⁹.

Таким образом, употребление слова *гражанинъ* в оригинальных памятниках отличается от его употребления в переводных. По-видимому, живая речь и связанное с ней разговорно-литературное койне XI–XIV вв. не знали слова *гражанинъ* в значении ‘житель страны, подданный’ ³⁰.

²⁸ Объяснение этих терминов см., например: [Греков 1953: 158–159].

²⁹ Так, в Мариинском, Зографском, Ассеманиевом евангелиях, Саввиной книге, Остромировом, Архангельском, Врачанском, Галичском (1144 г.), Добринском евангелиях.

³⁰ П.Я. Черных неправ, когда утверждает, что «в... книжном древнерусском языке *гражданинъ*... представляло собой всего лишь книжный синоним русского *горожанинъ*».

Живая речь, возможно, вообще не знала этого слова. На это указывает прежде всего тот факт, что в грамотах XI–XIV вв., расписанных для КСДР, это слово не встречается. Летописные списки знают как полногласное, так и неполногласное слово, а рассмотренные нами русские оригинальные произведения церковного характера — только неполногласное.

В употреблении слов *горожанинъ* – *гражанинъ* в летописях наблюдается явная зависимость от употребления слов *городъ* – *градъ* в непосредственно предшествующем контексте³¹. Слово *городъ* последовательно вызывает употребление слова *горожанинъ*, слово *градъ* — слова *гражанинъ*, например: Олег же вниде в *городъ*. и приаши и *горожане* (ЛЛ 1377, л. 85 об.); Володимеръ же обьстоа *градъ*. изнемогаху въ *градъ* людье. и речъ Володимеръ къ *гражаномъ*... (ЛЛ 1377, л. 37 об.), Стародубци бо прислалиса баху ко Олгови оупереди помочь Юрославлa в *городъ*. и *горожаномъ*, нѣлзѣ бѣ мысли своена створити (ЛЛ ок. 1425, л. 187 об.); ...и поустиша стрѣльцѣ свои къ *градоу* и хр(с)тыяныѣ и Берендѣю. а сами сташа полкы. и начаша сa бити и бы(с) налога велика *гражанамъ* (ЛЛ 1377, л. 122).

В рассмотренных нами летописных списках контексты, где употреблению слов *горожанинъ* – *гражанинъ* непосредственно предшествуют *городъ* – *градъ*, составляют большую часть случаев употребления слов *горожанинъ* — *гражанинъ* (43 из 57). В 39 случаях из 43 наблюдается соответствие полногласных и неполногласных форм, то есть *городъ* предшествует слову *горожанинъ*, а *градъ* — слову *гражанинъ*. Влияние каких-либо стилистических факторов в данном случае, по-видимому, почти исключено, так как отрывки однородны в стилистическом отношении. Из 43 употреблений 41 отмечено в эмоционально-нейтральном авторском повествовании, один случай — в передаче летописцем речи (Буранда... нача молвити. Василкови князю Василко се *городъ*. брата твоего. ѣдъ молви *горожаномъ* (ЛЛ 1377, л. 283 об.)), один случай — в риторическом отступлении (мы же да подви(м)са чюдному и великому и преславному мѣре Бж҃яна. како заступи гра(дъ) свои велики^x бѣдъ. и *гражаны* своа оукрѣплаѣтъ (ЛЛ 1377, л. 127 об.)).

Никакого политического или юридического оттенка в своем значении это слово не имело. Оно не обозначало ни “лица, принадлежащего к постоянному населению данного государства, пользующегося всеми правами, обеспеченными конституцией и исполняющего все установленные конституцией обязанности”, ни вообще “сознательного члена общества, человека, подчиняющего свои личные интересы общественным”» [Черных 1956: 212].

³¹ Анализ употреблений этих слов выходит за рамки данной статьи. См. об этом: [Филин 1949: 94–102].

Большая часть остальных употреблений не отражает, по-видимому, каких-либо закономерностей³². Эти тексты стилистически мало отличаются от текстов предшествующей группы. Можно выделить лишь один эмоционально насыщенный отрывок (и введоша и <епископа Кирилла> с великою ч(ѣ)тью. в сѣю зборную цр҃квѣ сѣѣа бѣа. и исполниса писаное въ п(ѣ)лмѣ ꙗ҃. ꙗ҃. емь бл҃жні живу(тѣ) в дому твоѣ(мѣ) в вѣ(кѣ) вѣко(мѣ) вѣсхва(л)т та: и бы(с) ра(д)сть вел(ѣ)и кна(ѣ) же и вси *гра(ж)не* и игу(мѣ)ни давшѣ ю(мѣ) мѣрь о Х(ѣ)ѣ и Ра(зи)доша(ѣ) каждо въ своѣ(ѣ) (ЛЛ 1377, л. 156 об.—157)) и текст делового характера (Се азъ князь Мьстиславъ. ѿнь королевъ вноукъ Романовъ. оуставляю ловчее. на Берестяны и в вѣкы за ихъ коромолоу. со ста по двѣ лоукнѣ медоу... а на *горожанахъ*. ѿ. гривны коунъ (ЛИ ок. 1425, л. 306)).

Памятники XV–XVII вв. не отражают существенных изменений в значении слов *горожанинъ* — *гражанинъ* (*гражданинъ*). Русское слово всегда имело одно значение — «житель города». *Гражанинъ* (*гражданинъ*) продолжает употребляться как для называния жителя вообще (Сей хвалится великий островъ веледушными всельники паче же реку, *гражаны* (Соч. М. Гр., 217)), так и жителя города.

Написание *гражданинъ*, единичное в XI–XIV вв., начиная с XV в. становится массовым, а с XVIII в. — единственным. В памятниках XV–XVII вв. сосуществуют оба написания, ср. в одном и том же памятнике: В лѣто 968... царь Ахмутъ... приходилъ ратью к Переяславлю к Рязанскому и сталь подъ городомъ три недѣли, на всякъ день приступая ко граду, бьющѣся, *граждане* же... одолѣваху ему и много у него Татаръ побили, а отъ *гражан* ни единъ врежденъ бысть (Ермолинская летопись). Оба написания представлены и в памятниках других жанров (например, в Геннадиевской библии 1499 г., Макариевских Четых-Минях, сочинениях князя Курбского, повести о Царьграде Нестора-Искандера, повестях Смутного времени). В поздних списках летописей преобладает, по-видимому, написание *гражанинъ* (насколько можно судить по материалам ДРС, где представлены многочисленные примеры из поздних списков летописей с написанием *гражанинъ* при почти полном отсутствии примеров с написанием *гражданинъ*).

Более отчетливо выявляется дифференциация в употреблении слова *горожанинъ*, с одной стороны, и *гражанинъ* (*гражданинъ*) — с другой. Как и в XI–XIV вв., полногласное слово представлено только в светских оригинальных памятниках (поздних списках летописей, Рогожском летописце XV в., Софийской I летописи XV в., Типографской летописи

³² Ср. отмеченные Г.О. Винокуром случаи безразличного употребления полногласных и неполногласных слов [Винокур 1959: 53].

XVI в., Львовской летописи XVI в., переписке). Значительно разнообразнее круг памятников XV–XVII вв., в которых встречается неполногласное слово. Сюда относятся канонические памятники (ср. указанную выше Геннадиевскую Библию 1499 г.), памятники церковно-повествовательного (Макариевские Четьи-Минеи, отдельные жития святых), церковно-юридического (поздний список кормчей) характера, светские повести (ср. указанные выше повести Смутного времени, повесть о Царьграде). Встречаются примеры и из деловых памятников.

Существенные изменения в значении и употреблении слова *гражданинъ* произошли в течение XVIII, XIX и первой четверти XX в. Длительное время слово *гражданинъ* продолжает употребляться в значении ‘горожанин’. Это значение отражено в памятниках XVIII в. (например, ...отъ рицества или шляхты, городовъ *гражданъ* или протчихъ жителей тоя земли быть (ПБП, III: 149)) и было принято в качестве официального наименования городских жителей в XIX в. (что послужило основой для создания терминов *почетный гражданин*, *именитый гражданин*, например: к состоянию городских обывателей под общим названием *граждан* принадлежат: 1) гильдейское купечество, местное и иногородное, *почетные граждане*...» (Свод законов 1846: 133)). В этом значении слово *гражданин* употреблялось в фольклорных произведениях (И тако поехал Илья Муромец... и возвратиса во грат Себеж. И увиде его *граждана*... (Русские былины 1894: 5); А другой — етъ купецъ — из града *гражданинъ* (Собол. 1895: 300)).

Значение ‘житель города’ окончательно было утрачено, по-видимому, не раньше последней четверти XIX в.³³ Процесс отмирания этого значения шел в течение всего XIX в. Этому способствовал ряд факторов. Слово *градъ* ‘город’ постепенно выходило из употребления, что привело к деэтимологизации. В том же значении в разговорной речи, оказывавшей все большее влияние на литературно-книжную речь, употреблялось слово *горожанинъ*, бывшее малоупотребительным в художественной литературе еще в конце XVIII – начале XIX в. (достаточно сказать, что оно не употребляется Радищевым [Шведова 1951: 9], отсутствует в словозначателях к произведениям Фонвизина [Петров 1904] и Державина [Грот 1883] и словаре языка Пушкина [Сл. яз. Пушк.], правда, у Державина и Пушкина зафиксировано *горожанка*). Существенную роль играло все большее распространение слова *гражданинъ* в значении ‘житель, подданный’, свойственном этому слову первоначально лишь в переводных памятниках. С развитием общественной жизни «подданный» стал по-

³³ Последний раз оно зафиксировано «Словарем русского языка, составленным Вторым отделением Академии наук» (т. I, с. 891). Правда, примеры употребления отсутствуют.

ниматься как 'член общества'. Общественное начало человека противопоставлялось его «естественному» началу, что нашло свое выражение в формуле *человек и гражданин*, имеющей, по-видимому, западноевропейское происхождение. Ср., например, отрывок из указа Петра I: Так же возможно заранее Пуфендорову малую книжицу о должности *человека и гражданина* на французский язык перевести...³⁴ Ср. другие примеры «общественного» употребления слова: Ваше Императорское Величество о внутреннем благополучии вѣрныхъ подданныхъ матернее попеченіе имѣть, и не только на воина съ шпагою, на *гражданина* съ правами, на купца съ богатствомъ... но и на бѣднаго крестьянина съ сохою... призирать изволите (Флор. эк. 1775).

Постепенно слово *гражданинъ* стало употребляться по отношению к «достойному, сознательному члену общества»³⁵ (ср. аналогичное семантическое развитие у слов *человек, мужчина, поэт* и т. п.). Начало такому развитию положило употребление слова с определениями «положительного» содержания. Ср.: И мнѣ кажется, что ежели хорошаго нѣтъ, такъ онаго желать всякому доброму *гражданину* надлежать (Сочинения и переводы... 1765: 17). Завершается же это развитие употреблением слова с определениями *истинный, настоящий* и т. п. или вообще без определения (ср., например, у Радищева: Варвар! Недостойн ты носить имя *гражданина!* (Рдшв Пут.: 275)).

В других контекстах слово *гражданин* указывает лишь на жителя страны, не имея какого-либо общественного содержания: Старушка лет осмидесяти, одна из тех, которые питаются подаванием добросердечных *граждан*, шла мимо дома некой кокетки... (цит. по: [Соболев 1958: 91]).

Распространению слова в значении «член общества» в конце XVIII в. способствовало влияние французского *citoyen*³⁶, пережившего аналогич-

³⁴ Цит. по: [Кожевников 1947: 140]. В 1726 г. вышел русский перевод книги Пуфендорфа под заглавием «О должности человека и граждана по закону естественному» (в оригинале «De officio hominis et civis juxta legem naturalem». Lundini 1673); см.: [Обнорский, Бархударов 1948: 70–77].

³⁵ Естественно, что представители разных классов и общественно-политических воззрений вкладывали разное содержание в понятие общественного долга. Это не изменяет лингвистического значения слова *гражданин*, которое обслуживало представителей и прогрессивных и реакционных общественных групп (ср., например, «Гражданин» — название консервативных газет и журналов, издававшихся в Петербурге с 1872 по 1878 г. и с 1882 по 1887 г.).

³⁶ Ср. использование этого влияния у И. Ильфа и Е. Петрова в «Золотом теленке»: «— Честное слово, мосье Бендер...

— Слушайте, Шура, если уж вы окончательно перешли на французский язык, то называйте меня не мосье, а *ситуайен*, что значит *гражданин*» (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1956. С. 352).

ный путь семантических изменений и широко распространившегося в «общественном» значении после революции 1789–1793 гг.³⁷ Употребление слова *гражданин* стало вызывать представление о революционных идеях. Этим и объясняется известный указ 1797 г. императора Павла I о запрещении употребления слов *гражданин*, *общество*, *отечество*. Следуя этому правительственному распоряжению, ряд словарей (САР 1790, ч. I, стб. 302; 1834, стб. 550) фиксирует только значение ‘горожанин’. Впрочем, вышедший еще в 1793 г. «Лексикон...» В.Н. Татищева достаточно четко очертил круг значений слова (правда, при этом не обошлось без субъективного толкования понятия *хороший гражданин*): «*гражданин*... точно значит всякого во граде жителя, но по обстоятельствам иногда разумеется в каком-либо сообществе живущий, иногда человек, живущий по законам в благочестии и осторожности, кратко же разумеется токмо посадский человек, купец, ремесленник или торгоша» (Татищев 1793: 79).

В значении ‘член гражданского общества’ слово широко употреблялось в течение XIX в. и продолжает употребляться в современном языке.

Юридическим термином слово стало после Октябрьской революции (5 апреля 1918 г. в «Известиях ВЦИК» был опубликован декрет «О приобретении прав российского *гражданства*»), заменив в этой функции слово *подданный*³⁸. В современном языке слово может иногда употребляться с оттенком подчеркнутой официальности или недоброжелательности³⁹.

³⁷ Подробно об этом процессе см.: [Будагов 1940: 69–71]. Ср. также англ. *citizen* ‘гражданин’ (от *city* ‘город’), ит. *cittadino* 1) ‘горожанин’, 2) ‘гражданин’, исп. *ciudadano* 1) ‘горожанин’, 2) ‘гражданин’. Нем. *Bürger*, первоначально ‘житель укрепления, города’, получило с образованием немецкой конфедерации городов значение ‘полноправный член общины’ (см. [Kluge 1957: 112]). Этот параллелизм развития значений объясняется, с одной стороны, влиянием лат. *civis*, употреблявшегося для называния римского гражданина, с другой стороны, увеличением политического значения городских общин в средневековой Европе.

³⁸ Некоторые данные по истории этого слова приводит О.Г. Порохова [1961: 157]. *Подданный* противопоставлялось *гражданину* и ранее: ...Здесь, у подножья алтаря, / Там, у престола в высшем сани, / Я вижу *подданных* царя, / Но где ж отечества *гражданине*? (Вяземский П.Я. Негодование).

³⁹ Ср.:

«— Извиняюсь, *товарищ*, — начала Фелицата Николаевна, потряхивая головой, задыхаясь. — Я пришла доложить, что мой муж, товарищ Тарелкин болен, и вчера не был на трудовой повинности и сегодня не пойдет, да, может, совсем не будет ходить...

— Садитесь, *гражданка*...

— Он нес дрова, упал и разбил себе голову...

— Не упали ль вы сами, *гражданка*, на голову?..

— Я пришла заявить, что мой муж, *гражданин* Тарелкин, извиняюсь, при смерти» (Шишков В.Я. Смерть Тарелкина).

В современном языке сохранились остатки первоначального значения слова в сочетании *почетный гражданин города*, например: «Сегодня исполком Калужского городского Совета депутатов трудящихся принял решение присвоить герою-космонавту Герману Степановичу Титову звание *почетного гражданина города Калуги*» (Правда. 1961, 11 авг.).

Предлоги *предъ — передъ* в языке Древней Руси XI–XVII вв.

Изучение функций старославянизмов и сложившихся под их влиянием в церковнославянском языке русской редакции и древнерусском языке книжно-литературных средств выражения велось, главным образом, на материале отдельных памятников (ср. работы В.М. Истрина, М.Н. Сперанского, А. Пашена, Ф.П. Филина, С.П. Обнорского, А.М. Селищева и др.). Работы, которые бы описывали функционирование определенного церковнославянского языкового средства в памятниках разных жанров, пока отсутствуют. Такой путь исследования дал бы возможность выяснить роль определенного церковнославянизма в системе разновидностей языка Древней Руси. Историки русского языка не раз отмечали, что церковнославянские элементы далеко не одинаковы по степени ассимилированности в системе древнерусского литературного языка и восточнославянской разговорной речи. Однако более или менее систематической классификации церковнославянизмов с точки зрения их «усвоенности» не создано. Между тем, нельзя достаточно точно определить степень книжности языка памятника, не учитывая этой существенной уже для древнейших памятников разницы в употреблении отдельных церковнославянизмов. Эту разницу должно вскрыть изучение функционирования каждого из них в языке возможно большего числа древнерусских памятников разных эпох; весьма существенны в этом отношении данные говоров. Такое изучение способствует выяснению степени типичности определенного церковнославянского элемента в контекстах, написанных на церковнославянском языке русской редакции или на древнерусском литературном языке, выявлению основных структурных свойств и — что особенно важно — типичных сфер его употребления и, соответственно, типичных сочетаний с другими языковыми элементами. Эти сочетания под пером древнерусского книжника часто превращаются в клише, проникая в разные сферы письменности.

Естественно, изучая роль какого-либо отдельного церковнославянизма в разных памятниках, следует избегать обобщающих выводов о степени книжности языка этих памятников в целом. Синтез обоих указанных выше путей исследования способствовал бы выявлению как особенностей употребления отдельных церковнославянских элементов, так и степени книжности языка отдельных памятников.

Настоящая работа посвящена описанию употребления предлогов *предъ* – *передъ* в русском языке XI–XVII вв.

Нельзя не признать, что этот предлог — весьма удобный материал для изучения соотношения церковнославянского и соответствующего русского слова в разных памятниках письменности, так как при этом полностью исключено влияние лексического значения на сферу употребления слова, и можно поэтому заранее предположить, что возможность употребления предлога в памятниках разных жанров абсолютно одинакова. Существенно также и то, что характер лексического значения не может оказывать влияния на преимущественное употребление полногласного или неполногласного предлога. (Как известно, слова, имеющие значения, связанные с конкретно-материальной сферой действительности, чаще всего закрепляются в полногласной огласовке, а связанные с абстрактно-духовной сферой — в неполногласной). Если учесть еще и семантическое тождество слов *предъ* и *передъ*, то можно констатировать полное отсутствие влияния семантических факторов, столь существенных для лексически полнозначных церковнославянизмов и русизмов, и искать причины употреблений полногласия или неполногласия в сфере стилистической⁴⁰.

Уже простой подсчет случаев употребления предлогов *предъ* и *передъ* вполне определенно проводит границу между двумя группами крупных памятников языка Древней Руси, сохранившихся в списках XI–XIV вв. и начала XV в. (см. ниже табл. 1). К первой из них (табл. 1, I-a) относятся памятники, знающие исключительное или почти исключительное употребление *предъ*; ко второй (II) — памятники, в которых как *предъ*, так и *передъ* представлены значительным количеством употреблений. Этому делению полностью соответствует жанровый характер памятников: к первой группе относятся только произведения религиозно-философских жанров, ко второй — произведения других жанров (повествовательные, исторические и деловые памятники). На фоне этой общей картины выде-

⁴⁰ Существуют три пары предлогов, имеющих фонетическую примету, различающую старославянское и древнерусское по происхождению слово: *предъ* – *передъ*, *чрьсь* – *черсь* и *межю* – *между*. Изучение двух последних менее показательно, так как *чрьсь* – *черсь* встречается значительно реже, чем *предъ* – *передъ*, а дифференциация *межю* – *между* развивается лишь с конца XIV – начала XV в.

ляются некоторые составленные на Руси произведения (небольшие по объему), посвященные церковной тематике, но изобилующие русизмами, среди которых отмечено и *передь*. Количественное соотношение употреблений предлогов *передь* и *передь* в рассмотренных нами памятниках древнерусского языка XI–XIV вв. выглядит следующим образом (табл. 1, I-б).

Таблица 1

Памятники	<i>передь</i>	<i>передь</i>	Памятники	<i>передь</i>	<i>передь</i>
I а) Изб 1076	46	–	I а) ПКП 1406	35	–
ЖФП XII	22	–	Пч. н. XV (1)	61	2
СкБГ XII	12	–	Краткие произведения ⁴²	19	–
ЖФСт к. XII	13	–	б) УВлад сп. сер. XIV	1	1
УСт к. XII	10	–	Вопр. Кир.	6	4
КЕ XII	56	–	Поуч. Ал. митр.	–	3
СбТр XII/XIII ⁴¹	17	–	II ЛН XIII ₂	11	3
ПрЛ 1282	78	–	ЛЛ 1377	Пов. вр. л.	82 61 25 5
ПНЧ 1296	44	–		Соч. Вл. Мон.	5 1
				Сузд.	16 19
КТур XII, сп. XIV ₂ и СВл XIII, сп. XIV/XV; СВл XIII, сп. н. XV	11	–	ЛЛ ок. 1425	Киевск.	32 17 64 42
				Гал.-Вол.	15 22
ЧтБГ к. XI сп. XIV ₂	13	–	Грамоты	13	44
ЗЦ XIV/XV	51	1	РПр сп. 1285–1291	–	3
ЗС XIV ₂	8	–	РПрМус сп. XIV ₂	5	1
СбТр XIV/XV	18	–			
СбСоф. XIV–XV	9	–			

Употребление предлога *передь* было нормой церковнославянского языка, а единичные употребления предлога *передь* в крупных памятниках

⁴¹ Из произведений, помещенных в сборниках (СбТр XII/XIII, СбТр XIV/XV и СбСоф XIV–XV), использованы только те, которые написаны или переведены на Руси.

⁴² В таблице объединены следующие небольшие по объему произведения, в которых употребляется только *передь*: Парем. 1271 (чт. о Б. и Г.), Кир. Тур. о чернориз. чине, Прав. Кир. II, Пренес. мощ. Николая, Илар. Мол., Илар. Посл., Епископ. поуч., Сл. о знам., Ж. Вас. Нов., Сл. о исх. души, Поуч. Ф. Произведения, в которых встречаются оба предлога или только *передь*, выделены отдельно.

религиозно-философского характера следует рассматривать как отступление от нормы, допущенные под влиянием живой речи.

Этому влиянию иногда, возможно, способствовало «мирское», или «реалистическое», содержание отрывка, например: Сло(ѿ). о храборьствѣ Сѣу егда на рать со княземъ идеши. и ты со храбрыми на переди ѣзди. да и роду св(о)ему ч(с)ти добудеши и собѣ добро имя. что бо того лѣпле иже передь кн(я)земъ сумрети и рабы же сѣу путьныя ч(с)ти и любе п(е)реже да в бѣдѣ и в рати. пособник(и) добры обрящеши (ЗЦ XIV/XV, л. 7а); ср. наличие других русизмов в этом тексте; и егда же бы(ѿ) вечеръ .гѣласта о(т)идеши ли оѿче. азъ рѣхъ ни нѣ сде лягу. и положиста ми рогозиничю постели. и взяста поясы своя и наловы (в других списках: и аналава. — И. У.) и легоста спати на рогозници передь мною (ПрЛ, л. 88в-г, отрывок из слова «о дву ошльнику присную брату»). Этого нельзя сказать о случаях употребления предлога *передь* в Пчеле, где он встретился в типичных для всего памятника поучительных афоризмах: Стыдѣ бо естъ начати дѣло пере(д) словомъ, имъ же исправивше, и улучити можеть, его же хоцеть (Пч. н. XV (1), л. 8 об.); иже бо такая творять (т. е. украшаются — И. У.) аще и до ста лѣтъ живи будутъ, то передь мною яко уноши мняться (Пч. н. XV (1), л. 137 об.–138).

Единство языка произведений, посвященных религиозно-философской тематике, создается устойчивостью в употреблении церковнославянских языковых средств.

Наиболее часто употребляющиеся в церковнославянском языке сочетания слов постепенно превращаются в книжные формулы, проникающие и в произведения нерелигиозных жанров. В связи с этим целесообразно выделить часто встречающиеся в языке религиозных произведений сочетания предлога *предь* с именем: *предь богомъ* (64 употребления из 523 употреблений предлога *предь* в памятниках Ia группа — см. табл. 1), *предь очима* (40), *предь члѣвкы*, -ьмъ, -ѣ (21), *предь двѣрьми* (15), *предь лицѣмъ*, -е (11), *предь послухы*, -ѣ (11), *предь црьмъ*, ц(с)рьмъ, -я, -ю (10), *предь людѣми* (10), *предь враты*, -а (10), *предь князьмъ*, -емѣ, -и (8), *предь ногама*, -ѣ (8), *предь олтарьмъ* (8), *предь оцѣмъ* (7). Среди сказуемых прежде всего следует выделить оборот «*быти* + именная часть + *предь*», например: аще бо кто мл(с)тню дасть. велие естъ пре(д) г(ѿ)мъ (ПКП 1406, л. 123а). Отметим наиболее часто встречающиеся глаголы, которые с помощью предлога *предь* управляют именем⁴³: *стояти предь* (28 упот-

⁴³ Естественно, что далеко не все из перечисленных ниже глаголов составляют специфическую принадлежность церковнославянского языка. Однако даже наиболее широко распространенные глаголы, попадая в книжное окружение, становятся частью книжных клише.

реблений), *стати предѣ* (27), *творити (сътворити) предѣ* (22), *имѣти предѣ* (12 — из них 11 раз — *имѣти предѣ очима*), *поставити предѣ* (11), *исповѣдати предѣ* (10), *привести предѣ* (10), *глаголати (проглаголати) предѣ* (8), *прити предѣ* (7), *явитися (являтися) предѣ* (7), *лежати предѣ* (6), *пасти предѣ* (6), *положити предѣ* (6), *предѣстояти (престояти) предѣ* (6), *припасти (припадати) предѣ* (6), *ходити предѣ* (6)⁴⁴, *отъврѣцися предѣ* (5), *отъвѣцати предѣ* (5), *обрѣсти предѣ* (4)⁴⁵, *реци предѣ* (4), *обрѣстися предѣ* (3), *предѣстати предѣ* (3), *съгрѣшити предѣ* (3)⁴⁶.

Лишь единичные религиозные памятники содержат элементы живой речи не как случайное вкрапление, а как характерную черту языка памятника. Язык возникшего в Новгороде церковно-правового произведения «Вопросы Кирика. Саввы и Ильи с ответами Нифонта и других иерархических лиц», богат русизмами, среди которых встречаем и предлог *передѣ*. В этом произведении есть и предлог *предѣ*, причем установить причины употребления в том или ином контексте полногласного или неполногласного предлога в ряде случаев невозможно. Отметим лишь типичные для книжных памятников сочетания *предѣ богомъ* и *предѣ олтаремъ*: и гл҃гши имъ да лихо ли. иже тако станеть предѣ б(г҃)мъ нося х(с҃)тву печать не врежену (Вопр. Кир., л. 525); а дьяконъ по немъ молвить. предѣ олтаремъ. стоя по строцѣ. въ другое еуангліе зря (Вопр. Кир., л. 522) и употребление предлога *предѣ* перед названиями церковных служб: а предѣ обѣднею ополоснувшеся и тако причащатися (Вопр. Кир., л. 524); подробнее об этом см. ниже. Тесное переплетение книжных и разговорных элементов выражается, с одной стороны, в употреблении предлога *предѣ* в составе не характерного для религиозных памятников сочетания *ударити челомъ предѣ*, зафиксированного в древнейших списках летописей только с полногласным предлогом: и много о томъ поскорбехъ к нему. о нем же ре(чѣ) не реку ти боле. яко то ти преже рекокохъ... и ударихъ предѣ нимъ челомъ (Вопр. Кир., л. 536 об.), с другой стороны — в наличии предлога *передѣ* в книжных контекстах, например: аже будетъ ре(чѣ) татьба велика, а не уложить ее стаи. нъ силу прю съставятъ передѣ княземъ. и передѣ людьми. то не достоить того ставити дьякономъ (Вопр. Кир., л. 530 об.). Наличие многочисленных русизмов в этом произведении можно объяснить как особенностями содержания (описание весьма земных деталей церковного быта), так и новгородским происхождением памятника (новгородские произведения, как известно, отличаются близостью к жи-

⁴⁴ Ср. формулы: въ простости ходи, предѣ бѣмъ. а не в разумѣ (ПНЧ 1296, л. 120 об.); облици же иеровама. яко съ лукавствомъ хожаше прѣдъ бѣмъ (ПрЛ 1282, л. 128в).

⁴⁵ Только в сочетании *обрѣсти предѣ* (кем-л.) *благодать* (*благодѣть*).

⁴⁶ Только в сочетании *съгрѣшити предѣ тобою*.

вой речи). Оба эти фактора отпадают при рассмотрении такого произведения, как Поучение Алексея Митрополита всея Руси (из сборника XIV в.). Написанное эмоционально, в типично «проповедническом» стиле, это поучение несет на себе следы влияния живой речи (в нем употребляется лишь предлог *передь*): вы же ча(ѣ) въсприимайте въ дѣа ваша. и пишите на ср(ѣ)ца ваша. еуангльскыя рѣчи. ап(ѣ)лкая проповѣдь. и сѣхъ оѣхъ управленья. акъ цѣрквному пѣтью будите спѣшны. утѣкаяся другъ передь другомъ. якоже иванъ (! — И. У). бѣсловъ передь петромъ къ гробу хр(ѣ)ву (Поуч. Ал. митр., л. 67–67об.); куплю творите дѣхвную съ прибыткомъ да и съ великимъ ап(ѣ)ломъ павломъ дерзънувъ рещи въ днь судныи. ихъже научивъ ре(ѣ) вы похвала моя и радость вы вѣнецъ мои передь бѣмъ (Поуч. Ал. митр., л. 69).

Количественное соотношение употреблений предлогов *передь* и *передь* в летописных списках, как и следовало ожидать, существенно отличается от этого соотношения в религиозно-философских памятниках. За количественными данными, представленными в табл. 1, кроется качественное своеобразие употребления полногласного и неполногласного слова в различных контекстах. Историки русского языка и древнерусской литературы не раз отмечали жанровую и стилистическую неоднородность летописи. В литературоведческом плане основные типы летописных контекстов описаны И.П. Ереминым на материале Киевской летописи, выделившим погодные записи и рассказы, с одной стороны, и «повести», посвященные «одной и той же теме: смерти того или иного князя» [Еремин 1949: 82], — с другой. По-видимому, эти два типа повествования в основном соответствуют двум языкам Древней Руси: церковнославянскому русской редакции и древнерусскому (в данном случае киевскому койне). Сфера функционирования церковнославянского типа языка не ограничивается только повестями о смерти князя. Изобилуют морфологическими, лексическими и фразеологическими славянизмами изложение библейской истории (ср., например, помещенную под 986 г. в Повести временных лет речь греческого философа), повести о жизни мнихов (в Повести временных лет под 1074 г.), близкие и по содержанию и по языку к Киево-Печерскому патерику, повествования о событиях религиозно-фантастического характера (например, о явлении огненного столпа в Киево-Печерском монастыре в Повести временных лет под 1110 г.) и т. п. Другая сфера проявления церковнославянского языка — религиозно-моралистические комментарии летописца к описываемым событиям. Эти места летописи иллюстрируют легкость переключения с одного языка на другой. Таковы, на наш взгляд, две основные сферы функционирования церковнославянского языка в древнейших русских летописях. Влияние

этого языка на язык летописного рассказа выражается в наличии в последнем более или менее устойчивых средств выражения, сложившихся в религиозно-философской литературе под влиянием книг Священного писания, и просто в наличии отдельных церковнославянизмов, иногда тесно переплетающихся с типично русскими языковыми элементами. Всякие количественные характеристики церковнославянизмов и русизмов летописи в значительной степени отражают число «повестей», включенных в данную летопись, и религиозно-моралистических комментариев летописца и лишь очень опосредствованно — степень книжности языка летописного рассказа. Необходимо установить распределение предлогов *предъ* — *передъ* относительно указанных выше типов летописных контекстов и описать некоторые особенности их функционирования. Обратимся прежде всего к «повестям»⁴⁷ и комментариям летописца к рассказу.

Под 1204 г. в I Новгородской летописи помещена повесть о взятии крестоносцами Царьграда, отмеченная книжно-литературным влиянием. Одним из многочисленных церковнославянизмов повести является предлог *предъ*: и дързну исакъ молити ся сну своему. дабы его испустить. ис твои прѣдъ ся (ЛН XIII₂, л. 64 об.); и м. кубьков великихъ иже бяху прѣдъ олтаремъ. и поѣдкадѣла и свѣтилна серебряная. яко не можемъ числа повѣдати съ праздничными съсуды бесцѣнными поимаша (ЛН XIII₂, л. 70 об.). Многочисленные повести Лаврентьевского списка летописи знают почти исключительно *предъ* (27 употреблений). Почти все они (за исключением жития Александра Ярославича и молитвы князя Юрия) помещены в Повести временных лет. Это — восторженный панегирик княгине Ольге (969 г.), изложение греческим философом библейской истории (986 г.); две текстуально совпадающие молитвы Бориса (1015 г.) и Юрия (1237 г.); повесть об убийстве Бориса (1015 г.), повесть о черноризцах (1074 г.), о явлении огненного столпа в Киево-Печерском монастыре (1110 г.) и житие Александра Невского (1263 г.). Лишь последняя из перечисленных повестей знает употребление полногласного предлога. Однако, как известно, автор жития «лишь в небольшой степени придал ему черты агиографического стиля, отчего его произведение может быть названо скорее воинской повестью, чем житием в обычном смысле слова» [Гудзий 1950: 188]. Отличительное качество этого жития — отсутствие рели-

⁴⁷ Мы сохраняем этот термин, применяемый И.П. Ереминым по отношению к тем выдержанным в агиографическом стиле местам летописи, где речь идет о смерти князя. Следует лишь принять во внимание некоторые добавления тематического характера, сделанные нами выше. Таким образом, повестями мы условно называем все тематически обособленные произведения книжно-литературного характера, включенные в состав летописи.

гиозно-моралистических сентенций, сюжетность, и, следовательно, динамичность изложения. Это, по-видимому, обусловило известную свободу в выборе языковых средств, чем и объясняются отступления от норм церковнославянского языка, возможные, как мы видели выше, и в произведениях религиозного характера.

Предлог *передь* употреблен при описании конкретных действий, событий: се (= съ, т. е. Гаврило Олексичъ. — *И. У.*) наѣха на шнеку видѣвъ королевича мча подь руку. и възѣха по досцѣ и до самого (правильно: самого. — *И. У.*) корабля по не(и) же хожашу с королевиче(мъ). иже текоша передь ни(мъ) (ЛЛ 1377, л. 169 об.).

Только *предь* употребляется в Лаврентьевской летописи во вклинивающихся в летописный рассказ комментариях летописца к описываемым событиям (12 употреблений). Для подтверждения своих мыслей летописец широко пользуется цитатами из Священного писания или их свободным изложением, например: бы(сѣ) гро(мъ) страшень. зарази двое чади. и храмину зажже. якоже Двѣ прѣркѣ глѣть. призирая на землю творя ю трястися. прикасяся в гора(хъ) вскурятся. аще безаконья наша назриши Г(сѣ)и. то кто постоитъ пре(дѣ) тобою воину (ЛЛ 1377, л. 137 об.—138; Пс. 17, 8).

Иногда излагаемое событие ассоциируется с определенным библейским сюжетом, который сразу же излагается. Комментарий превращается в миниатюрную повесть. Например, опасения хозарских старейшин, высказанные ими своему князю, сопоставляются с опасениями старейшин египетского фараона: яко [и] при Фаравонѣ при Еюпетьстѣмъ еда приведоша Моисѣя предь Фаравона и рѣша старѣишина Фараона. се хочеть см(и)рити область Еюпетьскую (ЛЛ 1377, л. 6 об.). Некоторые комментарии представляют собой своего рода штамп, возникающий после изложения сходных событий. Так, описание убийств и грабежей, творимых половцами на Руси, сопровождается в Лаврентьевской летописи одной и той же цитатой из Псалтыри (Пс 82.15), например: то все оканнии Половцы запалиша огнемъ. тѣмже и мы послѣдующе прѣрку Дѣду вопьемъ. Гѣи Бѣ мои • положи [я] яко коло яко огонь пре(дѣ) лицемъ вѣтру иже попаляеть дубравы. тако пожениши я бурю твою (ЛЛ 1377, л. 77 об.); а поганьг Половци избиша оружье(мъ). тѣм же и мы послѣдующе Дѣду прѣрку глемъ... (ЛЛ 1377, л. 130). «Высокоумье» князей, не одобряемое летописцем, сопровождается рассуждениями о божественной основе светской власти: и нача (Святополк. — *И. У.*) помышляти. яко избыю всю братью свою... не вѣды яко Бѣ дать власть емуже хочеть... аще бо кая земля управится пре(дѣ) Бмѣ. поставляеть еи ц(сѣ)ря или князя праведна (ЛЛ 1377, л. 47 об., то же — л. 129).

Аналогична картина и в Ипатьевской летописи: повести и комментарии летописца знают только предлог *предь* — 2 употребления в похвале Владимиру Васильковичу (1289 г.) и 3 употребления в комментариях летописца.

Таким образом, в количественном отношении употребление предлогов *предь* и *передь* в летописных повестях и комментариях не отличается от их употребления в религиозно-философских памятниках⁴⁸. Нормой остается предлог *предь*; *передь* же является отступлением от нормы.

Слова, сочетающиеся с *предь* в языке религиозно-философских памятников, представлены и в летописных повестях и комментариях летописца⁴⁹. Приведем контексты с сочетаниями *предь* + имя.

предь богомь (и члѣвкы): уничижена естъ гордость предь Бѣмъ и члѣвкы (ЛИ ок. 1425, л. 304); ср.: възненавидѣна прѣдъ <б>мь и члѣвкы гърдыни (Изб 1076, л. 177);

предь очима: Мосия же ре(ѣ) с распятѣи его. узрите жизнь вашу. висящую предь очима вашима (ЛЛ 1377, л. 34); ср.: всегда скорбь имѣи пре(д) очима своима (ПНЧ 1296, л. 117об.);

предь лицемъ: ср., например, приведенную выше цитату из Псалтыри: положи... яко коло яко огонь пре(д) лицемъ вѣтру (ЛЛ 1377, л. 77 об.); ср.: достоинъ естъ да будетъ предь лицемъ моимъ (СбТр XIV/XV, л. 182);

предь олтарьмъ: Олександръ... падъ на колѣну пре(д) олтарѣ(мъ). нача молитися со слезами (ЛЛ 1377, л. 168 об.); ср.: рече гъ... остави даръ свои прѣдъ олтарьмъ (Изб 1076, л. 188об. — Матф. V. 24);

предь оцѣмъ: и самъ съгорѣ ту Аронъ. и умре пре(д) оцѣмъ (ЛЛ 1377, л. 30 об.); ср.: послушаи писания гл҃ша. яко же убивая сѣа предь оцѣмъ его. тако принося жертву о(т) имѣния убогы(хъ) (ПНЧ 1296, л. 72);

предь престольмъ: паче(ж) помѣсиа о братѣ свое(м) Мьстиславѣ... управившу ста(ти) с тобою непосты(д)но пре(д) престоло(м) вседръжителя Ба (ЛИ ок. 1425, л. 304 об.); ср.: тѣгда паде ся михаилъ ницѣ лицемъ своимъ предь престольмъ (СбТр XII/XIII, л. 37 об.);

предь пещерою (-у): положиша и пре(д) пещерою (ЛЛ 1377, л. 65); ср.: камень же плоскъ приваленъ бѣ предь пещеру (ПрЛ 1282, л. 64а);

⁴⁸ Существенные различия между разными типами летописных контекстов обусловили возможность представить количественное распределение предлогов *предь* и *передь* по этим типам. Возможность иной классификации летописных контекстов (например, выделение отдельных типов повестей) не изменила бы общей картины соотношения церковнославянских и русских языковых средств.

⁴⁹ Контексты этих двух групп произведений, содержащие предлог *предь*, настолько тождественны между собой, что можно было бы указать лишь единичные слова, входящие в синтагму «сказуемое + *предь* + имя», которые наличествуют в летописных повестях и комментариях, но отсутствуют в произведениях церковного характера.

предѣ зорями: старцю. о(т)стоявшю утреннюю предѣ зорями (ЛЛ 1377, л. 64 об.); ср.: посемь предѣ зарями друзии придоста женѣ (КТур XII сп. XIV₂, л. 31).

Контексты с сочетаниями глагол + *предѣ*:

глаголати предѣ: въ любви пребывающе. меншии покаяющиеся старѣишимъ. и не смѣюще пре(д̃) ними гл̃ати (ЛЛ 1377, л. 63 об.); ср.: предѣ многы послухы. сице гл̃юще. о(т)рицаюся сотоны и всѣхъ дѣль его (СбТр XII/XIII, л. 25 об.);

закалати предѣ: и провожа(х̃) сны своя и дщери. и зака[ла]ху прид (в др. сп. *предѣ*) ними (ЛЛ 1377, л. 30–30 об.); ср.: яко же закалаяи с̃на прѣдъ оц̃мъ его. тако приносяи жр̃тву отъ имѣ(ни)я убогихъ (Изб 1076, л. 142 об.);

ити предѣ: то се не столпъ водяше ихъ но англь идяше пре(д) ними (ЛЛ 1377, л. 96); ср.: прѣдъ ними же идяще прп(д̃)бньни оц̃ь ихъ (ЖФП XII, л. 56г);

оправдѣтисѣ предѣ: яко не оправдѣтисѣ предѣ тобою всякъ живыи (ЛЛ 1377, л. 45 об., этот текст Псалтыри повторяется на л. 162); ср.: яко не оправдѣтисѣ прѣдъ тобою всякъ живыи (КЕ XII, л. 160а); ре(ч̃) бо дѣдъ яко не правдѣт(с) прѣдъ тобою всякъ живыи (ЗЦ. XIV/XV, л. 102б.);

открыти предѣ: то же Исаия гл̃тъ о(т)крыть Г(ѣ)ь мышцю свою с̃тую предо всѣми языки (ЛЛ 1377, л. 33 об.); ср.: якоже чюжю таину о(т)крываеь пре(д) тобою такоже и твою о(т)крыть пре(д) инѣми (Пч н. XV(1), л. 38);

пасти предѣ: яко(ж̃) прѣкъ гл̃ше падете пре(д̃) врагы вашими. поженуть вы ненавидящии ва(ѣ) (ЛЛ 1377, л. 74); ср.: он же познавъ дружину свою. и паде предѣ ними съ слезами (СбТр XIV/XV, л. 199 об.);

положити предѣ: Феодосии же ре(ч̃) положите хлѣбъ пре(д̃) ни(м) (ЛЛ 1377, л. 65 об.); ср.: положи пре(д) нимъ принесенное (ПКП 1406, л. 146 г);

предѣити предѣ: и предѣидяше предѣ ними ночью столпъ огненъ (ЛЛ, л. 32); ср.: и прѣдѣидяше прѣдъ нимъ англь на пути (ПрЛ 1282, л. 43а);

предѣстояти предѣ: бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику. в неиже предѣстояше пре(д̃) нимъ (ЛЛ 1377, л. 46); ср.: раб же б̃гии никола разумѣвъ казнъ лукаваго. и ре(ч) в себѣ яко иже предѣстоя предо мною въ клѣти (СбТр XIV/XV, л. 170 об.);

привести предѣ: приведоша Моисѣя предѣ Фаравона (ЛЛ 1377, л. 6 об.); ср.: иже того философа плѣниша приведоша и пре(д̃) ц̃ря (Пч. н. XV(1), л. 56 об.);

принести предѣ: Исакии... принесе ему предо всѣми повары (ЛЛ 1377, л. 66); ср.: ибнь же принесе пред лице епифане сребро много (ПНЧ 1296, л. 80);

прити предѣ: и приде(ѣ) предѣ ты правда твоя (ЛЛ 1377, л. 139); ср.: дѣ придеть г(с)нѣ дому предѣ бѣ (ЗС XIV₂, л. 36 об.);

стати предѣ: ста(ти)... пре(д) престоло(м) вседрьжителя Ба (ЛИ ок. 1425, л. 304 об.); ср.: нѣ еже тако стати члѣку прѣдѣ бѣгъмъ (Изб 1076, л. 100 об.);

умирати (умрети) предѣ: предѣ симъ бо не бѣ умиралъ сѣѣ. предѣ оѣмъ. но оѣѣ предѣ сѣмъ. о(т) сего начата умирати сѣѣ предѣ оѣмъ (ЛЛ 1377, л. 30 об.); ср.: аще умре(ѣ) мужъ пре(дѣ) женою; сие и сие будетъ о имени своемъ и о всемъ. аще ли жена предѣ муже(мъ), то паки инако будет (Пч. н. XV(1), л. 128).

Фразеологическая близость летописных повестей и комментариев и религиозных памятников выражается прежде всего в таких книжных сочетаниях, как *глаголати предѣ*, *закалати предѣ*, *предѣити предѣ*, *предѣстояти предѣ* и т. п., не отмеченных ни в летописном рассказе и погодных записях, ни тем более в грамотах.

Эта близость контекстов, естественно, объясняется не только стилистическими взаимодействиями и книжными ассоциациями, но и просто близостью содержания книжных контекстов летописи и религиозных памятников. Это создает повторяющийся круг книжных оборотов, присущих церковнославянскому языку и оказывающих влияние на древнерусский язык (киевское койне).

Употребление предлога *предѣ* в языке повестей и комментариев летописца было столь же регулярно, что и в языке религиозных памятников. «Совершенно очевидно, что славянизмы входят в с и с т е м у данной (книжной. — И. У.) разновидности литературного языка, являются ее неотъемлемой принадлежностью, в то время как соответствующие русизмы указывают лишь на возможные ошибки, случайные или невольные отклонения от этой системы» [Левин 1958: 30].

Полногласная и неполногласная лексика сочинений Владимира Мономаха исчерпывающе описана Л.П. Якубинским [1953: 309–320] и С.П. Обнорским [1946: 72–74]. Предлог *передѣ* употреблен в автобиографии, для которой вообще характерно преобладание неполногласий: и на весну посади мя оѣѣ в Переяславлѣ. передѣ братьею (ЛЛ 1377, л. 81 об.). Предлог *предѣ* встречается в религиозном рассуждении в окружении церковнославянской лексики и фразеологии: о многостр(ѣ)тнии и печалны азъ. много борешися ср(дѣ)цмъ и одолѣвши дѣше ср(дѣ)цю моему. зане тлѣньнъ сущи. помышляю како стати. пре(дѣ) страшны(мъ) судьбою (ЛЛ 1377, л. 83). Трижды употреблен предлог *предѣ* в письме к князю Олегу Святославичю, в первой его части, «изобилующей увещеваниями и написанной “высоким” торжественным тоном» [Якубинский 1953: 320], причем одно упо-

требление — в цитате из Псалтыри и одно — в молитвенном тексте, приписываемом Мономаху.

Больше половины всех употреблений предлога *предѣ* (75 из 125) и почти все употребления предлога *передѣ* в древнейших списках русских летописей приходится на летописный рассказ и погодные записи. Количественное соотношение случаев употребления рассматриваемых предлогов здесь более показательно, нежели для всей летописи, так как относится к однородному тексту (см. табл. 2).

Таблица 2

Памятники		<i>предѣ</i>		<i>передѣ</i>	
ЛН		9		3	
ЛЛ 1377	Пов. вр. л. Сузд.	39	32 7	23	5 18
ЛИ ок. 1425	Киевск. Гал.-Вол.	27	15 12	63	41 22

Целесообразно попытаться определить, существуют ли факторы, которые вызывают употребления полногласного или неполногласного предлога. Прежде всего следует выделить употребление предлога *предѣ* в сочетаниях, типичных для церковнославянского языка.

Все отмеченные в летописном рассказе случаи употребления сочетания *предѣ богомъ* (8) содержатся в записях речей. Вряд ли это возможно объяснить «олитературиванием» речи героев летописцем. Очень часто контекст, в котором употреблено это сочетание, не содержит никаких других книжных элементов, ср., например: Вячеславъ же ре(ѣ) ко Изяславу и к Ростиславу. се есмы бра(ѣ)я уже. dospѣли а Гюрги мнѣ брать есть. но моложию мене а я старѣ есмь а хотѣлъ быхъ послати к нему и свое старишество оправити. ци будетъ ны ся судити пре(ѣ) Бѣмъ а Бѣ на правду призритъ (ЛИ ок. 1425, л. 155). По-видимому, это сочетание, очень частое в языке канонических и других религиозных памятников, вошло в живую речь (по крайней мере образованных людей) в качестве достаточно устойчивой единицы. Иногда оно выступает в качестве более развернутой книжной формулы, тоже, по-видимому, вошедшей в повседневную речь, но типичной прежде всего для религиозной литературы, например: *отъвѣчати предѣ богомъ*: и присла митрополитъ граму (sic!) в новгородъ. река та(ѣ)... язъ за то прииму опитемью. и о(т)вѣчаю за то пре(д) бѣмъ (ЛН ок. 1330, л. 150); и рѣше боляре и людье... аще ли неправо глѣ Двѣдъ. да прииметь [мечь] о(т) Бѣ и о(т)вѣчае(ѣ) пре(ѣ) Бѣмъ (ЛЛ 1377,

л. 87 об.); ср.: азъ имамъ о томъ прѣдъ бѣмъ о(т)вѣщати (ЖФП XII, л. 63г); *предъ богомъ и предъ члѣвки*; и рѣша ему дружина его... а ты всякъ правъ. пре(дѣ) Бѣмъ и прѣдъ члѣвки (ЛИ ок. 1425, л. 193 об.); ср.: подобаетъ быти... смѣрнение показующе предъ бгѣмъ и предъ члѣки (ПНЧ 1296, л. 44).

Параллельно с сочетанием *предъ богомъ* в живой речи употреблялось сочетание *передъ богомъ*, что нашло отражение в грамотах (см. ниже)⁵⁰ и в летописях: Изяслав же посла к Володимерку к свату Гюргеву глѣя. введи мя к Гюргеви в любовь. язъ во всемъ виноватъ. передъ Бѣмъ и перед ни(мъ) (ЛЛ 1377, л. 108 об.). Этот текст помещен под тем же 1149 г. в Ипатьевской летописи, где он читается следующим образом: передъ Бѣмъ и пред нимъ (ЛИ ок. 1425, л. 142 об.). Трудно сказать, чем объясняется это сочетание полногласного и неполногласного предлогов перед однородными членами предложения. Это может быть или просто опiskeй или стремлением внести ритмическое разнообразие в речь. Сочетание *передъ богомъ* употребляется в речи в составе книжной формулы: Воишелкъ. не хотя- шеть (княжить. — И. У.) тако река. согрѣшилъ есмь много пере(дѣ) Бѣмъ и члѣвки. ты княжи а земля ть опас(е)на (ЛИ ок. 1425, л. 288 об.).

Аналогично употребляется в летописном рассказе сочетание *предъ очима*. Устойчивость этого сочетания подчеркивается тем, что неполногласный предлог не заменяется на полногласный в контекстах, не имеющих других следов книжного влияния. Ср., например, типичное русское повторение союза *а*: а инии мъртвая мя(ѣ). и трупие обрѣзающе ядыху. а друзии конину псину. кошкы... а видяще предъ очима нашіма гневъ бѣии. а инии па(ѣ). злии. члѣвци. почаша добрыхъ лю(дѣ)и домы зажигати (ЛН XIII₂, л. 114); простое присоединение с помощью союза *и*: и побѣгоша людѣ не стерпяче ратны(х) противленья. и [послеже] побѣже Сѣополкъ. потомъ наступиша на Володимера. и бы(ѣ) брань люта... и вбрѣде Володимеръ с Ростиславомъ. [и] нача утапати Ростиславъ. пре(дѣ) очима Володимерима. и хотѣ похватити брата своего и мало не утопе самъ (ЛЛ 1377, л. 73 об.).

Лишь один раз в трех рассматриваемых древнейших списках летописи употреблено сочетание *передъ очима*: и розда (Владимир. — И. У.) убогы(мъ) имѣние свое. все золото и серебро и камене дорогое. и поясы золотыи оѣа свое(ѣ)и серебряные. и свое иже бяше по оѣи своемъ стяжалъ. все розда. и блюда великаа. сребрянаа. и кубьки золотые и серебряные самъ передъ своимъ очима поби и поля в гривны (ЛИ ок. 1425, л. 302). Мы привели столь длинную цитату для того, чтобы показать, что автор

⁵⁰ Ср. также грамоту в составе летописи: Се азъ князь Мьстиславъ... уставляю ловче- е на Берестьяны... а хто мое слово порушитъ. а станеть со мною передъ Бѣмъ (ЛИ ок. 1425, л. 306).

этого рассказа о болезни и смерти Владимира Васильковича (ср. книжную повесть — похвалу этому князю), имея возможность выбора между русским и церковнославянским словом, последовательно употребляет русское (книжное влияние отмечено лишь в написаниях *великаа, сребрянаа*, но это, несомненно, внесено рукой переписчика XV века). Это стремление к единству стиля (см. об этом подробнее ниже) настолько сильно, что в данном случае оно побеждает книжные ассоциации, связанные с сочетанием *предъ очима*, которое сохранялось в других случаях, тоже в типично русском (хотя и не столь богатом полногласиями) контексте.

Отметим еще ряд употреблений в летописном рассказе книжных сочетаний, включающих в себя предлог *предъ* (*передъ* в этих сочетаниях в летописи не зафиксирован): *ре(ѣ) же имъ Ольга люба ми естъ рѣчь ваша. уже мнѣ мужа своего не крѣстити. но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими* (ЛЛ 1377, л. 15); *ср.: и его же приимъ оѣъ нашъ феодосии повелѣ почи ти предъ братию* (ЖФП XII, л. 37в); *ср. также: блѣгодарствитъ ерѣи пре(д) людьми* (ЗЦ XIV/XV, л. 33б); *послаша мужъ свои глѣше к Сѣополку... чему еси слѣпилъ бра(ѣ) свои. аще ти бы вина кая была на нь обличили бы и пре(д) нами* (ЛЛ, л. 88 об.); *ср.: обличи и пре(д) всѣми* (ПКП 1406, л. 131г).

Можно указать случаи, когда употребление предлога *предъ* в летописном рассказе находится в соответствии с книжной синтаксической структурой, в составе которой он выступает. Так, в конструкции с дательным самостоятельным в летописном рассказе ни разу не употреблен предлог *передъ*, но трижды — *предъ* (в стилистически нейтральном окружающем контексте): *Михалко же побѣди полкъ... в днѣ недѣлныи. и поѣха въ Володимеръ с ч(ѣ)тью и с славою великою. дружинѣ его... и Володимерцемъ ведущи(м) пре(д) нимъ колодники* (ЛЛ 1377, л. 127 об.)⁵¹; *оному же велѣвшу своимъ охобитися. да не язвени будутъ вои его о(т) гражанъ. дондеже устроить сосу(д). порочные. хвалящю же ся ему предъ вои своими и рекушу* (ЛЛ ок. 1425, л. 269).

Книжным влиянием следует объяснить, по-видимому, употребление предлога *предъ* в следующих близких по синтаксической структуре предложениях: *порушение черницамъ и попадаямъ. и добрымъ женамъ и двѣцамъ. пре(д) мѣрми и сестрами* (ЛН ок. 1330, л. 122 об.); *ядуще все нечисто [и] срамословье в ни(х) предъ отци и предъ снохами* (ЛЛ 1377, л. 5). В церковнославянском языке сложилось, по-видимому, семантико-синтаксическое клише «*быти* (которое может опускаться) + именная часть + *предъ* + существительное (часто обозначающее какое-либо «вы-

⁵¹ Этот текст повторяется с небольшими изменениями в Ипатьевской летописи (л. 212), где употреблен тоже неполногласный предлог.

сокое», чтимое лицо: бог, человек, князь и т. п., но принципиально семантически не ограниченное)». В использованных нами религиозных памятниках употребляется более 40 таких сочетаний, в летописях — 11. Ряд примеров приводился выше, добавим еще несколько: буди... не гърдь боязливъ прѣдъ црѣмъ (Изб 1076, л. 61 об.); и есмь красна прѣдъ бмѣ и члвкы (Изб 1076, л. 84); и тогда будетъ ти слава предо всѣми сѣдящими с тобою (ЗЦ XIV/XV, л. 4в — неоднократно встречающаяся цитата из Евангелия) и т. п. Показательно, что предлог *передъ* лишь один раз употреблен в летописях в такой синтаксической структуре, ср. приведенный выше пример из речи Изяслава, где в книжную синтаксическую структуру вливается русское лексическое наполнение: язъ во всемъ виновать. передъ Бмѣ и перед ни(м) (ЛЛ 1377, л. 108 об.). Как правило, это книжное синтаксическое клише сочетается с книжной лексикой. В I Новгородской летописи дважды употреблено сочетание *передъ вечернею* и один раз — *предъ вечернею*. При этом неполногласный предлог употреблен в составе рассматриваемого оборота: бы(ѣ) знамение въ слнѣци. прѣдъ вечернею (ЛН XIII₂, л. 14 об.); ср. также: бы(с) знамение въ слнѣци. пре(д) обѣднею (ЛН 1330, л. 162). Синтаксическая структура предложений, содержащих полногласный предлог, не несет на себе печати книжности: передъ вечернею, почя убывати слнѣца (ЛН XIII₂, л. 10 об.); загорѣся... м(ѣ)ца мая. кг. передъ ве(ѣ)рнею. и погарѣ весь конецъ неревьскыи (ЛН ок. 1330, л. 143).

В целом же в сочетаниях с существительными, обозначающими церковные праздники или службы, в летописях типичен предлог *предъ*. Это традиционное употребление восходит тоже, по-видимому, к церковно-книжным памятникам, к заглавиям евангелий, миней, прологов, например: въ тѣ(ж) днѣ поучение прѣдъ въздвижениемъ. Да есте вѣдуще бра(т)е яко въ сии. днѣ естъ предъпразднство прѣдъ въздвижениемъ ч(с)тнаго х(ѣ)а (ПрЛ 1282, л. 15г); да есте вѣдуще бра(т)е. яко въ сии днѣ естъ постъ предъ крѣщениемъ водѣ (ПрЛ 1282, л. 121г) и т. п. Ср. примеры из летописи: и приступиша к городу м(ѣ)ца мая. ѿ. на памя(т) стѣо патрикия. въ пя(т). пре(д) сшествие(м) стѣо дѣа (ЛН ок. 1330, л. 153); Тои же зимы пре(д) великимъ заговѣниемъ. приѣха кнѣзь юрьи в новьгоро(д) (ЛН ок. 1330, л. 158 об.); падеся црѣкы каменная Переяслави ста(т) Михаила... въ ѿ. днѣ. мая. м(ѣ)ца въ су(б)ту пре(д) ве(ѣ)рнею (ЛЛ 1377, л. 97–97 об.); и прѣставися марта .въ. еѣ. въ су(б) предъ обѣднею (ЛН XIII₂, л. 113). Предлог *передъ* в сочетаниях с указанными существительными не употребляется (исключение составляют приведенные выше случаи употребления сочетания *передъ вечернею*).

Рассмотренные контексты употребления предлога *предъ* в летописных рассказах мотивированы наличием специфически книжных сочетаний и

синтаксических структур в стилистически нейтральном контексте, где рядом могут сосуществовать церковнославянизмы и русизмы. Эта нейтральность соответствует содержанию — спокойному описанию реальных событий. В эмоциональных же речах и восторженных описаниях как правило употребляется предлог *предѣ*: видѣвше же Русь обояшася зѣло множества вои. и ре(ѣ) Сѣослав(ъ) уже намъ нѣкамо ся дѣти. волею и неволею стати противу. да не посраимъ землѣ руски(ѣ). но ляжемъ костьми [ту] мертвы. ибо срама не имамъ. аще ли побѣгнемъ срамъ имамъ. и не имамъ убѣжати но станемъ крѣпко. азъ же предѣ вами поиду. аще моя глава ляжет(ъ) то промыслите собою (ЛЛ 1377, л. 21 об. — пример явно олитературенной, насыщенной церковнославянизмами речи); Созда же цркъвъ привелику. во градѣ Холмѣ. во имя пресѣтыя приснодвѣя Мѣрия. величествомъ. красотою. не мене сущихъ древни(хъ). и украси ю пречюдными иконами. принесе же. чашю о(т) земля Угорьская. мрамора багряна. изваяну. мудростью чюдну. и змѣвы главы бѣша округъ ея. и постави ю пре двѣрми цркъвными. нарѣцаемыми цр(ѣ)кыми (ЛЛ ок. 1425, л. 282). Естественно, что и в данном случае возможно сопоставление с контекстами церковно-книжных произведений: подобаеъ убо въ пѣрвое изгнати из молитвы. плакати имъ прѣдѣ двѣрми цркъвными (КЕ XII, л. 188б); вземше несоша въ цркъвъ стою. и положиша предѣ дверми цркъвными (ЧтбГ к. XI сп. XIV₂, л. 47б). Сочетание *передъ двѣрми* в наших материалах не зафиксировано.

Разбирая факторы, влияющие на употребление полногласного или неполногласного предлога, нельзя не отметить одной характерной особенности летописного стиля. Исследователями не раз отмечалось повторение в летописи в сходных ситуациях одних и тех же сочетаний слов, иногда целых предложений (ср. также отмеченные нами выше повторения в качестве комментариев к однотипным событиям одних и тех же цитат из Священного писания). Летописец часто пишет готовыми формулами, которые он усвоил из разнообразных литературных источников или из живой речи. Выше мы уже отметили многие из таких формул, в состав которых входит предлог *предѣ*. Одним из проявлений ориентации летописца па сложившееся словоупотребление является почти полная невозможность сочетания предлога *предѣ* со словом, являющимся специфической принадлежностью народно-разговорной речи, особенно — со словом, имеющим семантически и фонетически близкий эквивалент в церковнославянском языке. Так, в летописных рассказах отмечены, как правило, либо сочетания *предѣ градомъ* (5), либо *передъ городомъ* (6) и лишь один раз — *предѣ городомъ*. Этот единственный случай нарушения такого соответствия следует объяснить, возможно, сохранением в книжной синтаксической конструкции (чему соответствует употребление пред-

лога *предь*) дважды употребленного в предшествующем тексте полногласия⁵²: Поиде Всеволодь Олговичъ из Вышегорода къ Киеву. изрядивъ полкы. и пришедъ ста у города. в Копыревѣ конци и нача зажигати дворы иже суть предь городомъ (ЛИ ок. 1425, л. 112).

Сочетания *предь враты* и *передь ворота* подчиняются той же закономерности. В летописных рассказах дважды употреблено первое из них, один раз — второе; шесть раз употреблено сочетание *передь Золотыми (-ая) ворота (-а)*; по одному разу — *передь Серебрѣная ворота* (ЛИ ок. 1425, л. 209) и *передь Жидовьскими ворота* (ЛИ ок. 1425, л. 154 об.). Два случая нарушения этого соответствия отмечены в одном контексте: а Татарове о(т)шедше о(т) Золоты(х̃) воротъ. и объѣхаша весь гр(а)дъ. и сташа стано(м̃). пре(д̃) Золотыми враты. назрѣмъ множество вои бещислено около всего града. Всеволо(д̃) же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣля Володимера. и рекоста дружинѣ своеи. и Петру воеводѣ. бра(т̃)я луче ны е(с̃) умерети пере(д̃) Золотыми враты. за с̃тую Бѣю. и за правовѣрную вѣру хьяньскую (ЛЛ 1377, л. 160 об.). Первое из этих сочетаний полногласных и неполногласных слов объясняется довольно просто: согласно общей закономерности сохраняется сочетание *предь... враты* (несмотря на наличие слова *ворота* в непосредственно предшествующем тексте), а название ворот — имя собственное, как правило, употребляется в полногласной огласовке⁵³. Употребление предлога *передь* во втором сочетании можно объяснить, по-видимому, взаимодействием с последующим полногласным словом (в отличие от первого сочетания, где, возможно, следует усматривать взаимодействие с неполногласным *врата*)⁵⁴.

Если подобное «взаимное тяготение» однородных в стилистическом отношении слов не подлежит сомнению⁵⁵, то сам факт употребления со-

⁵² В летописных рассказах можно отметить как стремление писать в одном «стилистическом ключе», так и стремление избегать повторов чередованием полногласий и неполногласий.

⁵³ В Лаврентьевской летописи слово *золотыи* употребляется только как название ворот (10 раз). В других контекстах (как нарицательное имя и в сочетании *Златые двери*) выступает неполногласный вариант. Лишь один раз употреблено сочетание *Златая врата* — в контексте, где чередуются полногласные и неполногласные слова: Заложы Ярославъ городъ великий. у негоже града суть Златая врата. заложы же и цр̃къвь с̃тѣя Софѣя митрополью. и посемь цр̃къвь на Золотыхъ воротѣхъ. с̃тое Бѣе Бл̃гвѣщенъе (ЛЛ 1377, л. 51 об.).

⁵⁴ Последующее слово (т. е. то, которое должно быть написано), часто влияет в процессе письма на написание предшествующего. Об этом свидетельствует распространенный как в древнерусских памятниках, так и в современном письме тип описок.

⁵⁵ Ср., например, аналогичную зависимость употребления в летописных рассказах слов *гражданин* или *горожанинъ* от наличия в непосредственно предшествующем контексте слов *градъ* или *городъ* (см.: раздел «История слов *гражданин* – *горожанин*»).

четаний полногласных или неполногласных слов, как правило, не поддается объяснению, так как сочетания *предѣ градомѣ*, *предѣ враты*, *передѣ городомѣ*, *передѣ ворота* зафиксированы в стилистически однородных контекстах (как правило, в описаниях битв, походов и т. п.). Ср., например: Олег же надѣяся на правду [свою] яко правѣ бѣ в семь Олегѣ. и поиде к граду с вои. Изяслав же исполчися пре(дѣ) градо(мѣ) на поли (ЛЛ 1377, л. 85 об.); Володимеръ... ста исполчивъся передѣ городомѣ на болоньи (ЛЛ 1377, л. 103 об.). Чаще всего эти сочетания (как полногласных, так и неполногласных слов) употреблены с глаголами *стати* или *стояти*. Ср., например: Мстислав же ста пре(дѣ) градо(мѣ) (ЛЛ 1377, л. 86); и ставѣ пере(дѣ) городомѣ (ЛИ ок. 1425, л. 279 об.); Бенешѣ же стояше пре(дѣ) враты со хоруговью (ЛИ ок. 1425, л. 276); столпѣ бо бѣ камень. высокѣ стоя перед ворота города (ЛИ ок. 1425, л. 291 об.). В некоторых случаях наличие сочетаний полногласных или неполногласных слов может быть проявлением последовательного употребления церковнославянского или русского слова в более широком контексте, например: стоящу же ему ув (sic) гра(дѣ). и строящу пороки ими прииме(тѣ) гра(дѣ). и бы(сѣ) бои великѣ пре(дѣ) градомѣ (ЛИ ок. 1425, л. 269) или, наоборот, их чередования, например: Ярославъ... приде Киеву и вниде в городѣ свои. и бѣ Печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ выступи из града. и исполчи дружину. [и] постави Варягы посредѣ. а на правѣи сторонѣ Кыяне. а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци. [и] сташа пре(дѣ) градомѣ (ЛЛ 1377, л. 51).

Сопоставляя контексты, в которых употребляются предлоги *предѣ* и *передѣ*, следует выделить некоторые типичные для летописного рассказа формулы, постоянно употребляемые для выражения трафаретных ситуаций. Описание отступления под натиском врага, как правило, вызывает употребление сочетания глагола движения с предлогом *передѣ* или *предѣ*: угри же исполчидася на заступы бѣ бо угрь число(мѣ). р. тысящѣ. Алтунопа же пригна къ. а. му заступу. и стрѣливше побѣгнуша предѣ угры (ЛЛ 1377, л. 91); того(ж) лѣ(т). Саксини. и Половци възбѣгоша из низу к Болгаро(м) пере(д) Татары (ЛЛ 1377, л. 156 об.).

Контексты, в которых употребляются полногласный и неполногласный предлоги, идентичны: половци... побѣгоша. пре(дѣ) Русскими полки (ЛЛ 1377, л. 94); Володимерко... не стерпѣвъ вдругѣ побѣже перед ни(м). в Перемышль (ЛЛ 1377, л. 112 об.–113).

Лишь в единичных случаях можно предполагать мотивированность употребления того или другого предлога в этих сочетаниях. Так, книжным влиянием следует объяснить, по-видимому, употребление неполногласного предлога в сочетании с широко представленным в церковнославянской литературе словом *иноплемьники* (предлог *передѣ* в этом со-

четании не зафиксирован): [и] побѣгоша наши пре(д̃) иноплемьники. [и] падаху язвени предѣ врагы нашими (ЛЛ 1377, 73 об.–74); и бы(ѣ) сѣча зла. и побѣгоша наши пре(д) иноплемьники (ЛЛ 1377, л. 162 об.).

Можно отметить и рассматривавшееся выше стремление писать в одном «стилистическом ключе», ср. постоянный выбор неполногласий в следующем отрывке (имя собственное *Володимеръ*, естественно, нельзя принимать во внимание): Кияне сѣются къ Володимеру. глѣюще. приступ(а)и къ граду, яко предамы ти Ярополка. побѣгни за градъ. и послуша его Ярополкъ. [и] избѣг(ъ) пред нимъ затворися въ градъ Родни (ЛЛ 1377, л. 24об.); ср. также обилие оборотов «дательный самостоятельный» в предшествующем предлогу контексте: Дъмьянови же сразившуся со Судиславомъ. князю же Данилову заѣхавъшу. в тылъ имъ. и бодущи(м̃) ѣ Дь(м)янови же мяншу. яко все ратнии суть. и возбегоша пред нимъ (ЛИ ок. 1425, л. 260).

Сочетание глагола движения и предлога *предѣ*, употребляемое в значении ‘отступать, спасаться бегством’, характерно именно для летописного рассказа; в рассмотренных нами произведениях, написанных по-церковнославянски, это сочетание представлено единичным (и при этом — переносным) употреблением: тека въ слѣдъ ч(ѣ)ти, а она утѣкаетъ предѣ нимъ, а убѣгающаго ѣ постигнуть и (Пч н. XV (1), л. 96).

Не менее типичны для летописного рассказа сочетания *послати предѣ (передѣ) собою* и *пустити предѣ (передѣ) собою* (вместо этого местоимения в единичных случаях употребляется другое слово). Как и в рассмотренном выше сочетании, оба предлога в этом сочетании могут употребляться в аналогичных контекстах: поидоша Половци. и послаша пре(д̃) собою [в] сторожѣ. Алтунопу (ЛЛ 1377, л. 93 об.–94); Мстислав же сдумавъ с Новъгородци. и послаша Добрыню Рагуиловича. передѣ собою въ сторожѣ (ЛЛ 1377, л. 86); и пусти брата своего. предѣ собою съ Берендичи. а самъ поиде по немъ (ЛИ ок. 1425, л. 190 об.); пустиста сторожѣ передѣ собою и поидоша по ни(х̃) (ЛЛ 1377, л. 110). Для передачи иных ситуаций употребляется сочетание *послати предѣ собою* в написанных на Руси книжно-религиозных памятниках: тѣмъ же и мы братие потыщимся рьвнители быти и подражатели. житию преподобнааго. феодосия. и ученикомъ его. ихъ же тѣгда предѣ собою къ господу посла (ЖФП XII, л. 27г); о дѣше моя убогая. егда а҃нгли лютии и грознии приду(т) по тя и восхитить тя въ тѣ ча(ѣ). в он же не чаеши во время и в еще не вѣси и которая дѣла послеши пре(д̃) собою по аеру (Сл. о исх. души, л. 101 об.–102).

Употребление предлога *предѣ* в рассмотренных сочетаниях иллюстрирует процесс проникновения церковнославянских слов в сочетания, характерные для фразеологии русских летописей.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что полногласный предлог остается более типичным для подобных сочетаний. Многие из них употребляются в летописях только с этим предлогом. Приведем примеры.

въскорити, ускорити передь: и въскорѣ(ша) Кияне передь Володиме-ромъ (ЛИ ок. 1425, л. 128об.); Изяслав же ускори днѣмъ передь братьею (ЛЛ 1377, л. 99);

затворити городъ передь: Кондрать... посла к горожаномъ. тако река. на что мя есте привели. да нынѣ городъ есть передо мною затворили (ЛИ ок. 1425, л. 301);

отрядити передь: идущо же ему по Днепру. и ста ту... ту же отряди моложьшеѣ кнѣзъ передь своими полки (ЛИ ок. 1425, л. 221);

положити голову передь: Изяславъ... ре(ѣ)... да любо си голову положи(л) передь вами любо... (ЛИ ок. 1425, л. 119 об.);

ударити челомъ передь: и удариша челомъ передь кн(я)земъ Всеволодомъ (ЛЛ 1377, л. 132);

упередити передь: Ростиславъ же изиде по не(м) и Смоленска. и упреди перед ни(ѣмъ) к Любечю. пере(ѣ) Гюргемъ (ЛИ ок. 1425, л. 164 об.).

Изучая употребление предлогов *предъ* — *передь* в летописных рассказах, целесообразно поставить вопрос о том, насколько глубоко полногласный предлог проник в разговорную речь рассматриваемого периода. Основной материал для решения этого вопроса — записанные в летописи речи действующих лиц. Отметим прежде всего, что в записях речей, естественно, широко представлен предлог *передь* (1 употребление в I Новгородской летописи, 3 — в Лаврентьевской и 17 — в Ипатьевской), однако, не менее широко представлен и предлог *предъ* (1 употребление в I Новгородской летописи, 10 — в Лаврентьевской и 9 — в Ипатьевской). Показателен, однако, тот факт, что большая часть употреблений (13 из 20) предлога *предъ* в записях речей приходится на рассмотренные выше книжные формулы в стилистически нейтральных контекстах (*предъ богомъ, предъ богомъ и предъ чл(ѣ)кы, почитити предъ, обличити предъ*). Предлог *предъ* употребляется и в сочиненных летописцем «олитературенных» речах. Ср. приведенный выше пример из возвышенной речи Святослава, ср. также: Сѣополкъ и Володимеръ посла къ Олгови глѣща сице. поиду Киеву. да порядъ положимъ в Русьстѣи земли. пре(ѣ) еп(ѣ)пы и пре игумены и пре(ѣ) мужи оцѣ нашихъ. и пре людми градьскими. да быхо(м) оборонили Руськую землю о(т) поганы(х) (ЛЛ 1377, л. 76 об.). По-видимому, предлог *предъ* в XI–XIV вв. употреблялся в живой речи лишь в составе специфически книжных сочетаний. Это подтверждается и материалом грамот.

В древнерусских грамотах XI–XIV вв., естественно, преобладает предлог *передь* (48 употреблений)⁵⁶. Вместе с тем, нельзя не признать достаточно высоким, по сравнению с другими полногласиями, число употреблений предлога *предь* (12).

Предлог *предь* употребляется в грамотах, в основном, в сочетаниях с именами *богъ* и *князь* и с глаголом *прити*. На эти случаи приходится 10 употреблений из 12. Все эти сочетания широко представлены в языке памятников религиозного содержания, поэтому есть основания говорить в данном случае о возможности влияния церковнославянского языка на язык грамот. Однако это влияние не было настолько сильным, чтобы не оставить возможности употребления полногласного предлога в указанных выше сочетаниях.

Даже широко употребляющемуся в языке религиозно-философских памятников сочетанию *предь богомь* соответствует в грамотах как *предь богомь* (два раза), так и *передь богомь* (два раза), причем отмечено употребление обоих сочетаний в одном памятнике — Духовном завещании новгородца Клемента: или кто почнеть ся запирати того. ть станеть. со мною. передь бѣмь. а ты варламе исправи. (Грам. ок. 1255–1257 (новг.)); аже кто вьс(ту)пить. на сю грамо(т)у. да не со мною. сь одинымь. станеть прѣ (sic) бѣмь. сь всимь моимь. племенемь (там же). Это сочетание встречается всегда в тождественных по содержанию местах грамот — в заклинаниях, предостерегающих тех, кто мог бы нарушить выраженную в грамоте волю писавшего. Ср. другие примеры употребления этого сочетания: хто наступи(т) на ту землю су(д)т(ь) пре (sic) бгомь на страшно(м) суд(ѣ) (Гр XIV/XV (новг.)); а хто сю грамо(т). подвигнеть... мои(х) дѣтеи. или мои(х). бра(т)ниче(в)... ино ми с нимь. судь перед богомь (Гр. н. XV (строуб.)).

Близок к грамотам по стилю и языку «Устав князя Владимира о судах церковных». Ср. хотя бы начало, типичное для грамот: вѣ имя оца и сна. и стго дха. Се язъ князь василии нарицаемыи володимирь... (УВлад. сп. сер. XIV, л. 628а). Сочетание *передь богомь* в нем употреблено в типичном для грамот заклинании (рядом употреблен предлог *предь*): а кто побидить судь цѣрквныи. платити ему собою. а пере(д) бѣмь тому же отвѣчати. на страшнѣмь суди пре(д) тмаѣи англь (УВлад. сп. сер. XIV, л. 629б).

Наличие в этих местах как полногласного, так и неполногласного предлога позволяет присоединиться к словам Л.П. Якубинского, высказанным в связи с приведенными выше примерами из Духовного завеща-

⁵⁶ С помощью картотеки СДРЯ XI–XIV и [Зализняк 2004] изучены употребления предлогов *предь* – *передь* в грамотах, сохранившихся в списках XI–XIV вв. или написанных в этот период, но сохранившихся в списках XV в.

ния Климента: «специальное церковно-религиозное содержание благоприятствует, способствует появлению в данном месте грамоты тех или иных церковнославянских элементов, но появление их все же остается единичным, случайным» [Якубинский 1953: 289].

Аналогично употребляется в грамотах сочетание *предѣ княземь* (-я): хотели ся темь словомь оправити и рекли такъ предѣ княземь (Гр. ок. 1284). Ср. близкие контексты из религиозных памятников: стоять предѣ кѣняземь (Изб 1076, л. 73 об.); пре(дѣ) княземъ же паче боися лъжю глѣти (ЗЦ XIV/XV, л. 69в). Половина (6 из 12) отмеченных случаев употребления предлога *предѣ* в грамотах XI–XIV вв. приходится на сочетание *прити предѣ*. В составе устойчивой формулы *прити предѣ наше обличье* оно может употребляться даже в непосредственном соседстве с предлогом *передѣ*: во имя оца и сѣа и сѣго дха. а се я панъ мацина. воевода илвовьскыи. освѣдчаю тѣ. тымъ листомъ. каждому доброму. передѣ вымъ коли. буде. тѣтъ листь чтюнъ. аже пришедѣ. предѣ. наше обличье. на имя ходоро. шидловоскыи. своею доброю волюю... и продать пану клюсови. свою дѣдину (Гр 1400 (1, ю.-р.); а пришедъши предѣ наше обличье. и передѣ земляны. панъ вольчко... и с пани ходьковою женою. и сѣ еѣ дѣтьми... поеднали ся [Гр 1393 (3, ю.-р.)]. Однако и здесь можно указать параллельный контекст с *передѣ*: пришедъши пере(дѣ) наше обличье. и передѣ земляны. фанасии. вѣдка перемышльскыи и (сѣ) своими. крылошаны. продать есть у бышковичихъ два. дворища пану яшкови испрувьскому. на вѣки [Гр 1391 (ю.-р.)].

Трижды употреблено сочетание *прити предѣ* в Грамоте рижан к кн. Михаилу Константиновичу [Гр ок. 1300 (риж.)], в остальном полностью свободной от церковнославянизмов, например: и ныне пришли предѣ насъ наши горожане. Ср. параллельный контекст из другой грамоты: иже пришедѣ. передѣ насъ. панъ гервась. и вѣноваль [Гр. 1398 (1, ю.-р.)].

Некоторые случаи употребления предлога *предѣ* в грамотах не дают оснований говорить о какой-либо мотивированности, например: ся. грамота псана... подѣ пискупомъ ризкимъ... и подѣ горожаны. ризѣскими. прѣдѣ всеми латинескими купци (Гр. 1229 сп. 1277–1279 (сгол.)); ср. в той же грамоте: ся грамота есть выдана. на гочкомъ беръзѣ прѣдѣ рускимъ посломъ. и прѣдѣ всеми латинскими купци. В последнем случае вряд ли возможно было бы употребить неполногласный предлог, так как повторение предлогов перед однородными членами — типично русская особенность, а в грамотах (не только древнейших, но и более поздних) в этом случае употребляется только предлог *передѣ*.

Одним из немногочисленных церковнославянизмов Русской Правды (древнейшей, краткой редакции) является предлог *предѣ*: аже гдѣ възы-

шать на друзѣ проче, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ пред 12 человекѣа (РПрАкад сп. сер. XV, л. 50). Как показал А.М. Селищев, «произвольно было бы приписывать эти южнославянизмы позднейшим переписчикам» [Селищев 1957: 58]. Он пришел к выводу, что «слова с южнославянским *pa, pe* (вместо *pъ*) применялись у восточных славян в сфере юридических дел XI века» [там же: 58]. Данные древнейших русских грамот не противоречат этому предположению. Многочисленные списки пространной редакции, как известно, существенно отличаются друг от друга в языковом отношении, причем древние списки подвергались меньшему церковнославянскому воздействию, чем более поздние. Если в РПр сп. 1285–1291 вообще не встречается предлог *предъ*, то в РПрМус сп. XIV₂ он преобладает, причем разные предлоги зафиксированы в этих списках в одинаковых контекстах: а товаръ дати передъ людьми (РПр. сп. 1285–1291, л. 626а–б). Ср. *предъ* в этом контексте в РПрМус сп. XIV₂, л. 18.

Подведем итоги рассмотрения употребления предлогов *предъ* – *передъ* в русском языке XI–XIV вв. Оба предлога можно встретить в произведениях, написанных как на церковнославянском, так и на древнерусском языке. Однако для церковнославянского языка предлог *передъ* — явление крайне нетипичное, единичное. Это обусловлено незначительным влиянием живой речи на язык памятников, написанных на этом языке. Большой интерес представило бы подробное изучение языка таких церковных памятников, как «Вопросы Кирика...», «Поучение Алексея Митрополита...» и других, испытавших большее влияние со стороны живой речи.

В произведениях, написанных на древнерусском языке (в наших материалах — летописных рассказах, отразивших особенности стиля воинских повестей), представлены оба предлога, причем употребление того или иного из них обусловлено рядом разнообразных факторов. Предлог *предъ* представлен в сочетаниях, типичных для церковнославянского языка. Образование и функционирование этих трафаретных сочетаний вызвано наличием трафаретных ситуаций, объясняемых, в свою очередь, особенностями средневекового мировоззрения, требованиями литературного этикета⁵⁷. Эти сочетания проникают и в живую речь. Такими трафаретными сочетаниями, по-видимому, ограничивалась сфера употребления в живой речи предлога *предъ*. Аналогичное явление наблюдается и в языке деловой письменности.

Стремление писать сочетаниями слов, характерными для одной и той же стилистической системы, обусловило систематическое употребление

⁵⁷ См.: [Лихачев 1956; 1961; 1979].

таких сочетаний, как *предь враты*, *предь градомъ*, но *передь ворота*, *передь городомъ*.

Следует выделить две противоположные тенденции, характерные для летописного повествования: с одной стороны — придерживаясь в основном стилистических и словоупотребительных норм воинских повестей, сохраняя их типичные формулы и синтаксические черты, автор в тех случаях, когда ему предоставляется выбор между русизмом и церковнославянизмом, последовательно употребляет слова, относящиеся к одной и той же стилистической системе (контексты со следующими друг за другом неполногласиями типичны, например, для Повести временных лет), с другой стороны, существует стремление избежать повторений полногласных или неполногласных слов⁵⁸.

Отмеченные тенденции не исключают и таких употреблений полногласного или неполногласного предлога, которые не дают оснований говорить о его какой-либо стилистической роли. Об этом свидетельствует наличие обоих предлогов в однотипных окружениях и — в редких случаях — рядом в одном тексте.

Одним из отражений взаимодействия книжных и народно-литературных стилистических систем является проникновение лексических элементов одной системы в формулы-сочетания, характерные для другой системы (ср. с одной стороны — *передь богомъ и члвкъ*, с другой стороны — *бѣжати предь*, *послати предь собою*, *ударити челомъ предь* и т. п.).

Древнерусский книжник, как правило, владел двумя языками и применял их в зависимости от содержания произведения (ср. хотя бы Поучение и Автобиографию Владимира Мономаха). Более того, возможны были легкие переключения с одного языка на другой в пределах одного произведения (ср. приведенные выше комментарии летописца к описываемым событиям)⁵⁹.

Предлоги *предь* – *передь* — лишь одна из многих соотносительных пар церковнославянизмов и русизмов. Поэтому классификация памятников и произведений лишь на основании наличия в них этих предлогов, казалось бы, таит в себе опасность объединения разнородных памятников и разъединения однородных. Однако для XI–XIV вв. такая классификация в общем совпала с жанровым делением памятников. Этому способствовала довольно строгая нормированность церковнославянского

⁵⁸ Это отмечено, например, С.П. Обнорским для Слова о полку Игореве [Обнорский 1946: 193]. Правда, автор без достаточных оснований объявляет неполногласия в таких контекстах результатом позднейших изменений текста.

⁵⁹ Ср. у Л.П. Якубинского: «Церковнославянский язык Киевской Руси X–XI вв. был ограничен, отличался от древнерусского народного языка, не только в действительности... но и в сознании людей» [Якубинский 1953: 103].

языка и достаточная частота употребления изучаемых предлогов. Естественно, что наиболее убедительны данные употребления этих предлогов (как и всяких других соотносительных пар) в крупных памятниках.

В свете изложенного представляется целесообразным аналогичным образом рассмотреть распределение предлогов *предь* — *передь* в памятниках XV–XVII вв. — эпохи, когда возникают новые жанры и происходят изменения в соотношении между жанрами памятников и литературными языками.

Так же, как и для XI–XIV вв., приведем данные о количестве употреблений обоих предлогов в использованных нами памятниках XV–XVII вв. (см. табл. 3).

Таблица 3

Памятники	<i>предь</i>	<i>передь</i>	Памятники	<i>предь</i>	<i>передь</i>
Г а) Сл. о ж. Дм. Ив.	2	–	П Аф. Ник.	2	3
Пов. о П. и Ф.	2	–	Дом.	19	9
Ж. Мих. Кл.: варианты:			Соч. Пересв.		
А I редакции	1	–	Перв. челоб.	4	–
Б I редакции	1	–	Втор. челоб.	4	1
II редакция	9	–	Сказ. о царе Конст.	–	1
Тучковская ред.	4	–	Сказ. о Маг.-салт.	1	1
Ист. о Каз. ц.	31	–	Предск. фил. и докт.	–	2
Соч. Курбск.			Сказ. о кн.	–	5
Письма ⁶⁰	34	1	Соч. Ив. Грозного		
Ист. о вел. кн. Моск.	59	1	Перв. Курб.	13	4
б) Пов. о Горе и Злоч.	1	–	Втор. Курб.	1	3
Пов. о Шем. суде	3	–	Посл. в К.-Б. мон.	4	2
Азб.	1	–	Посл. Стеф. Бат.	1	4
Сл. каб.	9	–	Пов. об аз. сид.	3	4
Сказ. о куле и лис.	7	–	Котош.	25	38
Пов. о Карп. Сут.	1	–	Ав. Ж. (А.)	44	5
Пов. о Сав. Грудц.	11	–	Пов. о Ерше	3	10
Пов. о Фр. Скоб.	2	–	АИ ⁶¹	48	56
Пов. об осн. мон.	4	–	Арх. Стр. ⁶²	–	29

⁶⁰ Использованы 17 писем князя Курбского, опубликованные в Соч. Курбск.

⁶¹ Использованы документы 1334–1549 гг., опубликованные в I т. АИ. В светских документах зафиксировано 4 употребления предлога *предь* и 55 — *передь*, в религиозных (послания, поучения, собранные грамоты) — соответственно 44 и 1.

⁶² Использованы 117 документов 1598–1645 гг., впервые напечатанных во II т. Арх. Стр.

Группа I-а включает в себя произведения разных жанров: жития, испытывавшие на себе влияние «плетения словес» (Сл. о ж. Дм. Ив., Тучковская редакция Ж. Мих. Кл.); Повесть о Петре и Февронии, близкая к ним по тематике, но отличающаяся простотой изложения; произведения исторического и историко-публицистического характера (Ист. о Каз. ц., Соч. Курбск.). Для некоторых из произведений этой группы характерны средства народной поэзии (Пов. о П. и Ф., Ист. о Каз. ц.), диалектизмы (ранние редакции Ж. Мих. Кл.), западные заимствования (Соч. Курбск.). Объединяет же их церковнославянская основа языка. Наиболее частые сочетания, в которых встречается предлог *предь* в этих произведениях, близки к отмеченным нами в религиозных памятниках XI–XIV вв.: *предь богомь* (10 употреблений из 143), *предь очима* (8), *предь царемь*, -я (6), *предь лицемь* (4), *предь самодержцемь* (4), *предь человекѣ* (3); *быти* + именная часть + *предь* (21), *стати предь* (7), *быти* (в значениях: ‘приходить’, ‘находиться’) *предь* (6), *насти предь* (6), *глаголати предь* (5), *исповедати предь* (5), *привести предь* (5), *стояти предь* (5), *реци предь* (4), *ходити предь* (4), *взяти предь* (3), *имѣти предь* (3)⁶³, *поставити предь* (3), *согрѣшити предь* (3).

Группа I-б объединяет весьма разнообразные как в жанрово-стилистическом, так и в языковом отношении произведения. Употребление в них предлога *предь* объясняется разными причинами. Для Повести о Савве Грудцыне — это отражение ее явной ориентированности на церковнославянский язык макарьевской эпохи (единственное полногласие повести — название села *Павлов Перевоз* — Пов. о Сав. Грудц., 408). В остальных произведениях этой группы предлог *предь* употребляется в окружении народно-разговорных речевых элементов, не имеет, как правило, никакой стилистической функции и свидетельствует лишь о взаимодействии книжных элементов с просторечными в языке XVII в. Даже полуфольклорная Повесть о Горе и Злочастии не избежала влияния книжной традиции [Давыдова 1953: 9–12]. Вряд ли каким-либо сознательным отбором речевых средств следует объяснять употребление неполногласного предлога *предь* в сатирической литературе. В Повести о Шемякинском суде, например, употребляется только предлог *предь*, однако, там же отмечены примеры свободного варьирования (иногда — чтобы избежать повторения) полногласий и неполногласий: *пойде на него бить челом во град к Шемяке судии. Брат же убогии... ведая то, что будет на него из города посылка* (Пов. о Шем. суде, 20); *пойдоша через мост в город. Града же того некто житель везе в баню отца своего мыти* (Пов. о Шем. суде,

⁶³ Только в сочетании *имѣти предь очима*.

21). В близкой по содержанию и языку Повести о Ерше употребляются оба предлога, причем в очень близких контекстах. Ср.: взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею (Пов. о Шем. суде, 21); и ответчика Ерша поставили перед судиями на суде (Пов. о Ерше, 8); и поставити их пред судиями (Пов. о Ерше, 10). Лишь в Службе кабаку употребление предлога *предь* (как и прочих церковнославянизмов) подчинено стилистической цели — пародированию церковной службы, например: непщевани быша во очию мудрых и мрети без покаяния, и еже от пития сокрушение костям и отпадения плоти его, ибо пред лицом человеческим непостыдни суть (Сл. каб., 51).

Рассматривая произведения XV–XVII вв., где употребляются оба предлога (в приведенной выше таблице — группа II), следует, как и для произведений XI–XIV вв., выделить контексты, типичные для церковнославянского языка. Уже в произведениях предшествующей эпохи (летописи, сочинения Мономаха) было отмечено употребление того или иного языка в зависимости от содержания излагаемого. В условиях двуязычия, все более растущей противопоставленности русского и «словенского» языков, эта зависимость проявляется особенно ярко. Интересны случаи соединения противоположных речевых стихий в сочинениях одного автора. Этим, как известно, отличаются произведения Ивана Грозного. В цитатах из Священного писания, в эмоциональных религиозно-моралистических рассуждениях, вообще — всюду, где «использованы приемы церковной литературы... аллегории, связанные с традиционной церковной символикой» [Шмидт 1958: 257], употребляется только предлог *предь*: рече апостоль Павел... «Раби! послушайте господеи своихъ, не предь очима точию работающие, яко челоувѣкоугодницы, но яко Богу» (Перв. Курб., 17); еже бо онъ благочестие свое соблюде, и предь царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго целования тебѣ не отвержеся (Перв. Курб., 21); нам же его (Селивестра. — И. У.), благословение отпустившу, не яко устыдѣвшись, но яко не хотѣвши судити здѣсь, но въ будущемъ вѣце, предь Агнецемъ Божиимъ (Перв. Курб., 66). В тех же случаях, когда религиозный подтекст отсутствует, резко меняется весь речевой строй, используются средства живой речи (и среди них — предлог *передь*): потом же князь Андрѣи Шуиской со единомысленики своими пришедъ къ намъ въ столовую избу, неистовымъ обычаемъ, и передь нами боярина нашего Семена Федоровича Воронцова восхитивше бесчестно и оборвавши, вынесли изъ нашей столовой избы и хотели его убить (Перв. Курб.: 59); доселѣ Руские владѣли (в др. сп.: владѣтели)... повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися с ними ни передь кем (Перв. Курб.: 68).

Описанное соответствие употребляемых речевых средств содержанию высказывания отражает сосуществование в одном и том же произведении церковнославянского и так называемого демократического типа русского литературного языка средних веков. Последний, как известно, сложился на основе живой речи и московского «приказного» языка. Вместе с тем, в нем использовались определенные средства церковнославянского языка. В произведениях, которые рассматриваются исследователями как написанные этим типом языка, количество книжных элементов может сильно колебаться. Многочисленные случаи употребления предлога *предъ* приходится на те места рассматриваемых произведений, где речь идет о «высоких» предметах. Особенно характерны в этом отношении данные языка Домостроя: все случаи употребления предлога *предъ* приходится на «книжные» главы (предлог употребляется в 5, 7–11, 14, 17, 18, 22 и 64 гл.). В средней же части памятника, посвященной изложению бытовых вопросов, встречается только предлог *передъ* (в главах 38, 41, 56, 59)⁶⁴. Различаются и окружения, в которых встречаются полногласный и неполногласный предлоги: сии пре(д) бѣгомъ грѣшен (Дом.: 15); и аще катороу виною дѣшевноу или телесною согрѣшихъ пре(д) бѣгомъ и предо всѣми члѣки (Дом.: 65); во всемъ в томъ винихся и не оправдахъ пре(д) члѣки (Дом.: 65); ср.: да пере(д) ни(ж)нимъ крыльцомъ сѣна положить (Дом.: 36); и на дворе из жолоба овсомъ передъ собою кормити (Дом.: 54); а на дворе и перед вороты всегды после снегу згребено (Дом.: 59). В данном случае можно предполагать механическое соединение двух разных произведений. Однако такие же богатые книжной фразеологией контексты можно выделить и в произведениях, написанных автором, который в других случаях использует стили демократического типа языка, более близкие к народной речи и приказному языку. И. Пересветов в челобитных употребляет почти исключительно предлог *передъ*, а в книжно-философских произведениях — только предлог *предъ*. Это употребление полностью соответствует характеру контекстов: и пишутъ философи и доктори... и коли его, государя, Богъ милостию своею сохранит и помилуетъ и не выдастъ его на охулу, и найдет на него в скорѣ великая мудрость, и обличитъ Богъ пред нимъ вся враги его, да и будут каятися о грѣсех своихъ пред Богомъ сердечными слезами, увидѣвши таковую мудрость царскую, от Бога прирожденную, да и сами тому велми удивятся (Предск. фил. и докт.: 78). Вместе с тем, утверждение, что это — церковнославянский язык, было бы ошибочным. Об этом говорит наличие явлений, характерных для живой речи: повторение союза *и*, выражение бу-

⁶⁴ Аналогичное распределение характерно и для других книжных и живых языковых явлений, противопоставленных в XVI в. См.: [Соколова 1957].

дущего времени посредством оборота с вспомогательным глаголом *буду*, употребление союза *коли*.

Однако более типичными для демократического типа языка являются контексты, где книжная лексика представлена не столь обильно. Следует выяснить, что влияет на употребление неполногласного предлога в тех случаях, когда это нельзя объяснить общей книжностью широкого контекста. Несомненно, последовательно употребляется этот предлог в сочетаниях с некоторыми стилистически отмеченными словами. Об этом достаточно убедительно говорит такой факт: в произведении Котошихина, где преобладает предлог *передь*, в сочетании со словом *царь* 9 раз употреблен предлог *предь* и лишь однажды — *передь*, причем это сочетание постоянно встречается в типичных для всего произведения эмоционально нейтральных бытописательных контекстах: да въ то жь время предь царемъ стоять на столѣ, на большомъ блюде, хлѣбъ да сырѣ (Котош.: 9); а бываетъ та живая рыба: осетры, бѣлая рыбаца... и иная добрая всякая, которая годитца ставить предь царя (Котош.: 79); ср.: и привели того Шоринова сына передь царя (Котош.: 103). Регулярность употребления предлога *предь* в этом сочетании подчеркивается, как будто, наличием в том же предложении связанного с тем же самым глаголом предлога *передь*: да на свадьбе жь кому носить ѣству и питье, столникомъ, предь царя и царицу и во всѣ столы передь чиновныхъ людей, кому гдѣ велено быти по росписи (Котош.: 7). Впрочем, у Котошихина можно отметить аналогичное употребление предлогов *чрезъ* – *черезъ* и при отсутствии влияния связанного с ними имени: и въ скоромъ времени, чрезъ многой свой умыслъ и черезъ допоможение Полскихъ войскъ, достала Московское государство подь свое владѣнье (Котош.: 3). Кроме того возможно, естественно, и сохранение одного и того же предлога независимо от последующего имени: и учнуть предь царя и предь царевну, и предь свадебной чинъ, носить ѣсть столники (Котош.: 9). Ср. у Пересветова: ино, государь, противень тѣхъ рѣчей перед тобою, перед государем (Перв. челоб.: 60); но: и тотъ образецъ службы моей перед тобою, пред государемъ (Втор. челоб.: 79).

В сочетании с книжными словами Котошихин постоянно употребляет неполногласный предлог: *предь ѣствою* (два раза), например: духовникъ начнеть предь ѣствою говорити молитву (Котош.: 9); *предь питиемъ*: гости предь питиемъ вина... кланяютца (Котош.: 148); ср. как *предь обѣдомъ*: предь обѣдомъ велеть выходить къ гостемъ челомъ ударить женамъ своимъ (Котош.: 147), так и *передь обѣдомъ*: и передь обѣдомъ ѣздитъ онъ, женихъ, со всѣмъ поѣздомъ, челомъ ударить къ царю (Котош.: 153). Во многих произведениях, написанных в традициях демократического

типа языка, можно отметить употребление предлога *предѣ* в сочетаниях, часто встречающихся в церковнославянском языке: яко же и сами видите, на Симонове, кроме сокровенных раб божиихъ, точию одеянием иноци, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда быта среди царствующаго града пред нашими очима — нам и вам видимо (Посл. в К.-Б. мон., 472); видим от нихъ, сильныхъ, пред лицом смерть свою лютую (Пов. об аз. сид., 367); Настасий же патриархъ с плачем великим и со сердечными слезами, заплакав пред образом Владычицы Богородицы, Матери Христа Бога нашего, и рек тако (Сказ. о кн., 81). Однако в демократическом типе языка в сочетаниях с этими же словами предлог *предѣ* употребляется не так последовательно, как в церковнославянском языке, ср. примеры с *передѣ* из тех же произведений: А и перед очима нашими Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе (Посл. в К.-Б. мон., 180); и утробы бы ея распороли, да перед лицом бы ево царевым поставили (Пов. об аз. сид., 364); или из другого произведения того же автора: и видѣль есми, государь, что Петръ волоский воевода, став перед образом пречистыя Владычицы наша Богородицы, помолился (Перв. челоб., 68).

Весьма часты в произведениях, написанных на древнерусском языке в его «демократической» разновидности, случаи безразличного употребления указанных предлогов. Ср. очень близкие друг к другу контексты из «Хожения Афанасия Никитина»: да предѣ ними водять кони въ стасехъ золотых до 20 (Аф. Ник., 16); да передѣ нимъ скачетъ кофаръ пѣшь (Аф. Ник., 25); из письма Ивана Грозного: что предѣ вами исперва вина? (Втор. Курб., 120); что моя вина передѣ ним? (Втор. Курб., 121). Оба предлога могут употребляться в одном и том же тексте. В этом отношении весьма показателен пример из письма Ивана Грозного Стефану Баторию. Грозный трижды цитирует (правда, весьма вольно) текст из письма к нему Стефана Батория, употребляя при этом то предлог *передѣ*, то *предѣ*:... и в той твоей грамоте написано, что послы наши «передѣ маистад твой вызвани», ино то кабы некоторые неизвестные сирота, а не послы... таково наших послов «пред твоим маистатом ставление». Да и во всех землях тово не слыхано, хоти и не от великого государя послы придут к великому государю... «перед маистатом» их не ставят (Посл. Стеф. Бат., 219). Возможность такого свободного словоупотребления в дипломатической переписке (близкой, как известно, к «приказному» языку) ни в коей мере не колеблет регулярности употребления тем же Грозным предлога *предѣ* в книжных контекстах.

В формулах деловой речи, которыми часто пользуются авторы рассматриваемых произведений, употребляется только предлог *передѣ*. В «приказном» языке развилось новое значение этого предлога. Предлог *передѣ*

стал употребляться для выражения сопоставления, сравнения. Постепенно такое употребление становится все более типичным и за пределами приказного языка⁶⁵. Ср. у Ивана Грозного: а Асаф митрополит не мог уговорити Алексия Айгутова, чтобы поваров прибавити перед чудотворцовым, как при чудотворце было немного (Посл. в К.-Б. мон., 177). Особенно широко это употребление представлено у Котошихина, например: а как родится царевна, и въ рождении ея, и въ крещении, и въ молебстве, бываетъ противъ царевича жъ; а в ыныхъ домовыхъ статьяхъ и въ роздаче денегъ передъ царевичемъ бываетъ съ убавкою (Котош.: 17).

Отметим также использование типичного для деловой речи сочетания *крестъ целовати передъ*: и перед нашими послы на той грамоте к нам крест целовати (Посл. Стеф. Бат., 216).

Таковы основные факторы, определяющие употребление полногласного или неполногласного предлога в литературных произведениях, написанных древнерусским языком в его «демократичесеской разновидности».

Известным своеобразием отличается взаимодействие книжных и народных элементов речи в произведениях протопопа Аввакума (как и других деятелей раскола). Традиционные книжные формулы (в том числе и включающие предлог *предъ*), обильно используемые Аввакумом, очень тесно переплетаются с живыми разговорными элементами. Такое слияние книжного и народного наблюдается не только в языке Аввакума, но и во всем комплексе используемой им образной символики [Виноградов 1958 (2): 371, 372]. Аввакум, по его собственным словам, пишет «просто-речием» и в его состав включает и религиозно-книжные формулы. «Очевидно, в понятии просторечия сочетались стили разговорно-бытового русского языка... и церковнославянская, но не “высокая”, не витийственная стихия» [Виноградов 2002: 55]. Сам Аввакум характеризует формулу *господи, помилуй, мя грешного* как факт «природного» русского языка [там же]. Исходя из этого, следует воспринимать и употребление таких типичных для религиозной литературы формул, как: согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою (Ав. Ж. (А), 54); да помянетъ пред Богомъ насъ (Ав. Ж. (А), 82); каялся пред Сыномъ Твоимъ и пред Тобою (Ав. Ж. (А), 69); покаялся предъ Владыкою (Ав. Ж. (А), 24); палъ пред иконою во ужасъ велице (Ав. Ж. (А), 45); многочисленные сочетания с глаголом *плакать*, *плакаться*⁶⁶: плакався предъ образомъ Господнимъ (Ав. Ж. (А), 9); а по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда (Ав. Ж. (А), 75) и т. п. Естественно, что

⁶⁵ Первые употребления предлога *предъ* для выражения сопоставления, по данным картотеки ДРС, относятся лишь к XVIII в.

⁶⁶ Об этой формуле см. подробнее: [Виноградов 1923: 256].

традиция требовала употребления в этих формулах предлога *передь*, хотя сама формула часто вводится в речь действующего лица.

Вместе с тем, в сочинениях Аввакума можно отметить и стилистически немотивированные, безразличные употребления предлогов *передь* и *передъ*: солнце затмилось въ 162 году, пред миромъ за мѣсяць или менши. Плыль Волгою рекою архиепископъ Симеонъ сибирский, и в полудне тма бысть, перед Петровымъ днемъ недѣли за двѣ (Ав. Ж. (А.), 4).

Предлог *передь* выступает вне книжных формул в контекстах, близких к нейтральной разговорной речи, например: потомъ и болнова принесли, велѣла перед меня положить, и всѣ плачють и кланяются (Ав. Ж. (А), 33).

Разнообразные светские документы (грамоты различных типов, судебные дела, судебники и т. п.) XV–XVII вв. знают почти исключительно предлог *передь*. Насколько можно судить по использованным нами деловым памятникам, он вытесняет свой неполногласный вариант даже в тех сочетаниях, в которых последний часто употреблялся в грамотах XI–XIV вв. (см. выше).

Выделим основные сферы употребления предлога *передь* в деловом языке XV–XVII вв. Многие сочетания, включающие в себя этот предлог, повторяются настолько часто, что превращаются в более или менее устойчивые формулы деловой речи. Приводим наиболее типичные из них.

говорить, сказать передь: и толмачъ Гриша передь бискупомъ и передь ратманы говорилъ (Отр. д. П. Фр.: 203); (пе)редь окольнічимъ н(ашимъ) (Ан)дреємъ Федоровичемъ Литви(новымъ)-Мосальскимъ да передь дѣяки нашими, передь Осипомъ Пустынниковымъ да передь Посникомъ Задонскимъ сказал Ондрей Ступишинъ (Д. о Сузд. в., 1098–1099);

искать передь: здѣсе передь нашимъ дворотцкимъ передь княземъ Иваномъ Ивановичемъ Кубенскимъ искалъ Богословской игумень Офанасей съ братьею на Иванкѣ на Гриднѣ сынѣ Ботуринѣ (Гр. вел. кн. Вас. Иоанн., 195);

ставить, поставить передь: а ихъ велѣлъ ставити передь собою передь Великимъ Княземъ (Гр. вел. кн. Иоанн. Вас, 201); и Юрьи съ товарищи велѣли передь собою поставити Миткю Сунбулова да его вопрошивали (Отр. роз. д. Иоанн. Иоанн., 189);

стать передь: чтобъ передь тобою передь Господаремъ сталь съ тѣми съ очи на очи (Д. о Шем., 179);

учинить, чинить (правду, сроки) передь: а Князь бы Василей правду учинилъ передь боары Великому князю (Д. о. Шем., 179); и онъ ихъ на поруки дасть и сроки чинить передь меня передь Великого князя (Жал. гр. вел. кн. Вас. Иоанн., 174);

цѣловать крестъ передъ: и мы, господине, Государю Великому Князю Василью, передъ Владыкою да передъ Хабаромъ, на томъ и крестъ целовали, что намъ служити... вправду, безъ хитрости (Отр. роз. д. Иоанн., 188)⁶⁷.

Среди приведенных примеров много таких, которые указывают на одну из характерных синтаксических особенностей живого языка — повторение предлогов перед однородными членами предложения. Можно, по-видимому, говорить о стилистической функции этого повторения — выделении, подчеркивании каждого из однородных членов.

Выше уже говорилось о возникшем в приказном языке новом, сопоставительном оттенке значения предлога *передъ*. Сопоставительные конструкции с предлогом *передъ* получают широкое распространение в XVII в. Они тоже превращаются в штамп деловой речи, например: всякая пошлина збирати... передъ прошлымъ годомъ съ прибылью (Наказ воев. Лод., 492); и вы бѣ на нашу службу дали монастырскихъ лутчихъ слугъ по своей мочи, не умаля и не съ убавкою передъ прежнею дачею (Цар. гр. иг. Гер., 961).

Исключительное употребление предлога *передъ* в деловых памятниках XV–XVII вв. указывает на то, что он был типичным для живой речи. Многие контексты из этих памятников (особенно опросные речи), видимо, близки к тому, что реально произносилось: и Сергей сказал: «Язь передъ тобою отвѣтъ...» (Опросн. р. стар., 880); а се запись что Стеванъ Рагозинъ говорилъ... голова моя готова передъ Богомъ да передъ тобою (Д. о Шем., 179). Последний пример показывает, как русифицируется широко распространенная книжная формула. Вместе с тем, следует предполагать, что в речи людей, близких к религиозно-книжной литературе, подобные формулы сохраняли свой церковнославянский вид (ср. приведенные выше формулы из «просторечия» Аввакума).

Неполногласный предлог отмечен и в диалектной речи, например: А представъ ты мне Федора пред меня! Олон. — СРНГ вып. 31: 74.

* * *

Таким образом, употребление предлогов *предъ* – *передъ* в русском языке XV–XVII вв. во многих отношениях близко к их употреблению в языке предшествующего периода: в церковнославянском языке употребляется только предлог *предъ*, а в древнерусском (в его «демократической» разновидности) — как *предъ*, так и *передъ*; как и в XI–XIV вв., один и тот же автор мог пользоваться разными родственными языками (ср. например, произведения Ивана Грозного).

⁶⁷ Сочетание *бити челомъ* с XV в. начинает употребляться, как правило, с дательным падежом.

Основные различия сводятся к следующему: 1) расширяется жанровый круг произведений, знающих только предлог *предь*, что обусловлено, естественно, общим процессом охвата церковнославянским языком новых литературных жанров; 2) учащаются случаи стилистически немотивированного употребления предлогов. Однако это не означает, что авторы произведений, в которых отмечены эти случаи, вообще безразлично употребляют предлоги *предь* – *передь*.

Мы стремились показать распределение одной из наиболее распространенных соотносительных пар церковнославянизмов и русизмов относительно разновидностей языка Древней Руси XI–XVII вв. Изучение других аналогичных пар может выявить иную картину, обусловленную спецификой исследуемых слов. Такое изучение поможет выяснить новые факторы, способствующие или препятствующие закреплению церковнославянизмов в разных сферах устной и письменной речи.

Культура и цивилизация: этимология, история, семантика, соотношение с языком

0. Значения слов *культура* и *цивилизация*, известных многим языкам, казалось бы, ясны носителям языка. Их этимология и история тоже не обещают ничего таинственного: оба слова в славянских языках представляют собой сравнительно недавние заимствования из западноевропейских языков. Между тем, как нам кажется, оказалось не лишним обратиться как к их семантике, так и их истории и этимологии, поскольку, во-первых, несмотря на близость толкований слов *культура* и *цивилизация* в толковых словарях, содержание самих понятий остается не вполне определенным; для филологов особенно актуально соотношение языка и культуры; во-вторых, история и этимология слов *культура* и *цивилизация* раскрывают обширные этимологические гнезда этих слов и весьма любопытные семантические истоки и связи.

1. Современное и основное значение слова *культура* — «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» — возникло из конкретного, материального значения, связанного с сельским хозяйством. Как известно, многие названия духовных явлений имеют в своей основе конкретную семантику, ср. этимологию рус. *просвещение* и польск. *oświata*; рус. *искусство* от *искусъ* — исконно «телесные и иные упражнения» [Черных 1993, 1: 358]; *интеллект*, восходящее к лат. *lego* ‘собираю’, ‘выбираю’, ‘вижу’, ‘читаю’ [там

же: 351]; *гимназия*, восходящее в конечном счете к греч. γυμνάσιον «гимнасий, первоначально — школа главным образом *физического* воспитания в древних Афинах, позже — место встреч и заседаний философов и ученых» ([там же: 188]; ср. *гимнастика*); *институт*, восходящее к лат. instituo ‘ставлю’, ‘выстраиваю’, ‘строю’, ‘воздвигаю’, ‘устанавливаю’; слово *язык* в соответствии с наиболее распространенной этимологией первичным значением имеет ‘орган речи’, и др.

Слово *культура* появилось в русском языке в конце XVIII – начале XIX в. По данным ЭСРЯ (II, вып. 8: 441), оно впервые отмечено в «Достопамятном обозрении» Циммермана 1807 г. Видимо, оно не сразу вошло в активное употребление, поскольку, по данным того же ЭСРЯ (там же), «словарь Татищева 1826 г. еще переводит франц. culture как ‘образованность’».

Словари XIX века в качестве первого значения указывают «сельскохозяйственное»: «обработка и уход, возделывание, возделка» (Даль 1956, II: 217), а в качестве второго значения — «образование, умственное и нравственное» (там же). В современных словарях, как мы увидим ниже, «сельскохозяйственные» и развившиеся на их основе некоторые другие значения получили стилистическое ограничение и перешли в конец словарной статьи. Это перемещение на языковую (лексическую) периферию первоначального значения и в центр — переносного значения произошло, судя по данным словарей, во второй половине XIX – начале XX в. С первоначальным значением связаны слова *культуратор* и *культивировать*.

Слово *культура* восходит к лат. cultūra, которое имело как первичные «сельскохозяйственные» значения (‘возделывание’, ‘обработка’, ‘земледелие’, ‘сельское хозяйство’), так и вторичные — духовные: ‘воспитание’, ‘образование’, ‘почитание’. Непосредственным источником могли быть слова западноевропейских языков: ЭСРЯ (II, вып. 8: 441) указывает «нем. Kultur “культура”, морфологически переоформленное на русской почве с помощью окончания -а», а в Sławski говорится о возможности влияния франц. culture, нем. Kultur, также заимствованных из лат. языка — французское слово — в XV в. [Sławski, III: 355], немецкое — в XVII в. [Duden 1963: 376; Sławski, III: 356]. Лат. cultūra — суффиксальное образование от colō ‘возделываю, обрабатываю землю’. Связь значений ‘обработка земли, посев’ и ‘просвещение, образованность’ — одна из распространеннейших книжных метафор в разных языках. Ср. в «Повести временных лет»: иакоже бо се нѣкто землю разорить. другии же насѣтьи. ини же пожѣнають. и надать пищу бескудну. тако и сѣ. (т. е. Ярослав Мудрый. — И. У.) ѿѣ бо сего Володимерь [землю] взора. и оумачи (правильно: оумагчи. — И. У.) рекше крѣпнѣмъ просвѣтивъ. сѣ же насѣя книж-

ными словесы ср(д̑)ца вѣрны(х̑) людии. а мы пожинаемъ оученье при-
емлюще книжное (ЛЛ 1377, л. 51 об.). Эта связь отражена в семантике
ряда слов (*насаждать просвещение, пожинать плоды просвещения*) и
сочетаний (*сейте разумное, доброе, вечное*). Таким образом, этимологи-
чески *культура* — это результат труда человека («достижения»), его со-
знательной деятельности.

Лат. *colō* явилось исходным словом большого этимологического гнез-
да, многие члены которого заимствованы русским языком. Связи между
словами этого гнезда иллюстрируют разнообразные (иногда очень отда-
ленные) связи понятия «культура» с другими понятиями. Приведем часть
этих слов (их подробное рассмотрение может составить предмет особого
исследования).

Весьма интересны связи слов *культура* и *культ*. Последнее, проник-
шее в русский язык, по-видимому, чуть позже слова *культура*, также вос-
ходит в конечном счете к лат. *colō*, откуда *coltus* ‘обработка земли, уход,
почитание’ (см. ЭСРЯ II, вып. 8: 440). Связь значений ‘обработка земли’
и ‘почитание Бога’ очевидна: ‘обработка земли’ > ‘забота о земле’ > ‘за-
бота вообще’ > ‘почитание вообще’ > ‘почитание Бога’.

Соотношение культа и культуры в разные эпохи, как известно, было
различным, и сильно отражалось в языке. Например, Этимологический
словарь немецкого языка [Duden 1963: 376] отмечает, что первый компо-
нент сложных слов *Kultusminister, Kultusministerium* «относится, собствен-
но, к культуре, что объясняется временем создания этих сложных слов
(XVII–XVIII вв. — *И. У.*). Тогда культ и культура в государственной жиз-
ни были более тесно связаны, чем теперь».

Вопрос о соотношении культа и культуры весьма актуален для исто-
рии русского литературного языка. Так, по мнению Б.А. Успенского, только
с языком культа — церковнославянским языком — «связываются куль-
турные ценности и культурное сознание данного общества (речь идет о
Древней Руси. — *И. У.*). Это проявляется в особом престиже книжного
(т. е. церковнославянского. — *И. У.*) языка. Книжный язык является сред-
ством ограничения культуры от некультуры. Напротив, живой разговор-
ный язык оказывается не связанным в этих условиях ни с какими куль-
турными ценностями; этот язык вообще выпадает из культурного созна-
ния» [Успенский 1987: 18]. С этим трудно согласиться: культурные цен-
ности и культурное сознание Древней Руси связывалось не только с
церковнославянским языком. (См. об этом с. 10–12.)

К лат. *colō* восходит и слово *колония*, заимствованное русским язы-
ком, возможно через польское посредство (ср. нем. *Kolonie* и лат. *colōnia*
‘обрабатываемая земля’; ‘поместье, угодье’; ‘поселение, поселок’; ‘ко-

лония’). Связь значений *colō* и *colōnia* и развитие значения ‘обрабатываемая земля’ > ‘колония’ очевидны. Название немецкого города Кёльн (фр. Cologne) первоначально означало, по-видимому, ‘поселение’.

Со словом *колония* этимологически тесно связано слово *клоун*, заимствованное в XIX в. из английского языка. Англ. clown восходит в конечном счете к лат. *colōnus* ‘житель деревни’, ‘земледелец’, ‘житель колонии’. Развитие значений шло следующим образом: ‘житель деревни’ > ‘неотесанный деревенский парень, деревенщина’ > ‘шут’ (в старинных пьесах) > ‘клоун’ [Черных 1998, 1: 408].

Лат. *colō* — общий источник названных слов — возводят к и.е. **kuel-/kʷol* ‘ходить, двигаться вокруг чего-л.’ [Sławski 1: 998], ‘вертеться, вращаться’ [Черных 1993, 1: 412], реконструируемому на основании многочисленных исконно родственных слов. Видимо, значение ‘движение вокруг чего-л.’ не было утрачено и у лат. *colō*, первым значением которого могло быть ‘ухаживать за посевами, двигаясь, ходя вокруг них’ (ср. связь значений ‘ходить’ и ‘ухаживать’: в *ухаживать* этимологически тот же корень, что и в *ходить*; ср. также *выходить кого-л.* ‘вылечить, ухаживая за кем-л.’; *ходить вокруг кого-л.* в значении ‘уделять особое внимание кому-л.’). Компонент ‘вокруг, круглый’ отразился в *колонна* (фр. *colonne* < лат. *columna* < *colō*).

К этимологическому гнезду слова *культура* относятся и такие заимствования, как *кульминация*, *колор*, *колорит*, *колоратура* (см., например, [Sławski, III: 399]).

Все рассмотренные заимствованные слова (не исчерпывающие все гнездо лат. *colō*) оказываются родственными исконным словам: рус. *колесо*, *коля*, *коляска*, *около*, *колыхать*, *калач* (первоначально — ‘хлеб, испеченный в форме колеса’, [Sławski, II: 364]) и др. Как известно, явление родственности заимствованных слов (*культура*) и исконных (*колесо*) достаточно широко распространено (ср. *видеть* и *видео-* и мн. др., см. [Лопатин 1971]). Славянским словам исконно родственны нем. *hellen*, *Zelle*, *Keller*, *Kellner*, *Helm* (славянское древнее заимствование *холм*, некоторыми оспариваемое, ср. [Черных 1993, II: 348]), имена *Helmut*, *Wilhelm* и др.

Таковы некоторые основные члены этимологического гнезда, в которое входит слово *культура*.

Что касается слова *цивилизация*, то оно также несколько изменило свое значение, приблизившись по семантике к слову *культура*. Первоначальное же значение слова (ср. [Даль 1956, IV: 574]; «общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина») близко значению латинских исходных слов: *civis* ‘гражданин’ > *civilis* ‘гражданский’, ‘государственный’, ‘политический’, ‘подобающий гражд-

данину', откуда фр. *civilisation*. В русский язык слово вошло в XIX в. Производящее лат. *civilis* также вошло в русский язык, но в настоящее время рус. *циви́льный* является устаревшим.

Интересно, что близкие по значению слова *цивилизация* и *культура* этимологически связаны с антонимичными корнями: *культ* и *циви́льный* 'не церковный'.

2. Перейдем к семантике рассматриваемых слов. Во всех современных толковых словарях русского языка в качестве первого значения слова *культура* дается значение, возникшее из более древних значений. Выделяются следующие компоненты этого первого значения слова *культура*: 1) достижения; 2) их совокупность; 3) их принадлежность человечеству; 4) их принадлежность к производственной, общественной и духовной (или умственной) сфере деятельности. Ср. определения из СлРЯ 1981–1984: *Культура*... «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни». В СлРЯ 1981–1984 дана временная локализация: «// Совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-н. народа или класса». В других словарях русского языка такое указание отсутствует, и с этим следует согласиться, поскольку ясно, что все достижения всегда относятся к какому-нибудь времени.

В качестве оттенка этого значения в ССРЛЯ и СлРЯ 1981–1984, дается употребление этого слова в археологии; ср. в СлРЯ 1981–1984: «Общность археологических памятников определенной эпохи в развитии первобытного общества. *Трипольская культура*».

В толковых словарях русского языка выделяется два других значения слова *культура*, которые с нашей точки зрения следовало бы объединить в одно. В этих словарях даются внешне довольно далекие друг от друга формулировки этих значений, ср., напр. в СлРЯ 1981–1984: 2. «Уровень, степень развития какой-л. отрасли хозяйственной или умственной деятельности». *К. земледелия*... 4. Просвещенность, образованность, начитанность». Однако, второе из названных (четвертое по СлРЯ 1981–1984) значение также указывает на «уровень, степень развития», но не «отрасли» (как во втором значении), а личности — отсюда «просвещенность, образованность, начитанность» (*человек высокой ~ низкой культуры; высокая ~ низкая культура обслуживания* и т. п.).

В рассматриваемом значении отсутствует оценочный компонент (ср. положительную оценку в первом значении — «достижения»); слово *культура* в этом значении может сочетаться с прилагательным *высокий* и т. п., *низкий* и т. п., поэтому толкование, данное в [Ожегов, Шведова 1992] — «Высокий уровень чего-н., высокое развитие, умение» — следует признать не совсем точным. Данное значение могло бы быть сформулирова-

но как «степень развития, совершенства кого-чего-либо» (*культура земледелия, человек высокой культуры, культура обслуживания*).

Остальные значения слова *культура*, фиксируемые всеми словарями русского языка, относятся к специальной сфере — сельскому хозяйству и биологии: по СЛРЯ 1981–1984: «5. *Спец.* Разведение, выращивание какого-л. растения; культивирование. *К. картофеля*... // Обработка, возделывание. *К. почвы*. 6. ...Виды, разновидности разводимых, культивируемых растений. *Зерновые к. 7. Бакт.* Микроорганизмы (или совокупность микроорганизмов), выращенные в лабораторных условиях в какой-либо питательной среде. *К. строптокока*». Первое из названных значений ближе всего к исконному (о чем речь пойдет ниже).

Цивилизация определяется обычно с помощью слова *культура*: «1. Определенная ступень развития общества, его материальной и духовной культуры... 2. ...Современная мировая культура» [Ожегов, Шведова 1992: 907].

Ясно, что толкования не раскрывают полностью ни понятий «культура» и «цивилизация», ни тем более их соотношения с языком.

Говоря о соотношении языка и культуры, обычно молчаливо подразумевают, что речь идет о культуре в первом значении этого слова. Ниже мы также будем иметь в виду это значение. Что касается связи языка и культуры во втором значении («уровень развития чего-л., степень соответствия образцам»), то она проявляется в сочетании *культура языка*. Это сочетание, как известно, означает не уровень развития языка как системы, а уровень владения речью, т. е. *язык* выступает здесь в значении 'речь', в связи с чем в русском языке более употребительно сочетание *культура речи*.

Возвращаясь к первому значению слова *культура*, естественно поставить вопрос о том, что стоит в частности за тем, что в толковании обозначено как «производственная, общественная и духовная жизнь» [СЛРЯ 1981–1984]. Не претендуя, естественно, на то, чтобы дать полный ответ на этот вопрос, остановимся в связи с этим лишь на старой проблеме соотношения языка и культуры. Из этой проблемы мы выделим два вопроса: 1) входит ли язык в культуру? 2) как влияют язык и культура друг на друга?

2.1. Если обратиться к современному словоупотреблению (особенно к официальным документам и публицистике), то слова *язык* и *культура* часто оказываются рядом, разделяясь запятой или соединяясь союзом *и*: говорят о развитии языка и культуры. В специальной литературе можно встретить полярные высказывания. Первое: «Язык как средство реконструкции прошлого имеет три существенных преимущества перед куль-

турой» [Сепир 1993: 538], из чего, по-видимому, следует, что язык не входит в культуру. Второе: «Язык не является оторванным от остальной культуры комплексом а, наоборот, составляет важную часть культуры народа» [там же: 537]; «язык... является... своего рода неотъемлемой частью культуры» (Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. — [Звегинцев 1960: 201]).

Как бы ни решать этот вопрос (а он имеет и практическую сторону) ясно, что язык отличается от компонентов культуры (или от других компонентов культуры, если включать язык в культуру) тем, что сознательное начало, заложенное уже в этимологии слова *культура*, в формировании и изменении языка имеет место в гораздо меньшей степени. Бодуэн де Куртенэ отметил по этому поводу: «Влияние... сознания и целесообразности нельзя отвергать и в языке на известной ступени развития общества (и индивидумов), хотя гораздо меньше, нежели при действиях сознательного человека» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 4]. Таким образом, возможны два решения: либо язык не включать в культуру, либо выделять в ней разные компоненты по степени участия сознательности в их создании и функционировании. Поскольку *культура* толкуется (и, по-видимому, справедливо) во всех словарях как достижение человечества, следует решить вопрос о том, относится ли язык к достижениям. По-видимому, достижения — это результат сознательной деятельности, каковым язык не является. Очевидно, поэтому и в целях терминологической точности язык не следует включать в культуру, сознавая их близость и взаимодействие. Особенно близок к культуре литературный язык как язык нормированный. О некоторых вопросах, связанных с их взаимодействием, и пойдет дальше речь.

2.2. В краткой работе мы не коснемся одного из центральных вопросов этой темы — вопроса о влиянии культуры на язык, об отражении культуры в языке. Общеизвестно, что такое влияние и такое отражение имеет место прежде всего в лексике, и это подтверждается активизировавшимися в последние годы исследованиями культурной лексики (в России — это группы исследователей, возглавляемые Н.Д. Арутюновой и Ю.С. Степановым).

Остановимся кратко лишь на проблеме влияния языка на культуру, а отчасти — на всю внеязыковую действительность. Эта проблема актуальна еще со времен В. Гумбольдта, полагавшего, что отношение человека к предметам целиком обусловлено языком. Вспомним также заглавие его главной теоретической работы — «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (предисловие к трехтомному труду «О языке Кави на острове Ява»).

Как известно, эта проблема подробно разработана в трудах Э. Сепира и Б.Л. Уорфа. Этнолингвистика и ее ядро — гипотеза Сепира – Уорфа рассматриваются историками языкознания как такая теория, которая приписывает «языку ведущую роль в его отношениях к культуре, народным и национальным особенностям, и даже к процессам познания» [Звегинцев 1950: 172].

Правда, остается неясным, что имеется в виду под «ведущей ролью языка по отношению к культуре», ибо у Сепира, например, есть высказывания, которые позволяют трактовать эту роль:

1) как использование фактов языка для познания культуры: «Язык приобретает все большую значимость руководящего начала в научном изучении культуры. В некотором смысле система культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. Наивно думать, что можно понять основные принципы некоторой культуры на основе чистого наблюдения и без того ориентира, каковым является языковой символизм, только и делающий эти принципы значимыми для общества и понятными ему» (Сепир. Статус лингвистики как науки — [Сепир 1993: 216]);

2) как воздействие языка на восприятие реального мира (в том числе и культуры) и на поведение человека: «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [там же: 251].

Если первое понимание ведущей роли языка никогда сомнений не вызывало, то второе понимание даже у самих создателей гипотезы сопровождалось оговорками («Не существует никакой общей корреляции между культурным типом и языковой культурой» Сепир. Язык — [Звегинцев 1960: 194]); «Я отнюдь не утверждаю, что есть непосредственная прямая связь между культурой и языком и тем более между этнологическими рубриками, как например, “сельское хозяйство”, “охота” и т. д. и такими лингвистическими рубриками, как “флективный”, “синтетический” или “изолирующий”» (Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку — [Звегинцев 1960: 202–203]).

Это второе понимание (а именно оно вошло в языкознание как гипотеза Сепира – Уорфа) никогда не было подтверждено убедительным материалом.

Так, все примеры влияния языка на внешний мир, приводимые Б.Л. Уорфом в его работе «Отношение норм поведения и мышления к

языку», представляют собой либо достаточно распространенные случаи неточного восприятия значений слов, приводящие иногда к несчастным случаям, либо различное «членение мира» языковыми единицами. Первое, естественно, может оказать влияние на поведение человека. Приведу анекдот — пример использования того, что я бы назвал «сопровождающими» значениями слов, сопутствующими их лексическому значению:

«— Бабушка, — сказал водитель своей пассажирке, — если увидишь справа машину, сразу же скажи мне.

Через некоторое время справа в автомобиль был нанесен удар. — Что же ты молчала, бабушка? — Милай, так ведь это трактор!» (бабушка не знала, что *машина* обозначает и любое транспортное средство, идущее по шоссе).

Благодаря двойственности синтаксических связей возникают комические недоразумения в восприятии естественных или специально составленных фраз: В случае отказа больного от приема лекарств или употребления спиртных напитков, немедленно поставить врача в известность (из санбюллетеня // Крокодил. 1982. № 5); По приказу начальника была уволена гр-ка Иваницкая в состоянии беременности без согласования с администрацией (Правда. 1991. 2 марта).

Что же касается различного членения действительности в разных языках словами или их формами, то это отражает тот давно отмеченный факт, что «каждый язык имеет свою особую систему номинации: он употребляет различные номинативные формы, притом с различной интенсивностью» (Тезисы Пражского лингвистического кружка // [ПЛК 1977: 22]). Например, отсутствие в польском языке полного эквивалента русскому *синий* или отсутствие в русском языке категории *męskoosobowości* не создает различий ни в практическом использовании разных цветов, ни в отношении к мужчинам.

Поэтому и не встречаются сочувствия такие категорические формулировки гипотезы Сепира – Уорфа: «Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в его повседневной оценке им тех или иных явлений» (Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку — [Звегинцев 1960: 198]).

Вместе с тем полностью отказаться от гипотезы Сепира – Уорфа нельзя.

Влияние языка на различные формы поведения человека (в том числе и имеющие отношение к культуре) возможно. Среди различных уровней языка наибольшее (а может быть и исключительное) влияние на культуру имеет, как известно, лексика. Несомненно, что познание человеком

новых реалий (в том числе и из сферы культуры) может начаться с познания нового слова и быть этим словом стимулировано. Возникновение новых «культурных» слов в языке идет параллельно с возникновением новых культурных реалий. Сепир достаточно убедительно связал казалось бы далекие друг от друга проблемы — проблему реального и потенциального в языке с проблемой познания культуры: «Язык обладает силой... осуществлять постепенный переход потенциальных явлений в реальные, что и позволяет человеческим существам переступать пределы непосредственно данного индивидуального опыта и достигать более обобщенного познания. Это обобщенное познание образует культуру» (Сепир. Язык [Звегинцев 1960: 185]).

Что касается понятия «цивилизация», то оно, по-видимому шире понятия «культура»: возможна цивилизация без культуры (в 1 значении этого слова), но наличие культуры означает и наличие цивилизации. Цивилизованное общество имеет язык, но понятие языка по соображениям, высказанным в связи с соотношением языка и культуры, не входит в понятие цивилизация.

Таковы некоторые данные по этимологии, истории и семантике самых «культурных» слов из «культурной лексики» — *культура* и *цивилизация*. В последние годы культурная лексика отдельных языков изучается активно, однако, следует по-видимому, значительно расширить сопоставительные исследования культурной лексики. Такие исследования, безусловно, внесут большой вклад в изучение и языков, и культуру.

Подражать

Этимологические словари русского языка не дают сколько-нибудь убедительной этимологии глагола *подражать*. М. Фасмер присоединяется к традиционному объяснению слова, выдвинутому впервые, по-видимому, Ф. Миклошичем [Miklosich: 42]. Согласно этому объяснению, глагол *подражать* образован от старосл. *подрагъ* ‘подол, край одежды’. М. Фасмер вполне обоснованно затрудняется связать значение этого слова со значением глагола *подражать*, хотя и выдвигает с сомнением первоначальное значение ‘проверять край’ [Фасмер 1964–1973, III: 386]. Аналогичные затруднения испытывал и А. Преображенский, создавший весьма неубедительную линию семантических изменений: ‘край – крайняя линия – очертание, образ’ [Преображенский 1910–1914, II: 87]. Этимология

В. Даля, связывавшего это слово с *выражать*, *изображать*, заслуженно оставленная без внимания М. Фасмером и повторенная Б. Унбегауном (см. [Unbegaun 1957]), неправдоподобна уже потому, что слово не встречается в виде *подъражать*, между тем как в древнейших памятниках в префиксе *подъ-*, как правило, сохраняется написание с *ъ*. Между тем еще Ф. Шимкевич указал на возможность связи этого глагола со словом *дорога*. Отвергая этимологию Ф. Рейфа, который относил *подражать* к одному корню с *другой* [Рейф 1835: 268], Шимкевич считал, что *дорога* и *подражать* взаимодействуют так же, как *след* и *последовать*. Он писал: «Понятие о следе находится в самом близком отношении к значению слов “дорога” и “подражать”, потому, что дорога, сделавшаяся без участия искусства, была только следом, прежде нежели стала настоящим путем, а “подражать” значит то же, что “последовать кому”» [Шимкевич 1842: 65]. Других доказательств связи этих слову Шимкевича мы не найдем. Он не рассматривает способа образования и образующей основы слова *подражать*. Но основная мысль Шимкевича, заслуживающая несомненного внимания, впоследствии не была развита в этимологических словарях. Правда, о связи ц.-сл. *драга* и *подражати* писал И.И. Срезневский, который в своих «Материалах...» в статье *драга* сделал ссылку на *подражати* и слово *драгодостоини* (Дѣло драгодостоиноуѣ. Жит. Феод. Ст. 108 из сборника житий XIII в.), которое он переводит как ‘достойный подражения’ [Срезневский, I: 719]. Ссылку на *подражать* в словарной статье *дорога* сделал и А. Преображенский [1910–1914, I: 191].

Глагол *подражати* широко представлен в старославянских памятниках и отсутствует в остальных славянских языках, кроме русского, болгарского и сербского, заимствовавших его из старославянского языка. Слово было образовано префиксальным способом от старославянского глагола *дражати*. Последний не зафиксирован в рассмотренных нами словарях и памятниках старославянского языка, однако он, несомненно, имелся в тех живых говорах, которые легли в основу старославянского языка (ср. старосл. *подражати*, *раздражати*, *въздражати* ‘издеваться, насмехаться’). Глагол **doržiti < *dorgiti* вообще следует считать праславянским, хотя в ЭССЯ [вып. 5: 80] имеется только омонимичный глагол с корнем **dorg-* ‘дорогой’ (рус. *дорожить* ‘проводить дорожки’ [Даль 1956, I: 474], старопольск. *drożyć* ‘выдалбливать, углублять’ [Sławski, I: 163], в.-луж. *drozdzić, droždzić* ‘раздражать, возбуждать’ [Král 1931: 78], старочешск. *drážiti* ‘боронить’ [Sławski, I: 163], ‘раздражать, возбуждать’ [Gebauer 1903–1916: 327], словацк. *drážit* ‘делать дорогу, углубление, паз’ [Sławski, I: 163], ‘дразнить, раздражать, возбуждать’ [Machek 1957: 94], словенск. *dražiti* ‘делать углубления на лугах в целях отведения воды;

дразнить, раздражать, возбуждать' [там же], сербохорв. *dražiti* 'дразнить, раздражать, возбуждать' [там же]).

На основе приведенных параллелей легко реконструируется первоначальное значение общеслав. **doržiti* 'выдирать, дергать, делать углубление, паз, дорогу' и развившееся на основе этого значения переносное 'раздражать, возбуждать' (ср. *издерганный* – *раздраженный*).

Некоторые этимологи склонны отделить эти два значения, обособив в этимологическое гнездо те славянские слова, которые имеют значение 'раздражать' и сочетание *-ra-* в корне, предполагая праслав. **drāžiti* 'раздражать'. Однако приведенное выше в.-луж. *drozdžić, droždžić* 'раздражать, возбуждать', которое, естественно, не может восходить к *dražiti*, указывает, что праслав. **doržiti* имело также значение 'раздражать'⁶⁸. К этому слову закономерно восходят чешская и все южнославянские параллели, в том числе и старослав. *дражати, -ити*, от которого префиксальным способом образован заимствованный русским языком глагол *раздражать*.

Ф. Славский считает, что глагол **doržiti* образован от общеслав. **dorga* [Sławski, I: 163] (рус. *дорога*, сербск.-ц.-сл. *draga* 'долина' [Фасмер 1964–1973, I: 530], польск. *droga* 'дорога', старопольск. также 'тропинка, след' [Sławski, I: 167], чешск. *dráha* 'дорога, путь' старочешск. 'скотопрогонная тропа' [Gebauer. 1903–1916: 321], сербохорв. *draga* 'долина' [Преображенский 1910–1914, I: 191], словенск. *drága* 'углубление, ров; путь' [Brückner 1957: 97], в.-луж. *droha* 'след, улица, большая проезжая дорога' [Jakubaš 1954: 96]).

Первоначальное значение общеслав. **dorga* — 'борозда, продранное в лесу пространство, необходимый путь из деревни' ([Горяев 1896: 94–95], где приведено мнение Забелина). Трудно сказать, что является первичным образованием — общеслав. **dorga* или **doržiti*. Этимологи обычно ограничиваются указанием на родственность **dorga* и общеслав. **dyrgati* [Berneker 1908: 212; Фасмер 1964–1973, I: 530; Преображенский 1910–1914, I: 191; Machek 1957: 93], рус. *дергать*, но несомненно, что глагол *doržiti* (старосл. *дражити*) мог иметь также значение 'проделывать, прокладывать дорогу', а затем и 'идти по дороге'. Весьма показательно, что в моравских говорах глагол *dražit* зафиксирован в значении 'идти за кем-либо, выслеживать кого-либо' (*Dražili zme ho až do l'esa*) [Bartoš 1906: 154].

⁶⁸ Это позволяет одновременно освободиться и от малоубедительного предложения Ф. Славского (см. [Sławski, I: 162], восстанавливающего общеслав. **dražiti* 'раздражать' и предполагающего последующее обобщение вторичной формы с *ž* в южнославянских и чешском словах.

Аналогично глаголу *подражать* был образован семантически близкий глагол *походить*. В словарях А. Преображенского и М. Фасмера нет специальных статей на это слово. Фасмер помещает прилагательное *похожий* без каких-либо комментариев в статью *ход*. Однако, как справедливо указал Г.О. Винокур [1946: 329], связанная основа *ход*–*хож*-, выделяемая на основе сопоставлений слов *схожий* – *похожий* – *походить*, выступает как омоним к той основе, которая выделяется в соотношении *ходить* – *приходить* – *походить*. Правда, последнее верно только с синхронической точки зрения, так как исторически это одна и та же морфема.

Омонимия корневых морфем в глаголах *походить* ‘провести некоторое время в ходьбе’ и *походить* ‘иметь сходство с кем или чем-нибудь’ выступает наряду с омонимией приставок *по-* в этих словах. В глаголе *походить* ‘провести некоторое время в ходьбе’ приставка *по-* имеет временное значение (ср. *попрыгать* и т. п.), в глаголе же *походить* ‘иметь сходство с кем или чем-нибудь’, как и в аналогичном ему в семантическом и словообразовательном отношениях старославянизме *подражать*, приставка *по-* вносила добавочное лексическое значение ‘за, вслед, сзади’, которое в настоящее время уже не ощущается. Наличие локальных значений (1. по верху; 2. за, сзади) у приставки *по-* в старославянских глаголах отмечает С. Слоньский в своей книге о функциях глагольных приставок в старославянском языке [Słoński 1937: 154]. И. Немец считает, что в старославянском языке приставка *по-* наряду с другими локальными значениями имела также значение ‘за, после’ [Němec 1954: 17–19]. Предлог *по* имел уже в древнейшую эпоху значение ‘за, вслед’ (отвъѣща юем ѿс намо же азъ идѣ не можеши нынѣ по мѣнѣ ити послѣдъ же по мѣнѣ идеши) (ОЕ 1056–57, л. 164).

Как указывает словарь Садник и Айтцетмюллера, включающий в себя материал 20 памятников старославянского языка, глагол *подражати*, *-ити* употреблялся в старославянском языке в двух значениях: 1) «делать что-нибудь по какому-нибудь образцу»; 2) «ругать, хулить, раздражать, издеваться, насмехаться» [Sadnik und Aitzetmuller 1955: 88], причем, как показывает изучение употребления этого глагола в старославянских памятниках, он управлял винительным падежом без предлога.

В евангелиях (глаголических — Зографском, Ассеманиевом, Мариинском, кириллических — Саввиной книге, Остромировом) слово встречается лишь два раза и только в значении «раздражать, издеваться, насмехаться». Ср., например, из Зогр.: слышайхъ же си вси і фарисеі сѣребролюбци сѣште .і подражаѣхъ (Лук. XXIII, 14), то же — в остальных указанных выше евангелиях (Ассем.: 129; Мар.: 272. Саввина книга: 48; ОЕ 1056–57, л. 111–112, в Саввиной книге — стяженная форма), і стоѣхъ

люде зъраште подражааха же і кѣнази — Зогр: 133 (Лук. XXIII, 35; то же — в остальных указанных выше евангелиях (Ассем: 208; Мар.: 305; Саввина книга: 114; ОЕ 1056–57, л. 191), в Саввиной книге и ОЕ 1056–57 — стяженная форма). В обоих случаях этим глаголом переводится греч. ἐκμυκτήριζω ‘насмехаюсь, высмеиваю’.

В Синайской псалтыри слово употреблено дважды (Син., л. 43, 107) и оба раза в этом значении: Пс. 34, 16: Мѣчиша мѣ подрѣжаша мѣ подрѣжаниимъ: ~ Скрѣжъташа на мѣ зѣбы своїми (ἐξέμυκτήρισάν με μυκτηρίσμών) Пс. 79, 7: Положилъ ны еси въ прѣканіѣ сѣсedomъ нашимъ... врази, наши подрѣжаша ны (οἱ ἐχθροὶ ἡμῶν ἐμυκτήρισαν ἡμᾶς). Второй пример имеет соответствие в Чудовской псалтыри (с. 183), в которой слово встречается 7 раз в обоих значениях. Ср., например, Пс. 1, 5: бжій словесы напааеми присно зелени сѣть и зѣрѣль плодъ творать. нъ си противными дѣхы попираеми подражаѣтъ *прахъ. сѣмо и онамо оудобъ противными вѣтры носими* (Чуд. пс., л. 43, 107) (μιμείται), то есть похожи на прах.

В Супрасльской рукописи слово употреблено 14 раз и только в значении ‘делать что-нибудь по какому-нибудь образцу’ (переводить греч. μιμεῖσθαι, например, аште на то сътворимъ владыкы подражали бждемъ аште ли на сѣпротивно то дивавола — Супр.: 379).

Это значение зафиксировано в памятниках, написанных на Руси; например, оунаста бо сама за вса оумерети. подражающа самого вѣдку. г(с)а нашего и(с)са х(с)а иже положи дѣшу свою за люди своа. ЧтБГ к. XI сп. XIV₂, л. 115г. Во втором значении слово, судя по немногочисленным цитатам (см. СДРЯ XI–XIV, Сл XI–XVII) — и главным образом из канонических текстов, было ограничено церковно-книжной сферой; ср., например, употребление слова в цитате из Притчей Соломона в «Рассказе о крещении Ольги в «Повести временных лет»: ре(ч) бо Соломонъ... възненавидѣша бо прмдр(с)тъ. и страха Г(с)на не изволиша. ни хотяху моихъ внимати свѣтъ. подражаху же мои ѡбличенъа (ἐμυκτήριζον; Притч. 1.25) ЛЛ 1377, л. 18 об.

Второе значение довольно рано было утрачено: его не фиксируют академические словари конца XVIII – начала XIX в. Как показывают эти словари, в XVIII в. окончательно закрепилось новое управление у этого глагола. В древнейших памятниках глагол употреблялся только с винительным падежом. В XVI в. он мог употребляться уже и с дательным падежом (подражати житію его восхотѣть. Ж. Стеф. Махр.).

Таким образом, приведенный материал показывает, что необходимо отказаться от традиционного возведения *подражать* к *подрагъ*. Первоначальное значение глагола *подражать* — ‘идти той же дорогой, тем же путем’.

Древнерусское *бѣдынѣ*

Изучению терминологии язычества уделили много внимания как этнографы, так и лингвисты [Трубачев 1959]. Достаточно подробно изучался ритуал похорон и его терминология. Неоднократно подвергалось рассмотрению и связанное с этим ритуалом древнерусское слово *бѣдынѣ* (*бѣдынѣ*), значение, происхождение и первоначальный звуковой состав которого не был известен.

Основные рукописные источники этого слова — многочисленные списки Пролога, где данное слово в своих фонетико-орфографических вариантах зафиксировано в Житии св. Ольги (под 11 июля). Текст Проложного жития св. Ольги был издан А.И. Соболевским в 1888 г. [Чтения: 68] и напечатан, как указывал автор, «едва ли не по самому древнему списку» [там же] (б. Московской Типографской библиотеки № 173/368, XIV в.) с приведением вариантов из Макарьевских Четых-Миней (июль). В опубликованном А.И. Соболевским тексте выступает слово *дынѣ*: «[Ольга]... нача болѣти. и призвавши сѣна своѣго сѣослава. заповѣда ѣмоу погрес-ти са съ землею ровно. а могылы не соути. ни тризны творити, ни *дына* дѣяти. нѣ посла злато къ патриархоу», вариантом к нему — *бдынѣ* (в тексте род. пад. ед. ч. *бдына*).

Н. Серебрянский издал текст этого жития по списку Пролога XV в. (Синод. № 3) — Серебрянский 1915: 7, 8, где слово стерто. Над стертым местом сделана надпись, которую Н. Серебрянский прочел как *тина ни*, что дало ему основание предложить свое объяснение данного текста, о чем речь будет ниже. Здесь мы лишь укажем, что исправление это сделано было, по-видимому, не переписчиком жития, как полагал Н. Серебрянский, а несколько позже — в XVI в. На это указывает косой полуустав, которым сделано это исправление (весь памятник написан уставом), более светлые чернила, а также употребление лигатуры для сочетания *ти*. В настоящее время это исправление можно прочесть следующим образом: *тинана* и ниже *тіна*. По остаткам стертых букв и свободному месту в строках легко восстанавливается первоначально написанное *бды|на*.

Н. Серебрянский привел варианты к данному месту из нескольких списков Пролога. Нами просмотрено значительное количество других списков Пролога, содержащих Житие св. Ольги. Все известные нам варианты данного слова сводятся к следующим написаниям (приводим их в род. пад. ед. ч., как они выступают в данном тексте): *дына*, *дыны*, *дыни*, *бдына*, *бѣдына* (Барс. 728, л. 344 об., XVI в. по-видимому, ошибка писца; ѣ вместо ъ), *бѣды* (Типограф. 724, л. 379 об.–380 об., XVI в.). Вместо этих вариантов часто встречается *годины* с немногочисленными искажения-

ми (*годѣны, годѣнь*), реже *единоа* (*единою, едины*), например: ни трызны творити ни единоа (Увар. 680, л. 395 об., XVI в.); другие замены единичны: на надѣятиса (Чуд. 304, л. 315 об., XV в.), ни дѣлына (Увар. 679, л. 367, XVI в.), ни плакатиса (по указанию Н. Серебрянского в рукописи № 529 из собрания Пискарева; Арх. 8, л. 448 об., XVI в.).

Не столь многочисленны списки второго памятника, содержащего это слово, — Жития Константина, князя Муромского, где зафиксированы варианты *дыни* и *дымы*⁶⁹.

Другие памятники, которые бы содержали данное слово, неизвестны. По всей вероятности, давно отсутствует оно и в говорах⁷⁰.

Приведенные варианты позволяют сделать попытку восстановить первоначальный звуковой состав слова. Написания без начального *б* следует считать отражением фонетической модификации образовавшегося после падения редуцированных сочетания *бд* (ср. *хорь* < *дѣхорь*). Что касается конца слова, то на основе представленных форм родительного падежа единственного числа можно восстановить следующие морфологические варианты: **бѣдынъ, *бѣдына, *бѣдыня* и **бѣдынѣ* (ср. др.-рус. *сують* — *суюта, съмысль* — *съмысль, тризна* — *тризнѣ, тѣня* — *тѣнѣ, удолю* — *удоль, усмѣ* — *усмѣ, ѣдѣ* — *ѣдѣ, яблонь* — *яблоня* и мн. др.).

Большая часть исследователей, изучавших это слово, полагает, что оно означает надмогильную языческую постройку.

И.И. Срезневский, приводя данное слово в виде *бдынѣ* [Срезн., I: 47], не указывает его значения. А.Х. Востоков сопровождает свое толкование этого слова вопросительным знаком («надгробный памятник?») [Вост., I: 33]. Ф. Миклошич толкует слово как «monumentum, fortasse» [Miklosich 1862–1865: 49]. М. Фасмер считает, что это «языческий надмогильный памятник» [Фасмер 1964–1973, I: 141]. Этимология слова остается для него неясной.

А.А. Котляревский пишет, что слово обозначает надмогильное сооружение, т. е. то же, что *голубец* [Котляревский 1893: 120–122]. Это же повторяет и Н.М. Гальковский [1916: 75]. А.А. Шахматов полагает, что мнение А.А. Котляревского неубедительно [Шахматов 1908: 115, примеч.].

Сл XI–XVII толкует это слово как «языческое надгробное сооружение» [Сл XI–XVII, I: 84].

Специальные историко-этимологические статьи посвятили этому слову А.И. Соболевский, Г.А. Ильинский, А.А. Потенба, А.Б. Страхов.

⁶⁹ Издание, варианты и списки см.: [Серебрянский 1915: 100–107, 185]. Нами просмотрены также следующие, не указанные Н. Серебрянским, списки этого жития, где встречается данное слово: Увар. 997а, 1788–1789 г.; Муз. 517, XVIII в.; Барс. 856, 1809 г.

⁷⁰ Нами просмотрено более 30 областных словарей русского языка (включая СРНГ); данное слово в них отсутствует.

А.И. Соболевский, восстанавливая дрр. **бѣдынѣ* и **бѣдынѣ*, считал, что они означают «сооружение на месте погребения, требуемое языческим обрядом русских, но ставившееся и в христианскую эпоху» [Соболевский 1911: 409]. Он отрицает родство дрр. *бѣдынѣ* (*бѣдынѣ*) с польск. *buda*, *budynec*, корень которых, как известно, является германским заимствованием. Других высказываний о происхождении этого слова у А.И. Соболевского нет.

Г.А. Ильинский также считает, что *бдынѣ* означает «какое-то надмогильное сооружение» [Ильинский 1921: 202–205]. Сравнивая древнерусское слово с сербск. *bǎdnjak* ‘пень’, ‘колода’ (по Ильинскому), болг. *бѣдняк*, Г.А. Ильинский считает первоначальным значением праслав. **bъdъnъ* (**bъdъnъ*, по его мнению, мог представлять собой удлинение -ъn-) ‘толстое полено’, ‘толстый деревянный ствол’, которое затем на русской почве изменилось в более специальное значение — ‘надгробное сооружение’. Однако Е. Бернекер [Bernecker 1908: 106–107], Е. Шнеевайс [Schneeweis 1925: 16, 17, 32, 34, 39, 49, 50, 61, 118, 174, 175, 185] и М. Фасмер [1964–1973, 1: 141] справедливо полагают, что эти слова связаны с общеслав. **bъdeti*; первичное значение сербск. *bǎdnjak* ‘сочельник’, впоследствии же слово получило значение ‘дубовое полено или ветки, которые сербы по религиозному обряду сжигают в сочельник’. Ту же судьбу пережило болг. *бѣдник* — 1) ‘сочельник’; 2) ‘дерево, украшаемое в сочельник’. Развитие значения ‘праздник’ > ‘предмет, играющий заметную роль во время праздника’ весьма распространено: ср., например приводимое Е. Бернекером и Е. Шнеевайсом рус. *пасха* — 1) ‘религиозный праздник’; 2) ‘сладкое кушанье из творога, которое едят верующие во время этого праздника’.

Таким образом, выдвигаемое Г.А. Ильинским на основе сравнения с указанными болгарским и сербским словами первоначальное значение прислав. **bъdъnъ* ‘толстое полено’, ‘толстый деревянный ствол’ вряд ли верно, а это, естественно, ставит под сомнение и предполагаемое Г.А. Ильинским значение слова *бѣдынѣ*.

Совершенно неубедительно объяснение Н. Серебрянского [1915: 27], основанное на сомнительном (см. выше) чтении исправления в пергаменном Прологе начала XV в. (Синод. № 3): *тина ни*. Исходя из того, что слово *тинъ* (*тинъ*) означает ‘ремень’, ‘бичъ’, *тинити* ‘рубить’, ‘бить’, И. Серебрянский полагает, что выражение *ни тина ни дѣяти* содержит «указание на один из языческих обрядов выражения печали по умершим, приближающихся к тем, которые в Житии кн. Константина Муромского названы “кожекроением” и “лицедраием”» [там же]. Естественно, что данная поправка в одном из многочисленных списков Пролога не может быть рассмотрена как фонетико-орфографический вариант слова *бѣдынѣ*.

Она является, скорее всего, попыткой читателя XVI в. изменить неизвестное слово *бдынъ* на известное. Таким образом, это исправление ничем не отличается от замен типа *единоа, надѣяйтиса*.

Вместе с тем есть известные основания полагать, что *бдынъ* означает действительно один из ритуалов языческих похорон, но не «кожеекряние» и «лицедрение», а *бдение* и связано по своему происхождению с глаголом *бѣдѣти*. Один из существенных фактов в пользу этого предположения был найден А.А. Потебней⁷¹, который привел следующий пример из Книги приходной Болдина Дорогобужского монастыря 1603–1604 г.: «Лѣта 7112... мѣсяца октября... въ 6 день прїѣзжала Ѳедорова жена Тиханова Марья мужа своего Ѳедора *дынити*, и дала она по Ѳедорѣ на столь полтину, да на понахиду шестнадцать алтынъ двѣ денги» (АЮБ, II: 270). Глагол *дынити* означает какое-то ритуальное действие. Его первоначальное звучание, по-видимому, **бѣдынити*.

Это предположение находит подтверждение в приводимом И.И. Срезневским примере из «Сказания о житии Константина, князя Муромского» [Срезн., I: 764]: «Погрѣбаему князю Михаилу ни тризнища, ни *дымы*, ни битвы, ни кожи кроянія ни лицедранія не творяху». Здесь перечисляются действия, совершаемые во время похорон, синтаксически выраженные однородными членами предложения. Естественно, что и интересующее нас слово в данном контексте выражает процесс, действие⁷². Ср. приводимый И.И. Срезневским аналогичный в стилистическом отношении пример из того же памятника: «Кони закалающе, по мертвыхъ ременные плетенія древолазная съ ними въ землю погребаяюще, и битвы, и кроеніе, и лицъ настреканія, и драніе творяще» [Срезн., I: 1327], где также выступает конструкция из однородных членов предложения, называющих несомненно однородные явления.

Вопрос о том, что собой представляло данное бдение, какие ритуалы при этом совершались, остается не вполне ясным. По мнению В. Мансикки, слово отражает обычай сидеть при трупе в ночь перед погребением с целью подстеречь душу умершего, представляющую опасность для живых, ибо она может увести души спящих [Mansikka 1922: 83–84]. При этом не указывается, совершался в это время плач над покойником или нет. Л. Нидерле писал: «Я истолковал бы его (выражение *бдынъ дѣяти*. — И. У.) как бдение и связанные с ним элегии над умершим, ср. *umrlči* ночи у чехов и *puste* ночи в Польше» — [Нидерле 1956: 212, примеч.];

⁷¹ [Потебня 1891: 117]. Об этой статье А.А. Потебни не упоминают ни А.И. Соболевский, ни Г.А. Ильинский, хотя каждый из них делает обзор литературы о данном слове.

⁷² Этот же пример является лишним аргументом против предположения Н. Серебрянского, так как если бы *бдынъ* было равно по значению «кожеекрянию» или «лицедранию», то оно было бы лишним в данном контексте.

подробнее см.: [Niederle 1912: 277, 325–326]. С этим согласуется замена, сделанная в двух списках Пролога, где вместо выражения *ни бдына дѣяти* выступает *ни плакатиса*. Возможно, переписчики этих списков Пролога меняли малоизвестное слово на известный синоним⁷³. Правда, казалось бы, контекст, имеющийся в трех схожих списках Жития кн. Константина Муромского (Увар. 997а, Барс. 856, Муз. 517; приводим по последнему: погребаму блгов,рному кнзю Мiхаилу во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы верхъ холмом не сыпаху, но равно со землею, ни тризнища. ни дыни дѣяху, ни битвы ни ножи [sic] кроенiа не твораху, ни лица дранiя, ни плача безмѣрнаго) указывает отдельно на плач как на нечто отличное от бдына. Однако здесь имеется в виду, очевидно, последующий плач, длившийся «по многи дни»⁷⁴ и не исключавший, по-видимому, и более ранних «элегий».

Не рассматривавшийся до сих пор вопрос о способе словообразования, с помощью которого возникло данное слово, также представляет известные трудности. Обратные словари русского языка помогают решать этот вопрос с точки зрения словообразовательных моделей. Исходя из этого, следует считать наиболее вероятным, что слово было образовано безаффиксным способом от глагола *бѣдынити (ср. *сѣвъкупъ*, *сѣвъкупъ* ‘соединение’ от *сѣвъкупити*, *бег* — действие по глаголу *бежати* и мн. др.) и означает действие по этому глаголу. Последний в свою очередь образован от глагола *бѣдѣти* с помощью суффикса *-ын(и)ти* (ср. диал. *бузынитъ* ‘тянуть’, ‘суслить’ от *бузати* ‘жадно и много пить или хлебать’ [Даль 1956, I: 336], *тесынитъ* ‘идти шибко’ [там же, IV: 759], *от-тесынитъ* ‘оттесать’ [там же, II: 1974] и др.). Менее вероятно образование рассматриваемого слова непосредственно от глагола *бѣдѣти*, так как обратные словари не указывают слов, образованных от глагола с помощью суффиксов *-ынъ(ь)*, *-ына(я)* и означающих действие по этому глаголу⁷⁵.

⁷³ Подобным образом объясняется и замена слова *бдынъ* на слово *година*, употребленного в значении ‘церковная служба’. См.: [Срезн., I: 535].

⁷⁴ См., например, «Слово Иоанна Златоуста да не излише по младенцам плачем»: но сего възбраню еже плаката и желѣти по многи дѣи, iакѡ* невѣрны лицедѣрѣще и торжущѣ(с) власа» (цит. по: [Гальковский 1913: 177]).

⁷⁵ После публикации данной статьи (в 1962 г.) лингвисты неоднократно рассматривали слово *бдынъ*.

В Сл XI–XVII вв. (вып. 1, 1975: 84) это слово толкуется как «языческое надгробное сооружение» и иллюстрируется текстом из списка XVI в.: [Ольга] призва сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею равно погrestися, а могилы [не сути], ни трызнь творити, ни бдына [по вар.] дѣяти. Ж. кн. Ольги, 8. XVI в.–XIII в. В том же словаре с тем же значением, сопровождаемым вопросительным знаком, приведено слово *дымъ*; *бдынъ* и *дымъ* выступают в Сл XI–XVII вв. как варианты одного слова в одном и том же тексте.

Происхождение названия *Волга*

Название великой русской реки неоднократно привлекало внимание лингвистов, и тем не менее до сих пор происхождение этого слова не вполне ясно.

М. Фасмер присоединяется к той точке зрения, согласно которой слово *Волга* является исконно славянским, возникшим из праслав. **vьlga* ‘влага’, которое после отведения *l* изменилось в **vьlga*, ср. *волглый*, пол. *wilgoś* ‘влажность’, рус. *волога*, стел. и рус. *влага*, а после прояснения редуцированного — в *Волга* [Фасмер 1964–1973, 1: 336–337]. Эта точка зрения содержится в работах Т. Торбьёрнссона, Г.А. Ильинского, М. Рудниченко, К. Мошиньского, П.Я. Черных.

Другая точка зрения, согласно которой название *Волга* заимствовано из угро-финских языков, представлена именами А. Погодина, А. Преображенского, И. Розвадовского, Т. Лера-Сплавинского.

О.Н. Трубачев [ЭССЯ, вып. 7: 112, 113] писал (также сопровождая **бѣдѣнь* вопросительным знаком), что слово «вполне правдоподобно объясняется как с формально-лингвистической, так и с обрядной стороны как суффиксальное производное **бѣд-ун-* от основы гл. **бѣděti*, причем первичное значение *бдынь* — “надгробное сооружение, столб”».

Эта точка зрения детализируется А.Б. Страховым, который после подробного описания обычаев сооружения деревянных построек на могилах у разных народов приходит к выводу, что «посредством др.-русс. *дынь*, *б(ѣ)дынь* и русск. диал. *одын* обозначался ‘деревянный столб, предохраняющий могильный холм от расползания и проседания, способствующий его “надмеванию”, иначе говоря, этими терминами обозначали ‘укрепленный (срубом) могильный холм’» [Страхов 2002: 191].

В статьях З.А. Гриценко [1978; 1989] излагается точка зрения, согласно которой «слова “*бѣда*”, “*бѣдынь*”, “*дын*” возникли в результате ошибки переписчика из слова “година”. Это слово более раннее и чаще повторяющееся. Очевидно, в дефектном, неясно написанном тексте писец прочел вместо первого “го” — “б” и, не вдаваясь в подробности, в смысл, переписал его в свой текст. Таким образом, из “година” получилось “бдина”. ...Слово “година” — “время церковной службы и церковная служба”» [Гриценко 1989: 289]. Соглашаясь с этой точкой зрения, Г.Я. Романова уточняет значение, в котором в Житии Ольги использовалось слово *година*: не «время церковной службы и церковная служба», а «годовщина смерти, годовое поминовение умерших» [Романова 2000: 226].

Не говоря уже о странном преобразовании «го» → «б», трудно понять действия писца, который вписал в свой текст бессмысленное, непонятное ему слово, «не вдаваясь в подробности, в смысл», а также тех писцов, которые эту бессмыслицу воспроизводили.

Касаясь значения и происхождения слова *бѣдынь*, изложенных нами в статье 1962 г., З.А. Гриценко отметила: «Если взять данное слово вне контекста, то с выводами И.С. Улуханова нельзя не согласиться» [Гриценко 1989: 287].

В связи с этим обратим внимание на то, что предположение о значении слова *бѣдынь* было сделано нами во многом благодаря тому контексту, в котором оно выступает в качестве одного из однородных членов предложения со значением действия (см. с. 304).

Возражения, выдвигаемые сторонниками этой точки зрения против исконно славянского происхождения слова, сводятся к следующему. Во-первых, корень *vylg и значение ‘мокрый, влажный’ являются очень редкими в названиях славянских рек (известны лишь чеш. Vlhа — название реки в бассейне Эльбы и польск. Wilga — название реки в бассейне Вислы), а для больших рек вообще не употребляется. Во-вторых, название Волги является относительно поздним (в древности она называлась *Ра*, *Рава*), поэтому если бы река была названа прилагательным со значением ‘влажный’, то это должно было быть уже не прилагательное *vylgъ, а прилагательное, осложненное суффиксом -ък(ъ): *vylgъкъ (ср. диал. *волгкий*, ср. также *краткий*, *сладкий*, *узкий*). В-третьих, наряду с названием *Волга* была известна форма *Волгада*, которая скорее всего связана с прафинским *Valgeda [Lehr-Splawinski 1946: 197–198].

Сторонники угро-финского происхождения названия реки считают источником слова угро-финский корень *valg, который сохранился в названиях нескольких небольших рек (например, *Воложинка*, на которой расположен районный центр *Воложин* — северо-западнее Минска). Производные от *valg с типичным угро-финским суффиксом -da (-eda) сохранились в названиях небольшой речки *Воложода* (на Бобруйской низменности) < угро-финск. *valgeda и реки *Вологда*, на которой расположен одноименный областной центр (*Вологда* < угро-финск. *valgda). Значение угро-финских источников указанных гидронимов — ‘белый, светлый’ (ср. славянские названия: р. *Белая*, на которой расположен г. *Уфа*, и одноименная река, на которой расположен г. *Майкон*). Отсутствие полногласия в названии *Волга* подтверждает его сравнительно поздний характер: угро-финск. *valg было заимствовано тогда, когда закон перехода *tolt > *tolot в восточнославянских диалектах праславянского языка уже не действовал.

Т. Лер-Сплавинский полагает, что многочисленные названия водоемов, встречающиеся на территории, простирающейся от юго-западной границы Волынской возвышенности до Силезии и Великой Польши (*Болложевка*, *Бложевка*, *Блога*, *Особлога*, *Блоге*, *Бложин*), восходящие к праславянскому *bolg-, тоже угро-финского происхождения. Тот факт, что на этих территориях нет названий водоемов, опирающихся на *volg-, дает возможность Т. Лер-Сплавинскому предполагать, что угро-фин. v здесь произносилось как b (ср. рус. *ковер* — польск. *kobierzec* и др.), то есть, что все эти названия восходят к той же угро-финской праформе, что и *Волга*.

Еще одно мнение высказано Б.А. Серебренниковым [1955]. Не уделяя специального внимания слову *Волга*, Б.А. Серебренников причисляет это

название к многочисленному древнейшему топонимическому слою, характеризующемуся суффиксами *-ма*, *-га* и *-ша*. Он полагает, что волго-окские языки, в которых возникли эти древнейшие гидронимы, не принадлежат к угро-финской группе. Однако тот факт, что название *Волга* является поздним, позволяет сомневаться в его принадлежности к этому топонимическому слою. Возникает вопрос, не является ли древнейшее название *Ра*, упоминаемое древнегреческими авторами, словом одного из этих волго-окских языков, означающим 'река'? Ср. замечание Б.А. Серебренникова: «“Речные” суффиксы *-ша*, *-са* и *-ра* могли быть диалектными разновидностями какого-то слова, обозначавшего реку» [там же]. Такое предположение избавило бы от необходимости поисков сомнительных соответствий слову *Ра* в балтийских, германских [Rozwadowski 1948: 258] или индо-иранских языках [Фасмер 1964–1973, 1: 336, 337].

Таким образом, в настоящее время следует считать наиболее аргументированной гипотезу об угро-финском происхождении слова *Волга*. Ей не противоречат и культурно-исторические данные, согласно которым западной границей первоначального местожительства угро-финнов следует считать среднее течение Волги.